

Юрий
Воробьевский

НЕИЗВЕСТНЫЙ
Булгakov
НА СВИДАНИИ С САТАНОЙ

Annotation

Многих поклонников творчества Михаила Афанасьевича Булгакова волнует вопрос: а случались ли в его собственной жизни сверхъестественные явления, описанные в романе «Мастер и Маргарита»? Книга Юрия Юрьевича Воробьевского посвящена именно малоизвестным мистическим аспектам жизни и творчества М. А. Булгакова. Демонический мир, по мнению автора, выходит на прямой контакт с талантливым человеком (через его членство в «инициатических» обществах или родовые, личные грехи) и наделяет его своими «дарами», которые описаны в психиатрии, как автописьмо или синдром Кандинского-Клерамбо, а в православной традиции называется одержимостью. Так, многие знаменитые произведения искусства (классический пример: Гете и его «Юный Вертер») создали «моду» на самоубийство, прославление зла, демонические культы... Прошел через все это и М. А. Булгаков, считает Воробьевский, исследуя роль мистического в жизни и творчестве писателя.

- [Юрий Воробьевский](#)
  -
  - [Вместо предисловия](#)
  - [Об Огненном Змее](#)
  - [Смесь дьявола с кровью](#)
  - [Посвящение в литературу](#)
  - [В магическом круге](#)
  - [О мистической экологии](#)
  - [Договор подписан кровью](#)
  - [Синдром Кандинского](#)
  - [Мундштук дьявола](#)
  - [Слепые и зрячие](#)

- [Без глаз](#)
- [Врубель: кто там, в сирени?](#)
- [Агенты влияния](#)
- [Откупиться от ада](#)
- [Превращение](#)
- [Горький выстрелил в Пешкова](#)
- [Писатель и самоубийство России](#)
- [Ангелы, ставшие дегенератами](#)
- [Пророки и Пифии](#)
- [«Во мне живет мохнатый злобный жлоб...»](#)
- [И Горький поклонился...](#)
- [Слово на букву «ч»](#)
- [Отдел логофобии](#)
- [Сердце зверя](#)
- [Юнг, Вотан и Филемон](#)
- [Богатое воображение](#)
- [«Вот и я!»](#)
- [Улет над гнездом кукушки](#)
- [На балу в Спасо-Хаусе](#)
- [Демон справедливости](#)
- [Воланд только засмеялся...](#)
- [С почтением к Ангелу Смерти](#)
- [Кто такой Га-Ноцри?](#)
- [«Роман с Богом»](#)
- [Свет Шехины и Свет Фаворский](#)
- [Обожженный адом](#)
- [«Евангелие» от Воланда](#)
- [«Вечный огонь» из примуса](#)
- [Бумагия](#)
- [Пусть идола молчат](#)
- [Лев Толстой как зеркало троллей](#)
- [Поступь бес-культурья](#)
- [Цитируемая литература](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)

- 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
-

**Юрий Воробьевский
Неизвестный Булгаков. На
свидании с сатаной**

* * *

Вместо предисловия

Дело было в 1905-м. Однажды ночью проснулся мальчик. Разбудил сестру: «Знаешь, где я был сейчас? На балу у сатаны!» Звали мальчика Миша. Что за сон такой ему приснился? Откуда он взялся у живого и жизнерадостного ребенка?^[1]

Да и откуда сатана мог появиться, когда в душе мальчика созревала же мысль: Бога-то нет! Потом, лет через пять она, кажется, созреет окончательно. 3 марта 1910 года его сестра запишет в дневник: «Пахнет рыбой и постным. Мальчики [братья Коля и Ваня] сегодня причащались. Мы говеем, Миша ходит и клянет обычай поститься, говоря, что голоден страшно... он не говеет...» А в конце того же месяца идет такая запись: «...пережила я два интересных спора мамы и Вл. Дм. с Мишей и Иваном Павловичем, при моем косвенном участии... Теперь о религии... Я не ханжа, как говорит Миша. Я идеалистка, оптимистка... Я - не знаю... - Нет, я пока не разрешу всего, не могу писать. А эти споры, где И(ван) П(авлович) и Миша защищали теорию Дарвина и где я всецело была на их стороне - разве это не признание с моей стороны, разве не то, что я уже громко заговорила, о чем молчала даже самой себе, что я ответила Мише на его вопрос: «Христос - Бог, по-твоему?» - «Нет!»»

В эти страницы дневника, вероятно, в 1940 году вложен листок: «1910 г. Миша не говел в этом году. Окончательно, по-видимому, решил для себя вопрос о религии - *неверие*. Увлечен Дарвином. Больше всего любил «Фауста» и чаще всего пел «На земле весь род людской».

...Удивительные свойства имеют революционные годы! Как будто индуцируется массовый психоз, и даже

люди, не имеющие к событиям никакого отношения, переживают какое-то мистическое вторжение в душу. Характерно, что и во главе революционных событий зачастую становятся люди, психически нездоровые. Параноик «не знает раскола, противоречий, угрызений совести и «проклятых вопросов», отравляющих существование другим. Параноик всегда убежден, что он создан для великих событий» (Сироткина И. Классики и психиатры. М., 2009. С. 170).

В 1905 году психиатрические заведения Санкт-Петербурга и Москвы переполнились как никогда^[2]. А в далеком Каире в то самое время, когда на Красной Пресне шла стрельба, некто Алистер Кроули сидел и, не помня себя, записывал за диктовавшим ему голосом: «Делай что хочешь, и в этом главный закон...» Диктовавший назвался демоном Айвазом.

«Делай что хочешь...» Пройдут годы, и балтийская матросня напишет на своих лозунгах несколько иначе: «Анархия – мать порядка». 1917-й год принесет мальчику, «побывавшему на балу у сатаны», новое видение. Случится это в селе Никольском Смоленской губернии. В морфинистском «прозрении» земский врач Михаил Афанасьевич Булгаков увидит огненного змея, сжимающего в смертоносных кольцах женщину. Это видение поразит. Потребуется излиться на бумагу. И он возьмется за ручку...

Об Огненном Змее

В inferнальном, дьявольском происхождении поразительного видения сомнения нет. Еще в конце XIX века исследователи фольклора отметили этот устойчивый сюжет. Вот, например, Сергей Максимов писал об Огненном Змее, который является «в виде сказочного чудовища – достойного соперника славных и могучих богатырей, «Змея Горыныча», превратившегося в удалого доброго молодца – женского любовника. Многие женщины, особенно в местах, живущих отхожими промыслами, передают священникам на исповеди, что их отсутствующие, а часто и умершие мужья являются к ним въяве и спят с ними, т. е. вступают в половое сношение...

Рассказы подобного рода чрезвычайно распространены, причем бросается в глаза удивительное однообразие частностей этого явления и его печальных, нередко трагических, последствий... Самого посетителя сторонним лицам не видно, но в избе слышен его голос: он и на вопросы отвечает, и сам говорить начинает. Сверх того, посещения его заметны и потому, что возлюбленные его начинают богатеть на глазах у людей, хотя в тоже время всякая баба, к которой повадился змей, непременно начинает худеть и чахнуть... а иная изводится до того, что помирает или кончает самоубийством...» (Русское колдовство. М.-СПб., 2002). Состоящий из адского пламени пришелец ведь не любовью горит, он пышет злобой.

Истории эти – уже не об измене отсутствующему мужу, а об измене Богу. Хотя, конечно, и Огненный Змей может погореть. В юности подобное видение было и преподобной Елене Мантуровой и тогда она, призвав на помощь Пречистую Деву, дала обет безбрачия. Старец

Серафим Саровский благословил ее на обручение с Женихом Небесным... Подобные рассказы об Огненном Змее записаны и в наше время, особенно много – со слов вдов после Второй мировой войны.

Огненный Змей... В комнате, где Булгаков жил до 1915 года, на стене была сделана надпись: «Ignis Sanat («огонь излечивает») – прямая ассоциация с масонской аббревиатурой INRI. Она означает «огнем природа обновляется» и одновременно пародирует надпись на Голгофском кресте, где латинские слова Iesus Nasareus Rex Iudaeorum складываются все в то же INRI.

Напомним и еще одну важную деталь. «Прозрение» Михаила Афанасьевича было морфинистским.

Смесь дьявола с кровью

Мальчик задыхался. Счет шел на секунды. Трахеотомия, которую сделал доктор Булгаков прошла успешно, но в последний момент его словно кто-то под руку подтолкнул. Скальпель прорезал перчатку, и на пальце выступила капля крови. Как неприятно! Пришлось сделать себе прививку от дифтерита. Вскоре начался зуд и сильные боли. Когда Михаил Афанасьевич больше уже не мог терпеть, ввел себе раствор морфия. Боль как рукой сняло.

Морфий. Шприц с однопроцентным раствором. Укол – чье-то теплое прикосновение к шее – и забыты пугающие вести из больших городов, не слышна тревожная «музыка революции», отступают тоска и одиночество. Потом, в рассказе «Морфий», он напишет: «Первая минута: ощущение прикосновения к шее. Это прикосновение становится теплым и расширяется. Во вторую минуту внезапно проходит холодная волна под ложечкой, а вслед за этим начинается необыкновенное прояснение мыслей и взрыв работоспособности. Абсолютно все неприятные ощущения прекращаются. Это высшая точка проявления духовной силы человека. И если б я не был испорчен медицинским образованием, я бы сказал, что нормально человек может работать только после укола морфием».

Но дозы становились все больше. Двухпроцентный раствор он назовет потом чертом в склянке. Булгаков осунулся, постарел. Смерть уже стояла на пороге. (Земская Е. Из семейного архива // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988).

Описанный в «Морфии» доктор Поляков – это, конечно, сам автор: «Я меряю шагами одинокую пустую большую комнату в моей докторской квартире по

диагонали от дверей к окну, от окна к дверям. Сколько таких прогулок я могу сделать? Пятнадцать или шестнадцать - не больше. А затем мне нужно поворачивать и идти в спальню. На марле лежит шприц рядом со склянкой. Я беру его и, небрежно смазав йодом исколотое бедро, всаживаю иголку в кожу. Никакой боли нет. О, наоборот: я предвкушаю эйфорию, которая сейчас возникнет. И вот она возникает. Я узнаю об этом потому, что звуки гармошки, на которой играет обрадовавшийся весне сторож Влас на крыльце, рваные, хриплые звуки гармошки, глухо летящие сквозь стекло ко мне, становятся ангельскими голосами, а грубые басы в раздувающихся мехах гудят, как небесный хор. Но вот мгновение, и кокаин в крови по какому-то таинственному закону, не описанному ни в какой из фармакологий, превращается во что-то новое. Я знаю: это смесь дьявола с моей кровью. И никнет Влас на крыльце, и я ненавижу его, а закат, беспокойно гроыхая, выжигает мне внутренности. И так несколько раз подряд, в течение вечера, пока я не пойму, что я отравлен. Сердце начинает стучать так, что я чувствую его в руках, в висках... а потом оно проваливается в бездну, и бывают секунды, когда я мыслю о том, что более доктор Поляков не вернется к жизни...»

Посвящение в литературу

Со слов Татьяны Николаевны, жены Булгакова, записан такой рассказ.

Однажды она с тихой радостью сказала, словно сюрприз преподнесла: «Миша, у нас будет чудесный ребеночек!». Муж помолчал немного, а потом ответил: «В четверг я проведу операцию». Тася плакала, уговаривала, боролась. А Миша все твердил: «Я врач и знаю, какие дети бывают у морфинистов». Таких операций Булгакову делать еще не доводилось (да и кто мог бы обратиться к земскому врачу, лечащему одних крестьян, с подобной просьбой?). Прежде чем натянуть резиновые перчатки, он долго листал медицинский справочник. Операция длилась долго, Тася поняла: что-то пошло не так. «Детей у меня теперь никогда не будет», – тупо подумала она; слез не было, желания жить тоже. Когда все было кончено, Тася услышала характерный звук надламывания ампулы, а затем Миша молча лег на диван и захрапел.

Тому, что произошло дальше, нет другого объяснения, кроме мистического. Тася, атеистка с гимназических времен, вдруг стала молиться: «Господи, если Ты существуешь на небе, сделай так, чтобы этот кошмар закончился! Если нужно, пусть Миша уйдет от меня, лишь бы он излечился! Господи, если Ты есть на небе, соверши чудо!»

Дойдя до 16 кубов в день (четырёхпроцентного раствора морфия!), Михаил вдруг надумал ехать советоваться к знакомому наркологу. Шел ноябрь 1917-го, в Москве пожаром разгоралось восстание. Свистели пули, но Булгаков их не замечал, и вряд ли даже сознавал, что в России происходит нечто страшное: он был поглощен своей собственной, частной катастрофой.

Что именно сказал тогда коллеге московский доктор – неизвестно, но только с той поездки Михаил Афанасьевич стал понемногу уменьшать ежедневную дозу наркотика.

В этом хаосе морфий продавался уже совсем без рецепта и стоил не дороже хлеба, но Булгаков держался.

– Да, Тася, да, – однажды сказал он, заметив недоверчиво-счастливый взгляд жены. – Начинается отвыкание.

– Миша, я знала, что ты человек достаточно сильный.

Булгаков усмехнулся. Он знал: та стадия морфинизма, которую он переживал еще несколько недель назад, лечению не поддается. Произошло необъяснимое – как будто вмешалась какая-то сила, которая хотела от Булгакова не скорой гибели, а неких великих свершений...

Страсть к наркотику ослабевала. Демона Азазеля, который обучил допотопное человечество «силе корней и трав»^[3], вытеснило что-то другое. Более сильное. Он писал! Оставлен был не только морфий, заброшена была врачебная практика. Он писал! «Огнем природа обновилась»? До небес дошла молитва любящего человека? Или...

«Происшедшее с доктором Булгаковым было именно посвящением в литературу, совершившимся по всем правилам древних мистерий. Здесь присутствовали все три их составляющие: опыт соприкосновения с иным миром для получения мистического озарения, опыт смерти, умирания и, наконец, возрождение в ином качестве^[4]. Морфий «убил» врача Булгакова и родил – гениального писателя»... (См. статью иеромонаха Нектария (Лымарева) в журнале «Русский дом» № 2 за 2002 год.)

В своей «Автобиографии» (1924 г.) Михаил Афанасьевич описывал все гораздо прозаичнее: «...

окончил Университет по медицинскому факультету, получил звание лекаря с отличием. Судьба сложилась так, что ни званием, ни отличием не пришлось пользоваться долго. Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, едучи в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали. Потом напечатали несколько фельетонов. В начале 1920 года я бросил звание с отличием и писал».

Впрочем, намек на мистический поворот судьбы (вполне в стиле «Мастера») мы можем увидеть в «Заметках автобиографического характера», записанных в 1928-1929 гг. другом Булгакова филологом П. С. Поповым. Писатель доверительно сообщал ему: «Пережил душевный перелом 15 февраля 1920 года, когда навсегда бросил медицину и отдался литературе». Даже дату точную назвал. Да какую! 15 февраля ведь – Сретение Господне. Рожденный заново, Булгаков сам вошел в храм литературы. Но с кем же он встретился?

«Посвящение» в литературу или в творчество вообще – вещь не уникальная. Уже в середине XX века врач и философ В. фон Вайцзеккер «описал случаи, когда идея или философское понятие рождались после физической болезни, как бы занимая ее место, и предложил называть это явление «логофанией»» (Сироткина И. Классики и психиатры. М., 2009. С. 89).

Томас Манн писал, по сути, о том же: «Жизнь не жеманная барышня, и, пожалуй, можно сказать, что творческая, стимулирующая гениальность болезнь, которая преодолевает препятствия, как отважный всадник, скачущий с утеса на утес, – такая болезнь бесконечно дороже для жизни, чем здоровье, которое

лениво тащится по прямой дороге, как усталый переход...»

Мистерия... Но ведь мистерия требует жертвы. Была жертва. В жизни Булгакова - была. И какая! Собственный первенец. Чрево супруги стало алтарем, на котором отец собственноручно умертвил младенца. Такие убийства издавна считались знаком отречения от Бога.

В магическом круге

Постойте, постойте! Подобная «мистерия» произошла ведь и с другим гением: «Будучи студентом юридического факультета, Гёте серьезно заболел: болезнь казалась неизлечимой... «Я, – писал об этом Гёте, – был потерпевшим кораблекрушение, и душа моя страдала сильнее, чем тело». Родители препоручают юношу заботам д-ра Иоханна Фридриха Метца, о котором говорят, как о «человеке загадочном [...] настоящем медике розенкрейцеровской традиции, для которого исцеление тела должно привести к исцелению души».

Д-р Метц спасает Гёте и передает его заботам Сюзанны де Клеттенберг, в доме которой собирается кружок пиетистов и оккультистов. Здесь Гёте читает Парацельса, Василия Валентина, Якоба Беме, Джордано Бруно и прочих. Его справочной книгой становится *Aurea Catena*, произведение алхимическое».

Как интересны совпадения в судьбах Булгакова и Гёте! Случайны ли они?

...Вошел изящный кавалер. Он бледен. В бархатном колете и шелковом плаще, со шпагой. На берете колеблется тонкое петушиное перо... Узнали? Да, это он – Мефистофель. Говорят, столь известным его сделал Гёте... «Пьесы, картины, поэмы, романы, оперы, кантаты и фильмы. Начиная с XVI столетия и вплоть до настоящего времени, запечатлели они Фауста и его демонического спутника, Мефистофеля. Если включить сюда еще легенду о Дон-Жуане, тесно связанную с историей Фауста, – со всеми ее воплощениями, от моцартовского «Дона Джованни» до «Дон Жуана в аду» Бернарда Шоу, – эту историю можно считать пятисотлетним лейтмотивом западного искусства» [66].

А, может быть, наоборот? Может быть, это великий классик стал таковым благодаря демону?

Полноте! Что за парадокс? Как может литературный персонаж прославить автора?

Итак, вошел изящный кавалер... Но почему так пахнет псиной? Ах, только что здесь был черный пудель! Откуда он взялся? Куда делся?

Гёте: кто там за левым плечом?

Гёте странным образом «путал» божественное и демоническое: «Всякое творчество высшего порядка, всякий значительный замысел, всякая великая мысль, приносящая плоды и не пропадающая бесследно, не подчинены ничьей власти и стоят выше всякой земной

силы; человек должен считать все это неожиданными дарами, проявлениями Божества, которые он должен принимать и почитать с радостной благодарностью. Все это родственно той демонической силе, которая по своему произволу распоряжается человеком... В подобных случаях на человека часто надо смотреть как на орудие высшего промысла» [цит. по 82].

Какой же «промысел» заставил создать Фауста и Мефистофеля? Неужели и взаправду «высший»?

Насчет Мастера и Воланда мы еще поговорим, а пока скажем о Фаусте. Вы знаете, главный герой Гёте не выдуман! Мы имеем дело с псевдонимом реального ученого, характерным для гуманистов «Возрождения». По сути, взамен христианских имен они принимали новые, инициатические.

...В романе Булгакова есть такой эпизод с Мастером: он взглянул на иконку с изображением ангела-хранителя и увидел, что ангел отвернулся от него. Да, Мастер ведь и сам отрекся от своего небесного покровителя, отказавшись от имени, данного ему при крещении.

Получившие инициатические имена адепты называли себя «посвященными». Но никогда не уточняли: посвященными – кому. Теперь-то, из биографий, уже ясно: демонам гордости, славы, сластолюбия... Самонадеянный Филипп Аурелий Теофраст фон Гогенгейм величал себя Парацельсом, то есть лучшим, чем знаменитый Цельс. Другой врач, ученик Агриппы, Иоганн из Дюссельдорфа, устрашающе назвался Вирусом, то есть ядом. Охотник до барышень и вина Георг Хельмштеттер взял имя Фауста. По латыни Фаустус – «счастливый». Почему же от этого несчастного Георга, «доктора Джекила», отделился «мистер Хайд»? [5] Какого же счастья захотел Хельмштеттер?

Человек всегда хочет счастья. Так было, и так будет – и на Западе, и на Востоке.

Каково происхождение русского слова «счастье»? Первоначально это – «хорошая часть, доля». В православном сознании – близко к понятию «причастие». Счастье – быть с Богом.

Фортуна – это «счастье» человека западного мира. Знаете, как изображается этот языческий кумир? Фортуна стоит на шаре (что означает зыбкость удачи), с повязкой на глазах и рогом изобилия. В Древнем Риме ее культ особенно возрос со времени Сервия Туллия, который построил несколько храмов Фортуны. Он был уверен: богиня возлюбила его настолько, что сделала из сына рабыни – царем. В русском фольклоре такой сюжет редок, но известен. Он называется недвусмысленно: «Повесть об убогом человеке, како ево диявол произведе царем»... Фортуна, как видим, может подарить земную власть, славу. «Радости» власти и славы, винопития и блуда сыпятся из ее же рога... Сдается мне, что рог этот позаимствован у дьявола.

Прижизненных, достоверных свидетельств о жизни и смерти Фауста, этого современника Агриппы и Парацельса, предостаточно. Вот некоторые из них, датированные XVI веком^[6].

Фауст. Гравюра XVII века

Филипп Меланхтон: «Однажды в Нюрнберге ему в самом начале трапезы стало жарко. (Видимо, он уже почувствовал под собой костер.) Он тотчас же встал и заплатил хозяину, что был должен. Только он вышел за дверь, как тут же явились сыщики и спросили, где Фауст».

Богослов Иоганн Гаст, лично встречавшийся с Фаустом: «Злосчастный погиб ужасной смертью, ибо диавол удушил его. Тело его все время лежало в гробу ничком, хотя его пять раз поворачивали на спину».

Магическое кольцо и круг Фауста. Даны по его описаниям.

Богослов Иоганн Вир: «Его нашли мертвым в одной деревне Вюртембергского княжества, лежащим около постели со свернутой головой. Говорят, что накануне в полночь дом тот вдруг зашатался».

Профессор Гейдельбергского университета (в нем учился Хельмштеттер) Августин Лерхеймер: «Тот же дух вскоре безжалостно умертвил его, прослужив ему перед этим двадцать четыре года».

Сам Фауст описал, как впервые вызвал духа. Не начертив охранительного круга, начинающий маг оказался полностью во власти пришельца... Он и

взаправду был в магическом круге предрассудков, характерных для ученого немца. Порядок, «методология», думал он, важнее всего и в оккультизме. «Великий маг» так и не понял, в чем ошибка. Проявив волю к общению со злом, спастись от него нельзя никакими кругами. Впрочем, что-то Фауст подозревал еще задолго до своей страшной смерти.

«Хотя черный маг во время подписания акта со стихийным демоном может быть полностью убежден в своей силе и способности контролировать бесконечные силы, которые ему даются в распоряжение, часто мага очень быстро обманывают. Пройдет немного лет, а он уже будет устремлять все свои усилия на самосохранение. Мир ужаса, в который он себя вверг из-за своей жадности, приближается каждый день, и, наконец, он обнаруживает себя на краю водоворота, ожидая всякий раз, что его поглотит пучина. Боясь умереть... маг совершает преступление за преступлением из стремления продлить свое несчастное земное существование» (цит. по: Мэнли П. Холл. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии». Т. II. Новосибирск, 1992).

Нет, неспроста «счастливчик» заговорил о «несчастном земном существовании» мага. Со знанием дела написано. Со всей психологической убедительностью.

(Характерно, как в Германии в 1932 году решили отметить память Гёте. «Примерно за полтора года до описываемых событий знаменитый английский «охотник за привидениями» Гарри Прайс вдруг объявил, что нашел немецкую рукопись XV века, которая будто бы послужила для Гёте источником сцен ведьмовского шабаша на Брокене. Среди прочего манускрипт содержал описание некромантического ритуала превращения белого козла в юное человеческое

создание «непревзойденной красоты». Узнав об открытии Прайса, организаторы мероприятий в ознаменование 100-летия смерти Гёте стали настойчиво приглашать его в Грац, дабы там, вблизи горы Брокен, провести сеанс черной магии. Прайс тянул время, искал благовидные предлоги для отказа. И все же в июле ему пришлось приехать в Грац. Вслед за ним туда съехались из разных стран журналисты, съемочные группы киностудий и энтузиасты паранормальных явлений. Сеанс закончился полным конфузом. Невзирая на замысловатые латинские заклинания, козел не пожелал превращаться. Позор Прайса запечатлели кинодокументалисты Европы и Америки». («Совершенно секретно». № 7, 2003). Каково было разочарование европейцев XX века! Дьявол не явился! Хотя на самом деле он был уже рядом. Близился 1933 год.)

А вот еще эпизод из жизни Фауста: «... францисканскому монаху из Эрфурта доктору Клинге, который «хотел вырвать его из лап дьявола и обратить в истинную веру», он гордо ответил: «У меня есть свое письмо и печать, которые я скрепил собственной кровью. Мне во многом помог черт, он был честен со мной, и я буду честен относительно всего, что я сказал и пообещал черту» [4]. Браво! Честный немец!

Незадачливый заклинатель. Старинная гравюра

В руководстве по магии (написано в 1524 году) Фауст рисует портрет своего «помощника». «Асиель: самый могучий из всех духов, которые поступают на службу людям. Он появляется в приятном человеческом образе примерно трех футов росту. Его нужно заклинать

три раза перед тем, как он появится в заранее очерченном для него круге. Он достает богатства и любую вещь из любого края, согласно пожеланиям волшебника. Он быстр, как человеческая мысль». (Вот этот «симпатичный» коротышка и свернул своему подопечному шею.) В легендах о Фаусте (например, изданной в 1587 году народной книге Mephostofiles), Асиелю было присвоено «говорящее» имя. Его произвели, скорее всего, от еврейского mephiz - «разрушитель» и topfel - «лжец».

Фауст в магическом круге вызывает Мепистофеля. Из «Трагической истории доктора

Фауста» К. Марлоу. 1631 г.

Мефистофель в профессорской шапочке

Итак, Мефистофель – реальный личный демон реального доктора Фауста. Скептический остроумец и не такой уж страшный ночной посетитель. Вот внешность, нарисованная Гёте. Она намного отличается от известных описаний магических инкунабул. Ведь из них можно узнать, что наиболее «приятное» воплощение Асиеля – это маленький лысый человек в черной шапке. А тут – какой щеголь! С пером! Да, не очень привычный для времен Гёте образ демона. (Разве что Панург является у Рабле не просто трехсотлетним, бледным и покрытым шрамами, но и – аристократично-красивым, высоким и элегантным. Важная деталь: Панург («вседелатель») учился в Толедо, важнейшем центре кабалистики). Знаменитый поэт явно приукрасил бесяру.

Но самое главное, изобразил его – ни больше, ни меньше – служителем Бога. «Бог не только терпит, но и утверждает злой замысел Мефистофеля. Он даже сознается в некоторой привязанности к Дьяволу. «К таким, как ты, вражды не ведал я»:

Хитрец, среди всех духов отрицанья,
Ты меньше всех был в тягость для меня.
Слаб человек; покорствуя уделу,
Он рад искать покоя, – потому
Дам беспокойного я спутника ему:
Как бес, дразня его, пусть возбуждает к делу!

Да, Гёте как будто выполнил «пиаровскую» акцию. Если предположить, что это так, то ее заказчиком был сам ад. Но тогда поэт имел инфернальные контакты? Гёте, который всю жизнь был «противником всего вулканического»? Который решительно боролся с различными проявлениями демонизма в искусстве? На этот счет Цвейг делает тонкое замечание: «... именно этот озлобленный отпор убедительнее всего доказывает, что для его искусства борьба с демоном была вопросом существования, ибо только тот, кто встретился в жизни с демоном, кто, содрогаясь, заглянул в лицо Медузы, кто испытал эту пытку, лишь тот может ощущать в нем столь опасного врага. По-видимому, в чаще своей юности Гёте пришлось, решая вопрос о жизни и смерти, столкнуться с этой опасностью, – об этом свидетельствуют пророческие образы Вертера, Тассо... – образы, созданием которых он отвратил от себя их судьбу. От этой ужасной встречи у Гёте на всю жизнь осталось озлобленное благоговение и нескрываемый страх перед смертельной силой великого

противника. Магическим взором он узнавал кровного врага во всяком образе и воплощении: в музыке Бетховена, в «Пентесилее» Клейста, в трагедиях Шекспира...» С пониманием дела написано.

Если Цвейг прав, понятным становится, почему Гёте переделал трагический финал повести о Фаусте из народных легенд. У писателя ученый прощен и спасен. Так автор успокаивает читателя. Или самого себя?

Томас Манн в подобном сюжете более традиционен. «Манн начал работать над «Доктором Фаустусом» в 1943 году и завершил его через два года после войны, в 1947-м. Главный герой, Адриан Ливеркюн, – не только Фауст, его прообразами также являются Лютер, Ницше, Вагнер и вся Германия, в особенности, Германия после 1918 года. Ужаснувшись разрушению европейской цивилизации и окончательному ее краху в Германии, Манн отринул гётевский оптимизм, вернувшись к пессимизму первоначальной книги о Фаусте, где ученый был проклят. Приговорив Фауста, Манн вынес приговор всему западному обществу XX столетия с его фаустовским порывом» [66].

Случайно ли и у Булгакова Воланд, этот новый Асиель, появился? Казалось бы, совсем не вовремя. Не то время на дворе. Да и в прозе – социалистический реализм... Впрочем, Воланд, надо признаться, весьма реалистичен. Как будто личного знакомого описал Михаил Афанасьевич. А что, может быть, они и были знакомы?

О мистической экологии

О, в жизни человека бывают такие случаи и встречи, что и не знаешь, как к ним относиться. Что такое, например, полет на бал сатаны или на Лысую гору – разве не полет фантазии? Впрочем...

«В деревне Терebeneво (Жиздринского уезда, Калужск. губернии) семилетняя девочка Саша говорила матери, что она с теткой Марьей, у которой жила в няньках, каждую ночь летала на лысую гору.

– Когда все заснут, погасят огни, тетка Марья прилетит сорокой и застрекочет. Я выскочу, а она бросит мне сорочью шкуру, надену я ее – и полетим. На горе скинем шкуры, разложим костры, варим зелье, чтобы людей поить. Слетается баб много: и старых, и молодых...

То же самое Саша рассказала отцу... Думал, думал отец и надумал сводить свою дочку в церковь, исповедовать ее, причастить. Да не возьмет ли священник отчитать ее?!

От исповеди, однако, девочка сама отказалась:

– Ведьмы не молятся и не исповедуются!

И в церкви повернулась к иконостасу спиной. Священник отчитывать отказался и посоветовал девчонку хорошенько выпороть.

– Какой сорокой она скидывалась, куда летала? И ты, дурак, веришь болтовне ребенка?

В волости жалобщику поверили и Марью признали за колдунью. Порылся писарь в законах и оповестил:

– Нет, брат, против черта ничего не поделаешь: никакой статьи противу его я не подыскал» [70].

Да, и прежде, и в наши дни: никакой юридической управы на дьявола не сыщешь. Вроде как и нет его.

А он – вот он! Нарядился этнографически-фольклорным персонажем и посмеивается.

В конце XIX – начале XX веков сюжет договора с дьяволом зафиксировали многочисленные записи этнографов – П. Минорского, А. Колчина, С. Гуляева, П. Богатырева и других. Да мало ли еще не известных бывальщин о колдунах отложилось в архивах Русского географического общества! Эти свидетельства ждут вдумчивого исследователя, но, конечно, православного, имеющего благословение на сей опасный труд. Невоцерковленный ученый может легко «облучиться» от материала, внутреннего смысла которого он не понимает. Профессор-материалист ведь в этих вопросах – полный неуч. Меж тем Ивашка Волошанинов (дело 1677 года), давая списывать Мишке Свашевскому текст присушки, включающей отречение от Бога, говорил, «чтоб он, Мишка, тех писем не много чел, а буди стане честь много, и к нему найдет нечистых духов много, и от них де ему отговоритца не сумеет».

Неправославный публикатор «этнографического материала» и вообще опасен для общества. Он может распространить эпидемию тысячными тиражами. Вот академик Н. И. Толстой подчеркивает важность классификации заговоров и заклинаний: «Результаты эти... могут быть использованы в качестве исходного материала для последующих операций – для внутренней реконструкции славянской духовной культуры» [85]. Реконструкция колдовства? Но это ведь возобновление разговора с бесами! Понимает это академик или нет? Рано или поздно, завершив «реконструкцию», пытливый исследователь захочет применить заклинание на практике. А желание, проявление свободной воли, направленной в ад (даже по незнанию), – как раз то, что и нужно рогатому. Придет ведь! Не боится ли академик, что и сам «отговоритца не сумеет»?!

Есть о чем задуматься, есть. Бабушки и шаманы ведь, давая интервью исследователю, в обычном состоянии даже воспроизвести всю жизнь повторяемые тексты не могут, только в трансе. Это ни о чем не говорит этнографу? Не задумывается ли он, выискивая передаваемые из поколения в поколение тексты, откуда взялся самый первый из них? И не удивляется ли, когда новые абракадабры рождаются у него на глазах? Бу-бу-бу... Бу-бу-бу... И – «арип» (аминь на тарабарщине).

Вот современный ученый записывает за женщиной-шаманом: «Я получаю какое-то сообщение, то есть я пишу на бумаге иероглифы, а потом сама для себя их прочитываю – то есть я... сама для себя знаю, что там написано.

– Пишите Вы это в особом состоянии, когда рука как бы произвольно делает это сама?

– Да, рука произвольно пишет...» [85].

Это не просто загадочный феномен. Это нечто, имеющее к нашей теме самое прямое отношение. Впрочем, к столь важной для «свободного творчества» теме мы еще вернемся.

Договор подписан кровью

Предваряя разговор о взаимоотношениях Воланда и Мастера, а также Булгакова и кого-то нам неизвестного (может быть, и с петушиным пером!), обратимся к исторической аналогии.

Был некий священник Теофил из малоазийского города Адана. Когда ему предложили епископство, он благочестиво отказался. А новый епископ обрушил на него несправедливые гонения. Теофил поклялся отомстить. Он обратился к еврейскому магу, который ночью привел его в пустынное место. Там священник обнаружил диавола со свитой. Теофил произнес клятву верности сатане, отрекся от Бога, подписал договор и поцеловал владетеля ада в знак верности. Былое влияние возвратилось к нему, он проводил время в роскоши. Однако пришел час расплаты. Дьявол послал за ним демонов. Теофил раскаялся и просил помощи у Богородицы. Пречистая спасла несчастного клирика.

Сия история – одна из первых в христианской литературе, повествующих о договоре с дьяволом. Она была зафиксирована Евтихианом в VII веке. (Хотя еще раньше блаженный Августин писал о магии и астрологии как проявлении «губительной общности между человеком и демонами», как о договорах неверной и коварной дружбы.) С тех пор пакт смерти подписывали сонмы несчастных. Вот текст одной такой inferнальной сделки: «Темнозрачному адских пропастей начальнику и служителем его демоном вручаю душу и тело мое, ежели по моему требованию чините мне споможение будут. Кровию своею подписался Иван Робота». Было это в 1749 году.

В разные века с такими договорщиками поступали согласно духу времени. Сжигали на кострах, объявляли

психически больными или жертвами «объективных социальных процессов». Потом усилиями литераторов и кинематографистов эта тема и закрепилась в сознании как мифическая. Однако...

В конце 80-х знакомый мне игумен был настоятелем крупного провинциального монастыря. И в те годы, когда страна являлась еще практически атеистической равниной, он трижды столкнулся с реальностью того, что кажется многим всего лишь плодом писательской фантазии или средневекового религиозного фанатизма. Он столкнулся с реальностью договора с дьяволом.

...Сорокалетний партийный работник оказался в монастыре, конечно, впервые в жизни. Его била крупная дрожь, и он едва способен был рассказать то, что с ним произошло. Суть сводилась к следующему.

Его папа был генералом НКВД, любимцем Хрущева. Он умер, когда сын заканчивал школу. Вскоре к нему, комсомольцу и активисту, явился некто и предложил подписать договор. Взамен пообещал: все, что хочешь, в жизни у тебя будет.

И теперь он явился снова: «Ну, мы свой договор выполнили. Теперь выполняй ты. Вот папино ружье на стене. Снимаешь носок, дуло вставляешь в рот и пальцем ноги нажимаешь на курок. Боли не успеешь почувствовать».

- Да мне же всего сорок лет! Я еще жить хочу! Почему именно сейчас?!

Пришелец грустно объясняет, как непонятливому ученику: «Мы тебе все уже дали. Ничего нового в жизни не будет. Ну, очередная попойка на партийной даче, очередная женщина. Будет изменяться только количество... Не бойся».

- Нет, нет! Ни за что!

- Ну смотри, хуже будет!

Партработник согласился исповедоваться, стал жертвовать деньги храмам, но раз от разу приходил во

все более жутком виде. Оказалось, что каждый день некие прилично одетые «люди» встречают его и избивают жесточайшим образом. Лицо несчастного превратилось в сплошной синяк с желтыми подтеками под глазами. Однажды священник даже не узнал в этом существе еще недавно вполне респектабельного функционера.

А тот, содрогаясь от воспоминаний, поведал об очередном предложении ада.

Он проснулся ночью, почувствовав, что в комнате есть кто-то еще. Ноги, спущенные с кровати, наступили на что-то мягкое. На полу лежал огромный дог. Откуда он взялся в запертой квартире? Вдруг собака подняла голову и произнесла: «Ну, если боишься из ружья, возьми кинжал из папиной коллекции. Острие приставляешь на два сантиметра ниже левого соска, слегка хлопаешь по рукоятке... Будет небольно».

Батюшка отправил его в келью – подготовиться к исповеди.

Вскоре тот в ужасе примчался вновь: «Сейчас он шел мне навстречу по лестнице. Сказал: если не уберешься из монастыря, будет еще хуже». И, словно безумный, бросился куда-то за ворота обители...

Еще один рассказ, выслушанный игуменом. Как-то на дружеской вечеринке один человек, подвыпив, ляпнул: «Надоело все. Эта жизнь, где еле сводишь концы с концами. Если был бы дьявол, продал бы ему душу».

Через несколько дней в дверь его квартиры позвонил прилично одетый мужчина с «дипломатом». Вкрадчиво спросил:

- Вы хотели что-то продать? А я как раз тот, кто может купить...

- Что продать? - не понял хозяин. Он уже подзабыл свой пьяный треп.

- Ну, как же, такого-то числа вы были в гостях у своих друзей?

- Был.
- Там были такие-то и такие-то люди. Помните?
- Да.
- И вы сказали...

Несчастный вспомнил суть разговора и почувствовал, что от ног начинает подниматься холод. А посетитель с мягким напором продолжал: «Вы ведь не верите в дьявола. Чего же вам стоит подписать договор с ним? Вы договариваетесь с тем, в кого не верите, а взамен получаете... - тут он распахнул «дипломат», наполненный невиданными еще тогда в провинции пачками зеленоватых купюр, - миллион долларов. Правда, подписаться надо кровью. Но это все равно что анализ из пальца сдать».

«Я не готов. Мне надо подумать. Это так неожиданно...» - залепетал бедолажный атеист.

Гость закрыл «дипломат»: «Ну, подумайте день-два. Я еще вернусь». И растаял в воздухе. Вместе с деньгами.

А серенький российский интеллигентик так и застыл на стуле. Над ним - портрет пьяницы Хемингуэя, гитара в углу, пара полок с литературой, обменянной в свое время на макулатуру. Читал ведь, дурачок, и Гоголя, и Достоевского. Да думал, что бес - это так, фигура речи. А он пришел, как к Ивану Карамазову. Вспомнил?

«- Ты - сон, и ты не существуешь! - в гневе кричит Иван своему посетителю.

- По азарту, с каким ты отвергаешь меня, - засмеялся посетитель, - я убеждаюсь, что ты все-таки в меня веришь.

- Нимало! На сотую долю не верю!

- Но на тысячную веришь. Гомеопатические доли ведь самые, может быть, сильные...

- Оставь меня, ты стучишь в моем мозгу, как неотвязный кошмар, - простонал Иван в бессилии пред своим видением, - мне скучно с тобою, невыносимо и

мучительно! Я бы много дал, если бы мог изогнать тебя!»

Поздно! Поздно! Пригласить его проще, чем прогнать.

Судя по сатанизации мира, на договорах с дьяволом скоро будут специализироваться целые юридические фирмы.

...Тот банкир пришел к игумену не очень взволнованным. Изложил все по-деловому. К нему являлся странный посетитель. Прилично одетый, с портфелем. Но как бы... полупрозрачный. Сквозь него было видно. Пришел и заговорил грустным, усталым голосом: «Как ты живешь? Водка, бабы, деньги... Деньги, конечно, нужны, но ради достижения цели. Знаешь, что самое главное в жизни? Власть! А нам нужны люди во власти. Если договоримся, будешь депутатом. Для начала. А там посмотрим».

У банкира было два четких вопроса. Первое: может ли это быть на самом деле? Священник подтвердил. Второе: если я соглашусь, что мне за это будет? Батюшка объяснил. Пришедший вежливо поблагодарил и вышел.

Через неделю стало известно: в банке пропал миллион долларов. Всем было понятно, что это дело рук того самого собеседника батюшки, но доказать подозрения оказалось невозможно. Комбинация была проведена гениально.

Однако депутатом банкир не стал. На такие места, очевидно, нашлись более способные. Кандидаты от партии ада, наверно, даже в очереди стоят. Ждут головокружительного взлета.

Вам известны труднообъяснимые карьерные «взлеты» некоторых «водителей народов», «финансовых гениев» и прочих – «великих и ужасных» Гудвинов? Мне – тоже.

Возвышать своих ставленников – это диавол не сегодня придумал. В сказаниях и мифах многих народов мира «особенность» королей и аристократов вплоть до способности к оборотничеству символизируется их происхождением от змей или драконов. Таково древнерусское предание о Всеславе, князе Полоцком (XI в.), рожденном от огненного змея. «Будучи связанными с драконами гораздо ближе, чем их подданные, императоры Китая так и назывались – «дракон». Пендрагон – титул древних кельтских вождей и первых британских королей, также буквально означал «Главный дракон» или «Голова дракона». Считалось, что в жилах их течет драконья кровь и что драконы состоят у них на службе». Что же, в каком-то смысле так оно и было – тот, кто принимал змея в сердце, возвышался среди людей. И становился жертвой змеиного лукавства.

Не такова ли и природа необычайных артистических карьер? Курт Кобейн, Элис Купер, Джим Моррисон... Карьер писательских?! Взять хоть того же Гёте...

Синдром Кандинского

Да, не только «в чаше своей юности», но и в поздней биографии Гёте есть любопытные эпизоды. Например, по поводу романа «Страдания юного Вертера» сам автор вспоминал: «Так как я написал эту книжку почти бессознательно, точно лунатик, то я сам удивился, прочтя ее» (Г. Гефдинг. Очерки психологии. СПб., 1898). Было, было какое-то раздвоение в Гёте. Он говорил: «Что касается меня, то я, при разнообразных свойствах своего существа, не могу удовлетвориться одним образом мышления». Ему не ведомо было состояние духовной брани, о котором говорит преподобный Силуан Афонский: «Ум с умом борется – наш ум с умом врага». Гёте, похоже, даже гордился своим inferнальным качеством.

Какую-то непонятную помощь и одновременно сопротивление невидимого мира испытывал и Булгаков. В конце сентября 1923 года он записал: «В литературе я медленно, но все же иду вперед. Это я знаю твердо. Плохо лишь то, что у меня никогда нет ясной уверенности, что я действительно хорошо написал. Как будто пленкой какой-то застилает мой мозг и сковывает руку в то время, когда мне нужно описывать то, во что я так глубоко и по-настоящему проникаю мыслью и чувством».

Кстати, гётевский случай «бессознательного» авторства отнюдь не уникален. В психиатрии известен синдром Кандинского-Клерамбо (эффект психического автоматизма), когда пишущая рука действует независимо от сознания человека.

Русский психиатр Кандинский, будучи подвержен духовному недугу, подробно описал свои специфические

состояния. Одно из самых характерных – подчиненность воли влиянию извне.

Не своей волей действуют эти «свободные» и гордые люди. В учебнике «Судебная психиатрия» читаем: «К волевым нарушениям можно отнести импульсивные состояния, характеризующиеся возникновением непреодолимых или трудно преодолимых побуждений к совершению тех или иных действий, без предварительного решения. Принято выделять несколько импульсивных состояний: катонические импульсивные действия чаще всего носят характер бессмысленных, немотивированных, агрессивных и разрушительных актов. Часто больными это переживается как подчинение чужой воле...»

«Как отечественные (В. Х. Кандинский, А. Л. Эпштейн, А. А. Перельман, А. А. Меграбян, А. В. Снежневский, М. И. Рыбальский), так и зарубежные психиатры (Г. Клерамбо, А. Клод, К. Ясперс, М. Райсфельд, П. Гиро), изучавшие явление психического автоматизма, основным его компонентом считают чувства внешнего влияния, внешнего воздействия посторонней, действующей извне силы» [47]. В свою очередь, Кандинский ссылается на своих научных предшественников, в частности, на Бэлларже, который еще в 1844 году писал: ««Больные здесь не испытывают ничего похожего на слуховые ощущения», но они уверяют, что они беззвучно слышат (иногда с очень больших расстояний), посредством индукции, мысль других лиц, что они могут вести со своими невидимыми собеседниками интеллектуальные разговоры, вступать своей душой в общение с душами этих лиц, слышать идеальные, таинственные или внутренние голоса и т. п. К психическим галлюцинациям Бэлларже причисляет также и те случаи, когда больные слышат голоса, исходящие из их головы...»

Кандинский цитирует одного из пациентов: «Мои собственные мысли идут равномерным ходом; мысли же других входят в мою голову как бы давлением, они насильно вталкиваются в мой мозг... Я должен думать этими мыслями против своей воли, и как бы я ни старался, я не в состоянии от них освободиться, потому что против такого давления нельзя ничего поделать». Впрочем, иногда пациенты рассказывают и о контактах с некими личностями. Вот, например, один «пожилой джентльмен» представительного вида предлагает больному подняться на церковную колокольню и полюбоваться видом. «Несколько минут мы восторгались прелестной панорамой, представившейся нашему взору; затем мой спутник вынул из кармана инструмент, на котором были выгравированы странные фигуры, видом похожий на компас... Он предложил мне смотреть туда, сказав, что я могу увидеть любого из своих далеких друзей и узнать, что каждый из них в данную минуту делает. Сперва я содрогнулся, но желание увидеть моего больного отца взяло верх над моим страхом. Не успев выразить своего желания словами, я уже увидел в инструменте, как в зеркале, моего отца, отдыхающего, сидя в своем кресле. Факт видения поразил меня ужасом, и я стал приглашать сойти вниз... На прощанье мой странный спутник сказал мне: «Помните, что с этой минуты вы в моей власти»... С этой поры «некромантик» всецело завладел мной; при помощи своего зеркала он видит меня во всякое время и постоянно читает мои мысли» [29].

Нечто подобное описывает и этнография: «Когда на колдуна «накатывает», он сохраняет сознание, но воля его целиком подчиняется нечистой силе. Спротивление ей может закончиться смертью колдуна. Старик-колдун выдавал замуж внуку. Ему жаль было испортить свадьбу, но не было сил удержаться. Он попросил сноху запереть его в чулан на то время, пока приедут за

невестой, и выпустить, когда ее увезут. По окончании церемонии сноха целый час не вспомнила о запертом свекре. Когда она отперла чулан, нашла колдуна уже мертвым» [70].

Так что же такое «нечистая сила»? Комплекс психиатрических симптомов? Мифологический рассказ о зле? Или это нечто персонифицированное, что отражается и в поврежденной душе больного, и в этнографических свидетельствах?

Декарт

Получается, немалая часть классической литературы напрямик связана с деятельностью кого-то невидимого! Как назвать его, чтобы не оскорбить сознание современного, отягощенного светским образованием

человека? Давайте назовем его безбелковой сущностью. Сокращенно – бес. Договорились о терминах? Тогда продолжим.

О том, что бесноватые, грешники лишены разума и воли, читаем в святоотеческом толковании на 79-е Правило Святых Апостолов: «Бесноватый считается как нечистый, и вместе с сим является подозрение, что если бы демон не нашел этого человека достойным себе жилищем за его злую жизнь, то не вошел бы в него» [62].

А ведь в свое время под «творческое беснование» была подведена философская основа: «Во время своего пребывания с розенкрейцерами Декарт получил типичный опыт гностического озарения. Он говорит, что во сне он внезапно был захвачен Духом Истины, который открыл перед ним сокровищницу всех наук. Там ему была открыта доктрина, являющаяся краеугольным камнем философии, а именно то, что принцип знания надо искать в себе самом, не в рассуждениях философов, а в интуитивном видении поэтов. Идеи человеческого разума совершенны, отделены от всякого объекта... В свете своего гностического озарения Декарт пришел к пониманию, что «наука... должна быть творчеством одного мастера, как... религия является производением одного Бога». Иными словами, наука должна заменить религию, а Декарт – Бога» [80].

Стефан Цвейг на основе личного опыта и художественного исследования судеб Гёте, Клейста, Ницше, Фрейда пишет о том же самом, подавляющем волю, действии демона: «... он вселяется в людей, не способных своевременно усмирить его, возбуждает в демонических натурах грозное беспокойство, непреодолимой силой вырывает кормило воли из их рук: безвольно скитаются они по бурному морю, гонимые демоном к подводным скалам своей судьбы».

Итак, мозг и воля видимого «автора» подавлены сознанием и волей соавтора незримого. Так начинается «информационный процесс», который Юнг называл диалогом сознания и подсознания. В чем он заключается? С одной стороны, талант человека порождает нечто оригинальное. А с другой – это тут же окрашивается дьявольскими интонациями и акцентами. Бездарный сам по себе, бес служит для автора «базой данных». В ней может оказаться все злобное, произведенное когда-либо грешным человеческим умом. Вот откуда рождаются идеи, которые якобы «никогда никому не приходили в голову». Недаром православная традиция предостерегает от разговоров с «бесом», хотя бы он и начинал говорить справедливые вещи.

Но, если человеком движут не мотивы спасения души, а, например, приобретения земной славы, то он, напротив, цепляется за подсказки демонического мира любой ценой. Вот соучастник печально известно визионера Алистера Кроули по сатанинскому ордену «Голден Доун» ирландский поэт Йеатс. Как писал он сам в предисловии к своему произведению «Видение», поэтические метафоры приходили ему через жену-медиума. В неуправляемую стихию автописьма сознательно нырял и диакон англиканской церкви Чарльз Лютвидж Доджсон. Не знаете такого? Он известен под псевдонимом – Льюис Кэрролл. «Каламбуры, новые изобретения в области словотворчества, новые словосочетания сделали Кэролла экспериментатором в этой области» [4]. Специалисты до сих пор спорят, употреблял ли Кэрролл для погружения в транс какие-то наркотические растения или грибы (на удивительные свойства которых он намекает в «Алисе»). Многие считают, что «чудеса» в стране его грез рождались именно так. Эти химерические видения наркомана и принесли ему славу. Покачиваясь от принятого снадобья, он «вошел в историю литературы».

Иногда в поэзию, литературу или даже науку входят совсем юные гении. Родители умиляются, когда семилетняя девочка, на которую «накатывает» по ночам, начинает вдруг диктовать мастеровитые «любовные» стихи, описывающие впечатления повидавшей виды женщины. А надо не умиляться! Надо спасать ребенка! Пока не поздно. Ибо уже известно: подобные вундеркинды долго не живут. Умирают от болезни или кончают самоубийством практически в детстве или в юношестве.

Известны такие авторы и в герметической традиции. Мудреный текст-шифровка о «химической свадьбе» был написан знаменитым розенкрейцером Валентином Андреэ, когда тому было не более шестнадцати лет. Сам ли он сочинил все это? Или «божественное сознание» постаралось? Этот случай удивителен, но не уникален. Другой корифей оккультизма, родившийся в 1538 году, Иоганн Батиста Порта, закончил свой главный труд «*Magia naturalis*» в 15 лет.

Подобные феномены известны и в музыке. Большую часть своих произведений Вагнер, например, слышал галлюцинативно. Моцарт писал без черновиков. Его ведь не случайно запрещали даже похоронить похристиански, а бросили в яму с гашеной известью. Надо полагать, источник «вдохновения» был таким же, как у «рок-звезды» Элиса Купера (настоящее имя Винсент Фурнье). В одном из интервью он признался: «Несколько лет назад я посетил сеанс спиритизма, на котором Норманн Бакли умолял «дух» откликнуться. В конце концов, дух появился и заговорил со мной. Он обещал мне и моей группе славу, власть над миром в рок-музыке и неслыханное богатство. Единственное, что он потребовал от меня, – это отдать ему мое тело»... В результате контакта с сущностью параллельного мира, выдававшим себя за умершую век тому назад ведьму по имени Элис Купер, Винсент Фурнье стал

слышать в готовой форме музыку, которую только оставалось записать на нотном листе. Его демонической миссией стала пропаганда всех мыслимых и немыслимых форм извращений. Известен его альбом «Элис Купер идет в ад».

Так трудится муза истории Клио. Сидя на горе Геликон, распределением лавровых венков заведует именно она. Еще древнегреческий миф зафиксировал: оттуда, из нечеловеческого, бесовского мира, приходит земная слава. А если это так, то она – пустота. В святоотеческом толковании на Правила св. Григория Нисского так и сказано: «... человеческая честь, называемая славою, есть только мнимая и не имеет ничего действительного, твердого и устойчивого, то есть нечто кажущееся и мечтательное» [62].

Приводя мемуарные записи современников, исследователь Б. Соколов пишет: «... автор «Мастера и Маргариты» недвусмысленно отвергает церковное христианство, загробную жизнь и мистику. Посмертное воздаяние заботит его лишь в виде непреходящей славы». Перед смертью он думал об одном: «Чтобы знали».

Е. С. Булгакова вспоминала и самые последние слова мужа: «Он дал мне понять, что ему что-то нужно, что он чего-то хочет от меня. Я предлагала ему лекарство, питье – лимонный сок, но поняла ясно, что не в этом дело. Тогда я догадалась и спросила: «Твои вещи?» Он кивнул с таким видом, что и «да» и «нет». Я сказала: «Мастер и Маргарита»? Он, страшно обрадованный, сделал мне знак головой, что «да, это». И выдавил из себя два слова: «Чтобы знали, чтобы знали». На следующий день были сами похороны. По завещанию писателя хоронили без церковного отпевания, без музыки, с кремацией тела. Ставшая вдовой Е. С. Булгакова записала в специальной тетради «Март 1940 г.»: «У крематория масса машин, очень много

мхатовцев, из Большого театра, литературно-артистическая интеллигенция. На гроб возложила цветы О. Л. Книппер-Чехова». Так дневник запечатлел первый проблеск посмертной славы.

Славу, наверно ее, пообещал Михаилу Афанасьевичу его inferнальный визави. И тот старался до последнего. Внесение поправок умирающей писатель делал до 13 февраля 1940 г. – всего лишь за месяц до своей кончины (когда окончательно ослеп), он продолжал диктовать Елене Сергеевне. Правка остановилась на словах Маргариты: «Так это, стало быть, литераторы за гробом идут?» Скоро эта фраза осуществилась, увы, буквально.

Мундштук дьявола

Воспоминания знакомых о Булгакове, о разговорах с ним, человеком по признанию многих – скрытному, мы сводим к минимуму. Если брать за основу гипотезу, что у Михаила Афанасьевича были собеседники бесплотные, то гораздо интереснее узнать, о чем «безбелковые сущности» беседуют обычно с писателями. Что предлагают. Как обманывают. Поэтому в книге – целая галерея писателей-визионеров.

Между прочим, знаменитый психиатр И. А. Сикорский написал однажды такие строки: «Снять таинственный покров с великого человека, разгадать загадку его души, выяснить великие совершенного им дела, проникнуть в сокровенные замысли его художественной мысли... должно сделаться самым настоящим объектом исканий и долгом для современных поколений» (Сикорский И. Психологическое направление художественного творчества Гоголя (Речь в память столетней годовщины Гоголя 10 апреля 1909 г.). Киев: Университет Св. Владимира, 1911. С. 11).

...Очень точное русское слово – «помешанный». Это человек, в голове которого сумбур. А почему он возникает? Потому, что собственные мысли несчастного мешаются с теми, что бубнят ему подселившиеся бесы.

Ницше правильно называл себя лишь мундштуком нечеловеческих сил. Дьявол дунул в свою трубу, и прогремело: «Бог умер!»

Что ж, еще псалмопевец Давид изрек: «Рече безумен в сердце своем: несть Бог. Раствлеша и омерзишася в начинаниих: несть творяй благостыню». Свт. Иоанн Златоуст пишет по этому поводу, что безумцем Давид называет не слабоумного, но человека развращенного

умом. «В «Веселой науке» (Ницше написал ее в 1882 году. – Ю.В.) есть рассказ о безумце, который мчится на рынок, крича, что Бог умер; когда никто ему не верит, он понимает, что «пришел слишком рано». Гегель и Гейне уже говорили о смерти Бога, но притча Ницше сделала эту идею популярной среди интеллигенции» [66].

Философ страдал беснованием в течение двадцати лет. Этим периодом датируются его основные произведения. Почти все они созданы путем автописьма. «Заратустра овладел мною» – так называл он сам свое состояние одержимости. И писал не без нелепой гордости: «Имеет ли кто-нибудь в конце девятнадцатого столетия ясное представление о том, что поэты сильных эпох называли вдохновением? Если нет, то я это опишу. – Действительно, при самом ничтожном остатке суеверия в душе почти невозможно отказаться от представления, что являешься только воплощением, только мундштуком, только посредником сверхмощных сил. Понятие откровения, в том смысле, что внезапно, с невыразимой достоверностью и тонкостью нечто становится видимым, слышимым, нечто такое, что глубоко потрясает и опрокидывает человека, – только описывает факты. Не слушаешь, не ищешь; берешь – и не спрашиваешь, кто дает; будто молния сверкнет мысль, с необходимостью, уже облеченная в форму, – у меня никогда не было выбора. Восторг, невероятное напряжение которого иногда разрешается потоком слез, восторг, при котором шаг то бурно устремляется вперед, то замедляется; полный экстаз, пребывание вне самого себя, самым отчетливым сознанием бесчисленных тончайших трепетов и увлажнений, охватывающих тело с головы до ног; глубина счастья, в которой самое болезненное и мрачное действует не как противоположность, а как нечто само собой обусловленное, вынужденное, как необходимая краска среди такого избытка света...»

Этого «гения» тоже не смущало элементарное противоречие. С одной стороны: «свобода воли», «сверхчеловек», а с другой – довольно жалкие: «у меня никогда не было выбора», «с необходимостью», «вынужденное»... Мундштук пригоден лишь тогда, когда он полый внутри. Когда полностью подавлена собственная воля.

Стефан Цвейг, певец безумия и самоубийства

«Удивительно, что в этом вихре скоростей вдохновения, в этом безудержном водопаде гремящих мыслей он теряет ровную, твердую почву под ногами, что Ницше, разрываемый всеми демонами духа, уже не знает, кто он; что он, безграничный, уже не видит своих границ? Давно уже вздрагивает его рука (с тех пор как она пишет под диктовку высших сил, а не человеческого разума), подписывая письма именем «Фридрих Ницше»: ничтожный сын наумбургского пастора – подсказывает ему смутное чувство – это уже давно не он, – переживающий невероятное, существо, которому нет еще имени, колосс чувства, новый мученик

человечества. И только символическими знаками – «Чудовище», «Распятый», «Антихрист», «Дионис» – подписывает он письма – свои последние послания, – с того мгновения, как он постиг, что он и высшие силы – одно, что он – уже не человек, а сила и миссия... «Я не человек, я динамит». «Я – мировое событие, которое делит историю человечества на две части», – гремит его гордыня, потрясая окружающую его пустоту...» (цит. по: Цвейг С. Казанова. Фридрих Ницше. Зигмунд Фрейд. М., 1990).

...Когда человек вглядывается в бездну, бездна начинает вглядываться в него. Это уже – что касается Цвейга. Напрасно он так близко и с таким сочувствием подошел к черте безумия. В 1942 году писатель покончил самоубийством вместе со своей женой. Да как! Лежа на германском государственном флаге).

В его истории болезни за 1889 год можно прочесть:

«23 февраля. «В последний раз я был Фридрихом-Вильгельмом IV».

27 апреля. Частые приступы гнева.

18 мая. Довольно часто испускает нечленораздельные крики.

14 июня. Принимает сторожа за Бисмарка.

4 июля. Разбивает стакан, «чтобы забаррикадировать вход в комнату осколками битого стекла».

9 июля. Прыгает по-козлиному, гримасничает и выпячивает левое плечо»...

Таким видели «великого философа» врачи Базельской психиатрической больницы^[7]. Им был понятен фактор «дурной наследственности»: отец Ницше, пастор, покончил жизнь самоубийством. Современная статистика вообще определила: попытки суицида совершаются в семьях самоубийц в шесть раз чаще, чем в среднем в населении. В горах потомственных грехов демоны роют свои норы

прекрасно. «Ужасен конец несправедного рода» (Прем. 3, 19).

Одной из бесовских миссий Ницше, как и Шопенгауэра, было – спровоцировать массовые суициды.

Ницше считал себя учеником Шопенгауэра, в семье которого мы также видим несколько поколений душевнобольных. Отец создателя философии пессимизма – самоубийца. Симптомы безумия Шопенгауэра были такими: «Его страхи носили патологический характер. Если ночью поднимался шум, он вставал с постели, хватал шпагу и пистолеты, постоянно заряженные; все деньги и документы прятал в конвертах под фиктивными подписями, а с 1836 г., опасаясь пожара, стал жить в подвалах» [97]. Стоит ли удивляться, что этот безумец во всех религиях видел в первую очередь путь спасения посредством отрицания воли к жизни. Последователи философа даже создали в Берлине в 1880 году секту, которая проповедовала полный отказ от половой жизни ради прекращения человеческого рода. Шопенгауэр считал, что человеческий гений должен быть защищен от враждебного ему «гения рода», который влечет к продолжению «дурной бесконечности» поколений. Шопенгауэр, почитавший за благо непоявление на свет, провозгласил ненависть к женщинам, ибо они не хотят пресечь страдания человечества, не хотят «перестать родить». Рождающая женщина представлялась воплощением самой воли, виновницей всех страданий мира; красота и молодость способных к деторождению женщин казались приманкой, с помощью которой природа «обманывала» и «унижала» человека. Под понятием человек Шопенгауэр подразумевал по преимуществу мужчину, в то время как женщине отводил место животного существа, даже само строение тела которого требует перемещения на четырех конечностях» (Вожди умов и моды. СПб., 2003).

«В начале XX в. среди русских студентов, поклонников этих двух философов, разразилась целая эпидемия самоубийств. Один из таких случаев описан Леонидом Андреевым в его «Рассказе о Сергее Петровиче». При этом автор отмечает, что у его литературного героя, еще до того как он начал изучать философию Ницше, отмечались большие странности в поведении. То есть фактически эта эпидемия суицидов была явлением вполне естественным, если учесть, что накладывали на себя руки люди с психическими расстройствами, которым философы дали удобную формулу для обоснования своего давнего намерения. Кстати, проблема самоубийства вообще остро интересовала Леонида Андреева. Почти все его многочисленные пьесы заканчиваются самоубийством одного из героев, а сам автор однажды бросился под поезд, но случайно уцелел, оказавшись между рельсами» [10].

Мрачные истерико-неврастенические состояния не оставляли Андреева никогда, начиная с самого юного возраста. Состояния меланхолии у него носили тяжелый патологический характер и сопровождались чувством ужаса. Страх перед смертью и перед жизнью никогда не покидал Андреева. Однако страх не только не угнетал его, но иногда становился источником удовольствия. Самыми счастливыми минутами своей жизни он считал те, в которые, находясь в одиночестве в мертвой тишине, переживал неопиcуемый ужас.

Алкоголизм Андреева, видимо, носил характер дипсомании, при которой влечение к спиртному наступает периодически, продолжается некоторое время, а затем бесследно исчезает до нового «припадка».

Андреев, по крайней мере, трижды предпринимал попытку самоубийства. Еще будучи подростком, он бросился под товарный поезд, но упал вдоль рельс, и

состав пронесся над ним. В январе 1894 года он стрелял в себя из револьвера. Потом пробовал убить себя ударом ножа в грудь» [16].

И последняя деталь. Леонид Андреев в письме к Максиму Горькому прямо писал о своей нелюбви к Христу и христианству. Смерть застала его за работой над романом «Дневник сатаны».

Да, разрушительное влияние Ницше становилось все более страшным. И оно распространялось на все новые души. Характерна и цитата из письма Мейерхольда Чехову: «Я раздражителен, придирчив, подозрителен, и все считают меня неприятным человеком. А я страдаю и думаю о самоубийстве. Пускай все меня презирают. Мне дорог завет Ницше «Werde der du bist» (Будь тем, кто ты есть. – Ю.В.)».

И надо же, какова была ослепленность Ницше, этого безумного сифилитика! Он ведь ратовал за уничтожение всех «неполноценных», можно сказать, был теоретиком эвтаназии. «Больной – паразит общества. В известном состоянии неприлично продолжать жить... Создать новую ответственность, ответственность врача, для всех случаев, где высший интерес к жизни, восходящей жизни, требует беспощадного подавления и устранения вырождающейся жизни...» Естественно, себя, лихорадочно записывая эти «озарения», Ницше вырожденцем не считал.

В дьявольском мире перевертышей убожество осознает себя уже не только нормой, но и чем-то еще большим, особенным. Озвученная Ницше идея «сверхчеловека» вдохновляла бесноватого Гитлера. Теперь она спроецирована на политику американской сверхдержавы. США, абсолютно безумное государство, считает себя вправе наказывать «страны-изгои». Становится все более очевидным, что рано или поздно этот буйный больной устроит в мировом сумасшедшем доме апокалиптическую бойню.

Кстати, о том, что Третья мировая война будет направлена против мусульманского мира, еще в XIX веке писал «черный папа» франкмасонства Альберт Пайк. В итоге ее ужасов, предрекал он, человечество отшатнется от безверия, революционных идей и получит от нас (масонов высших градусов забесовления) истинный свет Люцифера. Что за «прозорливость»? Да, Пайк также был визионером (якобы сам Люцифер надиктовал ему масонские уставы). И хотя демонам закрыто будущее, пытаться программировать его, паразитируя на человеческом грехе, они могут. Жизнь у этого адского рогатого скота долгая – до Второго Пришествия, – так что реализовывать столь долгосрочные планы часто им удается...

Наверно, когда-нибудь осуществится и то, чего требовало диавольское сумасшествие Ницше, – вести летоисчисление от рождения Антихриста... Но недолго будет длиться эта эра.

Слепые и зрячие

Всякое бесовское прозрение слепо. Характерны последние слова очерка Цвейга об умирающем Ницше: «И потом где-то в комнате, в незнакомом месте, где вечный мрак, вечный мрак. Нет больше солнца, нет больше света, ни здесь, нигде. Где-то внизу голоса людей. Вот женщина – может быть, сестра? Но ведь она далеко... навсегда. Она читает ему книгу... Книгу? Разве сам он не писал книг? Кто-то ласково отвечает ему. Но он уже не понимает слов. Тот, в чьей душе отшумел такой ураган, навеки глух для человеческой речи. Тот, кто так глубоко заглянул в глаза демону, ослеплен навеки».

Так же ослепшим скончался и Булгаков. Наверно, он на самом деле заглянул в дьявольские глаза. Один – зеленый, с бесовской искоркой на дне. Другой – беспросветно черный... Очень достоверный портрет! Это потому что автор демона видел, а Бога нет.

Бог умер? Но только в сердце Ницше и ему подобных. А без Христа, как писал Иустин Попович, мир – это «большой космический сумасшедший дом». Злыми санитарами в нем служат демоны. В том числе – воспетый Ницше Дионис, который «считался у эллинов богом, наблюдающим за пьянством и сам упивающийся и сумасшедший» [63].

Да, «пьяный бес» может до поры до времени помогать в творчестве. В 70-е годы прошлого века я был знаком в Ленинграде с одним крупным изобретателем, использовавшим весьма своеобразный метод. Сначала он четко формулировал задачу, которую не мог решить собственными силами, а потом напивался «до чертиков». В этом состоянии приходил ответ. Госкомизобретений выдавал этому человеку, не имевшему высшего

образования, очередное авторское свидетельство со многими нулями в номере, что означало уникальное, пионерное по своему характеру решение. Будучи завзятым материалистом, этот мой знакомый даже не желал задумываться, что с ним происходило в момент «озарения». А жаль. Может быть, в противном случае он не сошел бы с ума.

Описанный метод – не уникален. Вот – о знаменитом немецком сказочнике и музыканте: «На протяжении всей своей жизни Гофман страдал депрессиями, испытывал яркие разнообразные галлюцинации и злоупотреблял алкоголем в очень больших дозах. Интересно отметить, что алкоголизм писателя стимулировал его, а после приема алкогольных напитков он творил с большим подъемом и продуктивностью, причем продуктивность эта проявлялась не на высоте опьянения, а на следующий день – в состоянии похмелья» [10]. (То же было и у Эдгара По.) Именно в таком состоянии inferнальный мир, помогая его творчеству, показывал такие ужасы, что Гофман, работавший часто по ночам, в страхе будил жену.

О связи беса пьянства и живописного творчества один психиатр писал: «Один из наших пациентов – известный художник 80-х годов, считавший себя одним из искателей истины, – говорил автору следующее: «Если я выпил мало водки – я мужчина, много водки выпил – я художник... Водка унижает... она отшибает твою персональную гордыню. Когда ты пьян как свинья, пьян до умопомрачения – ты самоуничтожился, тебя как бы нет, твоей кистью водит кто-то другой» [20].

Св. Григорий Палама писал: безбожный ум становится скотским или бесовским. Вот и современные богословы говорят о том же самом [81]. О создании бесчеловека, в котором происходит соединение двух волей – собственной и демонической. Глаза такого существа начинают видеть мир иначе, чем наши. Слух –

словно настраивается на другую волну. Осужденный за страшные преступления сатанист, с которым беседует в центре Судебной психиатрии имени Сербского профессор Ф. В. Кондратьев, самим фактом своего существования подтверждает сказанное.

Сатанист Н. рассказывает о своем видении: «Я стоял на коленях. Два ангела держали меня. Передо мной был дьявол. В руках у него – двузубец. Он сказал: я дам тебе все, только лишу тебя глаз. Согласен? Я ответил: нет... Только потом я понял, что он хотел лишить меня глаз не в прямом смысле. Он хотел изменить мое мировоззрение. Изменить взгляд на мир.

Теперь я стараюсь поменяться сам. Стать как бы демоном, чтобы во мне не осталось ничего доброго, только зло. Только зло, зло, зло... Человеческие качества должны исчезнуть».

В интонациях Н. нет ни малейшей экзальтации. Он спокоен, как будто лекцию читает непонятливым ученикам. Тема этой «лекции» знаменательна. Если православный стремится в идеале обожиться, то сатанист – забесовиться.

Лишить себя прежнего, человеческого зрения – на это рассчитаны многие оккультные практики. Например, масонские. На глаза посвящаемому надевается черная повязка, а когда, после ритуальных «испытаний», ее снимают, неофит видит мир уже иначе... Когда умирал один из масонских классиков, знаменитый архитектор Баженов, он ослеп и все кричал: «Снимите с меня повязку!» Но поздно. Повязка, которую в ходе инициации надевали и Михаилу Булгакову, лишает сердечного, духовного зрения навсегда^[8].

Без глаз

Что, людей действительно испортил «квартирный вопрос»? Воланд не сказал главного: души людей – дворцы Божии – превратились в бесовские коммуналки.

Вас еще не удивило обилие одержимых знаменитостей? Как над ними (многие ведь были христианами) лукавый заимел такую власть?

При крещении священник произносит слова, обращенные к Господу: «Изжени из него всякого лукавого и нечистого духа, сокрытого и гнездящегося в сердце его». Феофан Затворник пишет, что до крещения демон находится в сердце человека, а после крещения действует на него извне, так как в глубину сердца вселяется благодать. Только по особым заслугам грешника перед демоном Бог попускает вновь войти ему внутрь.

В печальном списке «замечательных людей» мы перечисляем только таких, только явно бесноватых. Но сколько еще несчастных позволяет бесам действительно влиять на себя со стороны! Тех, кто попадает в мистическую ситуацию, о которой преп. Иустин Попович пишет: «... некие невидимые силы, желанные или нет, тайно и искусно внедряются в мир человеческих мыслей, ощущений, желаний, намерений, соучаствуют с ними незаметным образом, сотрудничают при создании философии и этики...» Впрочем, бесы могут явиться и во плоти.

...Живописец никак не мог изобразить Христа. В конце концов, поместил его в глубь картины, где Спаситель кажется отдаленным. Где как бы не видна неспособность художника сделать то, что под силу настоящему иконописцу. О, лукавый закон перспективы! Это закон кажимости. Удаленный предмет ведь только

представляется маленьким, не являясь таковым на самом деле. На иконе подобного обмана не увидишь.

Какова история картины «Явление Христа народу»? Александр Иванов, который отказался ради своей работы от женитьбы и личного счастья, который провел двадцать лет жизни в подвижничестве и, фактически в затворе, почти закончив грандиозную картину, засомневался. Он прочитал книжку Штрауса «Жизнь Иисуса» – богоборческую масонскую галиматью – и, покинув Италию, поехал в Лондон. К Герцену. Неизвестно, что наговорил художнику этот умник, но произошла катастрофа. Пораженный услышанным, Иванов вернулся в Петербург, где ровно через шесть недель умер. От холеры... Или Господь прибрал его, чтобы с душой несчастного не случилось чего хуже? А в юности, приступая к эскизам будущего произведения, он мечтал создать такую живопись, от взгляда на которую люди будут становиться добрее, лучше, придут к Богу...

Но, конечно, в первую очередь бесовские воздействия очевидны в творчестве живописцев такой страшной судьбы, как, например, у Ван Гога. Представляете, сначала хотел зарезать обожаемого Гогена и зарезаться сам! Вместо этого отсек свое ухо, завернул его в тряпочку и отнес в публичный дом – в подарок любовнице. Вскоре появился автопортрет – с перебинтованной головой и безумным взглядом. Кстати, его первые припадки буйного помешательства вызывались видом храма.

В клинике для душевнобольных, расположенной в монастыре, где за несчастным художником ухаживают монахини, его доводят до очередного припадка молитвы сестер, мучают звуки колокольного звона. В конце концов, сумасшедший находит способ достать револьвер и стреляет в себя. От смертельной раны Ван Гог умирает через три дня. Гроб с телом стоит на биллиардном столе, и никому не приходит в голову вызвать

священника... Вскоре после смерти полунищего самоубийцы его картины начинают стремительно раскупаться и расти в цене.

Судьба неудавшегося компаньона Ван Гога – Гогена складывалась и вовсе по-фаустовски. До тридцати пяти лет он был финансистом, отцом пятерых детей и вел размеренную жизнь добропорядочного французского буржуа. И вдруг осознал, что устал от всех обязательств, от рутины повседневности. Он хочет от жизни – праздника, новых радостей, нового увлечения – живописью, новой любви, славы и счастья. Человек, никогда – ни в детстве, ни в юности – не проявлявший склонности к рисованию, неожиданно бросает ради занятий живописью абсолютно все. Становится словно одержимым. И внезапно меняется.словно в прежнюю телесную оболочку вселяется иная личность. В письме жене он пишет: «Я просто очерствел, и все происшедшее вызывает во мне лишь отвращение. Мне уже безразлично, что дети меня забывают. К тому же я не вижу никакой возможности когда-либо с ними увидеться, и дай Бог (в оригинале – с маленькой буквы. – Авт.), чтобы мы все умерли».

И еще: «Тебе следует помнить, что во мне сочетаются две натуры: индеец и чувствительный человек. Чувствительность развеялась, что дает возможность индейцу идти совершенно прямо и твердо». Этот «индеец» ведет ко все более животной жизни: «Животное начало, которое в нас, вовсе не заслуживает такого презрения, как это принято считать».

Поиски земного рая привели Гогена на острова Океании. Здесь – сожительство с тринадцатилетней дикаркой, с которой не связывает ничего, кроме «свободной телесной любви, подлинной страсти животной плоти». А потом – все та же смерть в отчаянии и забвении. И снова – шутка дьявола. Полотна нищего

художника, скорее напоминающие произведения туземного прикладного искусства, становятся баснословно дорогими.

Один из последователей Гогена – Модильяни – тоже увлекался экзотикой. Он был покорен изысканной грациозностью африканских статуэток маконда. Портреты его современников удивительно похожи на очертания этих черных божков. Но главное их отличие – мертвые глаза. Почти всегда – сплошь залитые единым цветом, без глазного яблока, без зрачка. Такие бывают у разлагающихся трупов. Столь страшные, неживые, вытекающие глаза запомнились многим из тех, кто побывал в состоянии клинической смерти за чертой нашего мира. Такова печать какого-то особого опыта Модильяни. Здесь словно диавол поиздевался: показал, что многие из окружавших портретиста персонажей – духовно уже мертвы. Что они ничего не видят.

Художника, кстати, при жизни также не признавали. Никто не хотел покупать его полотна. Он голодал, побирался. Все, что добывал, немедленно тратил на алкоголь и наркотики. Модильяни убил себя совсем молодым. И опять – посмертная, неслыханная слава, безумные цены на все, к чему прикасалась рука нищего страдальца. Небрежные почеркушки на салфетках кафе «Ротонда» продолжают дорожать и поныне. Состоятельные люди вкладывают деньги в обрывки расплывающейся бумаги, где дрогнувшей – то ли от голода, то ли от бреда – рукой проведена порой всего лишь одна кривая линия.

А разве не странным был Сальвадор Дали? Он как-то сказал: «Единственная разница между мной и сумасшедшими – это то, что я не сумасшедший». Однако, судя по картинам, – не скажешь...

И о Босхе – тоже. О чем говорят они, эти чудовища с рыбьими головами, хвостами, копытами и свиными рылами? Великий фламандец, в отличие от своих

итальянских коллег, не резал мертвые тела, изучая строение мышц и костей. Зато он узнал нечто о том, что скрыто не плотью, а гораздо более таинственным покровом. Он видел мир злых бесплотных духов и показал их нам с такой силой достоверности, что картины эти – эсхатология в красках.

То же – кошмары Гойи. Очень часто где-то на обратной стороне своего полотна, чтобы не бросалось в глаза, он писал тому, кто все равно обязательно прочтет: «Глотай, собака!» Наверно, по-русски, это «трогалло, перро!» точнее было бы перевести так: «Подавись, сатана!» Черный пудель! Тот самый, что изображен на трости Воланда. Он – тут как тут!

Кстати, иногда все это безумие сказывалось на творчестве художников не столь явно, но не менее разрушительно. В свое время Бердяев подметил: «Ныне живопись переживает небывалый еще кризис. Если глубже вникнуть в этот кризис, то его нельзя понять иначе как дематериализацию, развоплощение... Начинается процесс проникновения живописи за грань материального плана бытия...

Уже у Врубеля началось жуткое распыление физического тела. У Пикассо колеблется граница изображаемых предметов, те же симптомы и у футуристов». Откуда эта зыбкость, эта вибрация миража? Откуда передается этот тремор? От кого эта трясучка рук? Как будто от того, кто с огромным усилием поддерживает свое собственное пребывание в устойчивом бытии. Слово демон, с трудом удерживающий перед глазами художника относительно стабильную и похожую на правду картинку, дрожит от изнеможения.

Вот еще один очень знаковый случай: «... это случай с Луисом Гаспарету из Бразилии, чей отец был спиритом. В Луиса, когда ему было 13 лет, «вселились» души 44 художников из прошлого – от Да Винчи до Пикассо. Он

может за 5 минут нарисовать нечто похожее на работы этих известных художников. Когда дух входит в него, Луис весь дрожит и корчится, совершенно теряя понимание окружающего мира. Он может рисовать только в темноте. Демоны для рисования используют обе руки и даже правую ногу этого страдальца...» [55].

Однажды я брал интервью у известного психиатра Ф. В. Кондратьева. Обратил внимание на жутковатые полотна, которыми увешаны стены его кабинета в психиатрическом Центре имени Сербского. Оказалось, написаны они лечившимися здесь художниками. Вот девочка с косичками, подобрав платьице, идет по гробам. Идет прямо в пасть огромному чудищу с как бы незрячими, без зрачков, медными глазами... А вот – удивительное дерево. Растут на нем глаза. Они смотрят на тебя отовсюду...

Пораженные духовно художники действительно видят все это. И заставляют видеть нас. Этот феномен поясняет рассказ из жития Макария Египетского о женщине, в которой все видели животное. Старец сказал своим ученикам: «Вы смотрите не своими глазами... она не превратилась в лошадь, а только глазами обольщенных кажется такою». В этой связи такую историю рассказал мне профессор Ф. Кондратьев: «С одним моим знакомым произошло несчастье. Он попал в психиатрическую клинику, где я проводывал его. Однажды мы беседовали, и он иногда осенял себя крестным знаменем. А потом позвонил мне и сказал: ты ничего не заметил? Обратил внимание, что я крестился? Когда мы разговаривали, ко мне приближался голос и говорил: «Выколи ему двумя пальцами глаза». И я тут же крестился. Он сразу отступал».

Какова символика момента! Бес науськивал именно выколоть глаза. Не нравится лукавому взгляд православного ученого... А демонический мир ведь уже изменил мировоззрение миллионов.

На то, чтобы лишить человека привычного взгляда на мир нацелены многие оккультные практики. В жизни сатаниста Н. произошло так называемое самопосвящение. Однажды его родной дедушка дал ему почитать «Черную библию» Антона Лавэя. И после этого – началось.

Н.: «Ночью между двумя и тремя часами – я проснулся покурить. Чувствую, что кто-то стоит перед кроватью. Мужчина – а глаз у него нет, вместо них горит красный огонь. Он назвал цифровой код. В первый раз мне стало страшно. И я закричал...»

Врубель: кто там, в сирени?

В начале 60-х годов прошлого века в Киеве произошла катастрофа, о которой советские газеты, естественно, не писали... О том страшном, сошедшем с горы селе ходили только слухи. Говорили, будто ожил кошмар Бабьего Яра. Жидкая грязь из гигантского оврага, набитого во время войны трупами евреев, пленных, раненых, душевнобольных, вырвалась наружу и лавиной обрушилась на Лукьяновку. Ветхие домишки поток разносил в прах, серьезно пострадали даже капитальные строения.

Находившуюся в том районе Кирилловскую церковь, шедевр XII века, на многие годы закрыли для посещений. Кстати, в 1880-е годы для росписи ее стен и реставрации иконостаса был приглашен недавний выпускник Петербургской Академии художеств Михаил Александрович Врубель.

Вы помните эти расширенные в немом отчаянии огромные глаза Богородицы, написанной тогда Врубелем? Глаза, наполненные таким страданием, забыть нельзя... Какая-то непонятная и странная связь сложилась: Бабий Яр - Лукьяновка - человеческие жертвы - трагические глаза, написанные знаменитым живописцем.

После росписей Кирилловской церкви художник творил лишь немногим более десяти лет. По сути, следующее десятилетие он уже мучительно умирал в сумасшедшем доме.

В своих письмах сестре Врубель часто пишет, что ощущает себя «душевной призмой». И он действительно говорит своим искусством как бы не от себя лично, а через себя - от кого-то. На холстах отражен мир его видений, для остальных людей незримый. И эти

огромные глаза... Не совсем земные, не очень человеческие. Они смотрят отовсюду – из призрачного цветка азалии, из плотно цветущего куста сирени, возникают то в облаках, то в пене морского прибоя.

А вот и знакомые нам персонажи – Фауст, Мефистофель, Маргарита. Эти росписи должны были украшать так называемый готический кабинет в доме Морозова в Москве. Потом тот же сюжет заказал для своего кабинета и Мамонтов... Он и сам, видимо, никак не мог понять, что не устраивало его в созданном панно. Меценат снова и снова заставляет художника переделать его. А как переделать? Недаром же говорится в народе и повторяется Гоголем: «Как черта не малюй...»

«Демон поверженный» распростерт среди холодных и мертвых скал. Кажется, жива лишь его безмерная гордыня... Наверно, сам Врубель догадывался, что с ним происходит. За душу художника, начинавшего свой творческий путь с церковных росписей и икон, битва шла жесточайшая. Может быть, даже безумие последних лет было для него более спасительно, чем дальнейший сознательный путь к демонизму.

...Гадалка, Царевна-Лебедь, козлоногий Пан и снова – демоны, демоны, демоны! У всех такие же прозрачные, огромные и скорбные глаза, нездешний взгляд... А вот рисунок «Бессонница». Среди скомканных простыней проступает чье-то лицо... пугающее своей неземной красотой и опять же – громадностью очей. Этот врубелевский взгляд так же узнаваем, как и вытекшие глазницы на картинах Модильяни. И те и другие – результат какого-то страшного контакта. Слово печать: «Был на бале у Сатаны. Уплочено»...

Первые серьезные симптомы болезни обнаружили у Врубеля весной 1902 года. Сразу после работы над «Демоном поверженным». Живое лицо демона стало являться художнику во сне. Врубель вступал в

разговоры с этим посетителем. Что это было? Образ психической болезни? Или – незримое, но вполне личностное начало, вторгшееся в его жизнь? Врубель переписывал картину прямо на выставке, и публика могла видеть, с каким мученьем на лице он приступал к работе.

Узнав о некоторых аномалиях в поведении Врубеля (рассказывал друзьям о смерти здравствующего отца и принимал жертвования на похороны), знаменитый профессор Сикорский спросил его близких знакомых:

– А не замечали ль вы раньше какие-нибудь странности в его поступках?

Услышав о нарочно раскрашенном зеленой краской носе и о его объяснении такого необычного поступка, Сикорский задумался, а потом сказал:

– Да. Это весьма опасные признаки надвигающегося на вашего товарища безумия...»

В воспоминаниях Ильи Глазунова читаем, как он познакомился с росписями Врубеля в киевском Кирилловом монастыре. В то время там была психиатрическая лечебница.

«Вышедший к нам пожилой и усталый врач-психиатр сказал, что сегодня не сможет показать нам росписи Врубеля.

– Приходите завтра, после обеда, когда у наших будет «мертвый час».

– А почему сегодня нельзя?

Врач посмотрел на нас недовольно:

– Дело в том, что сегодня я не смогу удержать наших больных, не пустить их вместе с вами, а почему-то от Врубеля они приходят в неопишное возбуждение...»

Есть такое понятие: индуцированный психоз. Состояние художника передается и через его произведения.

Прежде живописец спорил: его Демон это вовсе не дьявол. Но позже Врубель стал и сам относиться к нему,

как к началу не только сугубо личностному, но и опасному.

Илья Глазунов пишет: «Уже тяжелобольной Михаил Врубель знал, что это Господь попускает сатане портить его полотна (это была его бредовая идея). «За то, – открыл он тайну Валерию Брюсову, – что я, не будучи достоин, изображал Богоматерь». Но бред – бредом, а в самом чувстве вины за то, что взялся работать такую работу, не будучи предварительно очищен постом и молитвой, в чувстве оскверненности кисти, – ничего неразумного или болезненного не было».

Перед смертью художник ослеп. Говорил, что это огненный Серафим выколол ножом его глаза.

Агенты влияния

Вернемся к «Юному Вертеру». Христианский взгляд вправе увидеть в опыте его создания «диктовки» дьявола. Не из того ли источника была внушена Гёте и ненависть к Кресту? «В одном из своих стихотворений он писал, что больше всего ему ненавистны клопы, запах чеснока и крест».

«Для Гёте наиболее близким философом был Гегель, их связывало взаимное уважение, почти дружба. Однако Гёте выразил свое неудовольствие тем, что Гегель был награжден гербом, изображающим сову (аллегория мудрости) и крест. Гёте настаивал, чтобы знак креста был уничтожен, как не соответствующий идее мудрости... Гёте заслужил похвалу от Энгельса не за свои труды по естествознанию или художественные произведения, а за то, что слово «Бог» было для него непереносимо и вызывало нечто вроде психической аллергии... Свое отношение к христианству Гёте выразил в поэме «Коринфский гость»; там он писал, что христианство уничтожило любовь и дружбу между людьми, что смерть Христа была началом потока крови. Язычество вызывало у него восторг, как истинная красота и человечность. Поэма «Коринфский гость» заканчивалась призывом – «к нашим древним полетим богам» [68]. Откуда такие идеи? Поскольку Гёте был активным членом иллюминатской ложи, можно предположить: «личного демона» в ходе инициатических масонских ритуалов получил и он^[9]. По сути, с уважаемым господином Западного мира в масонской ложе происходит то же, что на примере диких племен описывал Мирча Элиаде. См., например, его книгу «Тайные общества. Обряды инициации и

посвящения». М.-СПб., 1999). «Древние боги» и нашептали.

Довольно долго Гёте был, по сути, главой правительства при герцоге Карле Августе. Вступив на этот пост в 1783 году, он, будучи уже более десяти лет членом ложи «Amalia aux Trois Roses», тут же пишет подписку о неразглашении масонской тайны. Но его писательское влияние распространилось куда дальше Веймара.

Нашим современникам, читавшим «Страдания юного Вертера», трудно поверить, что в свое время этот роман, заканчивающийся самоубийством героя, получил невероятную славу. По сути, он стал «вершиной немецкого сентиментализма – направления в духовном плане отнюдь не безобидного. Полностью погружающему в душевность. А там, где нет духа, человека ведет эмоциональность. Нарастают химеры беспочвенных фантазий, возникает эгоизм, презрение к тем, кто кажется недостаточно утонченным и чувствительным. О, сколько людей, сидя над сентиментальными книжками, промокая глаза батистовым платочком, одновременно впадали в полный сатанизм! Такими были многие из извергов «великой французской революции».

К. С. Льюис в «Письмах Баламута» вложил в уста беса-искусителя, наставляющего своего менее опытного «коллегу», такие слова: «Если бы ты попытался погубить своего подопечного методом романтизма, стараясь сделать из него Чайльд Гарольда или Вертера, погруженного в жалость к самому себе из-за выдуманных бед, тебе нужно было бы предохранять его от всякого подлинного страдания».

Характерно, что «многие из русских масонов-«человеколюбцев» прославились зверским обращением с крестьянами. Например, масон граф Дмитриев-Мамонов мучил и пытал своих крепостных.

Масон князь Репнин прославился чудовищной жестокостью в подавлении волнения своих крестьян, обстреляв из пушек их мирные жилища» [10, с.716].

Достоевский на сей счет замечал: «Кто слишком любит человечество, тот, большею частью, мало способен любить человека в частности»...

При этом масоны культивировали утонченную, чувственную натуру. Что утончалось? Покров благодати, защищающий христианина от соблазнов демонического мира. Личные и родовые грехи прорывали его – и «избранный» начинал чувствовать... нечто. И еще больше гордился: я улавливаю то, что недоступно другим!

Борис Башилов писал: «Человек, находящийся во власти иллюзий, созданных в масонских идейных лабораториях, не любит ни сверхъестественный мир, ни естественный мир, а любит неестественный, искусственный мир, созданный разумом».

Так что же именно чувствовалось «избранными»? С помощью своих кураторов они пытались угадать подспудные движения души, уловить реакцию на помыслы и прилоги, которые демоны сами и навевают. Бес-соблазнитель ведь специализируется на этом в мире людей. Соглашусь с исследователем Виктором Острцовым: именно масонский психологизм лег в основу беллетристики, романа.

Увы, хотя Карамзин написал, что «Злощастный Вертер не закон», роман породил целую серию русских подражаний и в литературе, и в жизни. Наиболее ярко вертеризм был претворен в творчестве и личной жизни М. Сушкова. Герой его повести «Российский Вертер», безмерно увлеченный романом Гёте молодой человек «пылкого сложения, чувствительного сердца», добровольно уходит из жизни. Причем сам автор книги, повторяя судьбу литературных героев, совершил самоубийство.

auf diese Veranlassung, sey hier noch mehr
 durch den Tod, welches die Folge von langem
 kranken Leben ist. Denn ich bin in dem Jahr 1775
 durch Eignes Wasser in meine Geisteskraft bei
 Besessenen geblieben, infolgedessen bey dem
 nächsten Anfall mich nicht mehr zu helfen
 habe und so fort bis zum letzten Anfall. Die
 Ursache dieses Falles ist meine Unvorsichtigkeit

diesem Verfall soll ich keine Strafe, Busse
 und Reue in fremder Hand gereicht bekommen.
 Ich will mich durch Kauf in dem Geheimnisse des
 Ordens und will dem: daß ich keinen Verdacht
 auf die Art des mir anvertrauten Geheißes
 nicht habe, Geheimnisse nicht, welche mich
 weiter dem Tode der Handlung auf mich
 zuwenden, sondern mich zu helfen, so daß
 ich mich zufrieden setzen kann und sagen
 will. Weimar d. 11. Sept. 1783

Goethe

Подпись и личная печать Гёте под масонским
 обязательством не разглашать тайну ложи. Веймар,
 1783 г.

Dem würdigen
Bruderfaste
Johanni,
1830.

Fünfzig Jahre sind vorüber,
Wie gemischte Tage floten;
Fünfzig Jahre sind hinüber
In das erst Vergangene schon

Doch lebendig, stets auf's neue,
Thut sich edles Wirzen yund,
Freundesliebe, Mannertreue
Und ein ewig wirrer Band.

Ausgesät in weiter Ferne
Nah, getraunt, ein erastes Reich,
Schimmern sie, bescheidner Sterne
Leis' wohlthätigam Lichte gleich.

So! Die Menschheit fort zu ehren,
Lasset, freudig überein,
Als wenn wir beisammen waren,
Kräftig uns gesamt sein!

Weimar

Göthe

Стихотворение Гёте, посвященное «братьям» по веймарской ложе «Амалия»

Вот вам и «Страдания...» Да, сегодня литература, подобная «Вертеру», - солидная и несколько скучноватая классика. Однако в истории мировой культуры романтизм стал очередным малозаметным шагом, уводящим человеческое мировосприятие по дороге от Бога... Он «развивал чувствительность», «воспитывал добрые нравы», «учил сострадать несчастным»... Все эти «высокие» чувства оказались магическими кругами, которые не спасают от ада. «Среди сродных Вертеру, измученных рефлексией неудачников стали учащаться случаи самоубийств,

иногда с гётевским романом в руках. Увлечение переходило в настоящую эпидемию...» [6]. О сути таких эпидемий писал архиепископ Никон (Рождественский): «Не напрасно же говорят, что, например, самоубийство заразительно: при одном имени самоубийцы (или литературного героя. – Ю.В.) в душе возникает его образ, а с образом сим рисуется и то, как он окончил жизнь... Спросите любого психиатра, и он вам скажет, что при разговорах о самоубийцах, о способах их самоубийства у впечатлительных людей нередко появляются так называемые «навязчивые мысли», а по-нашему, православному, просто вражеские искушения, влекущие слабых людей к тому же преступлению... (см. статью архиепископа Никона (Рождественского) «Можно ли молиться за души самоубийц и еретиков?». Цит. по: «Благодатный огонь», № 10, 2003). Недаром на Руси в старину дом самоубийцы разрушали, а дерево повешенного – срубали. Чтобы и памяти о происшедшем не оставалось. В доме повешенного не говорят о веревке.

Литературное индуцирование разрушительных идей тем сильнее, чем популярнее автор. Вот пример из сегодняшнего времени. После очередного «шедевра» Стивена Кинга – романа «Гнев», в котором рассказывается, как школьник беспричинно убивает своих сверстников, по Америке прокатилась волна подобных преступлений. Индуцировавший этот психоз писатель сам, конечно, «наш клиент»: страдает различными фобиями, в том числе, как пишут, боится темноты. Даже спит только со включенным светом. Не темноты как таковой, конечно, боится писатель. Он знает, кто в ней скрывается.

Да, автор «Вертера» оказался индуктором страшной духовной эпидемии. И не удивительно, ибо был тяжело болен сам: «Гёте описал и свои крупные, длительные циклы, как болезнь, которая со всеми симптомами

пронизывает его сущность со стремлением к самоубийству и трудностью в эти периоды уйти от влечения к смерти» (Kretschmer E., 1958, с. 136). И в целом, в его роду было не все в порядке: «Корнелия Гёте, очень похожая на брата, была совершенно патологичной душевнобольной, без веры, надежды, любви, постоянно меланхоличной и умерла в 27 лет; психически ясный случай депрессии в гипоманиакально-депрессивной семье» [97].

Гёте писал, что сам подумывал о самоубийстве. Но руки наложил на себя его литературный герой. Сколько юных вертеров пойдут потом по страшному пути в реальной жизни! Этой жертвой Гёте как бы откупился от ада. На время.

Откупиться от ада

Удивительные отношения могут связывать литератора с его героями! Поскольку книжные персонажи существуют в сфере фантазии, а это – единственное место, где нет Бога, то становится понятным, кто владычествует в том зыбком мире.

Страшная история произошла с Густавом Майнринком, выдающимся писателем «черного» немецкого романтизма, густо замешанного на каббале и алхимии. В 1892 году, в двадцать четыре года от роду, им овладела идея самоубийства. Молодой человек уже готов был набросить на шею петлю, как под дверью что-то зашуршало. Кто-то просунул в щель брошюрку про оккультное бессмертие. Это так поразило Майнринка, что он оставил свое намерение... Вместо него страшные смерти стали преследовать персонажей его романов.

В «Вальпургиевой ночи» мать убивает своего сына: «И тогда из поднятой руки графини сверкнула молния: «Вот тебе твоя королевская корона, ублюдок!»... С простреленным лбом Оттокар рухнул с лошади».

Героиня «Белого Доминиканца» Офелия вступает в «Алхимический брак» – топится в реке. Это столкновение со смертью становится для ее возлюбленного – Христофора – этапом алхимической «работы в черном» – поистине диавольской инициации. Именно так, ведь за порогом смерти Офелия становится женской частью единого андрогинного существа Христофора. После этого живой мир открывается ему как царство праха и кладбище душ. Каково?!

С героем «Голема» Пернатом происходит и вообще нечто невообразимое. Ему мерещится, что в пустом доме равнина начинается пожар, он запутывается ногами в канате, повисая вниз головой (в позе 12-го аркана, это

очень трогательно для сердца каббалиста), а затем падает вниз. Размозжив голову о камень, он достигает вожделенного состояния Гермафродита.

Романист всеми силами заклинал демона самоубийства. И тот пришел вновь. Явился к его сыну. Как и к отцу – в возрасте двадцати четырех лет. Писатель был потрясен. Воспринять трагедию как акт «алхимического брака» было ему не под силу. Не помог и буддизм, обуявший Майнринка на старости лет. Реинкарнация – разве может она утешить? Писатель умер через полгода после сына. Несчастливого самоубийцу звали Харро Фортунат – в его имени родители также зашифровали мечту о «счастье»...

«Аналогичной можно считать ситуацию и с Джеком Лондоном, который в возрасте 20 лет, будучи в состоянии депрессии, пытался утопиться в океане, но передумал, выплыл и передал эту роль герою своего автобиографического романа «Мартин Иден», который кончает самоубийством именно таким способом. Этим Джек Лондон продлил свою жизнь и литературную деятельность еще на 20 лет. Но душевное заболевание прогрессировало, к состояниям мании и депрессии добавились бредовые идеи преследования, и в возрасте 40 лет он покончил с собой, приняв смертельную дозу морфия. Кстати, Джек Лондон также был читателем и последователем философии Ницше...

Существует мнение, что, «убивая себя» в автобиографическом «Театральном романе» (имеющем подзаголовок «Записки сумасшедшего» и начинающегося с упоминания о самоубийстве молодого драматурга Сергея Леонтьевича Максудова в Киеве), Михаил Булгаков, переживавший трудные времена, в том числе и в отношении с театром, также предотвратил самоубийство настоящее. (Сильное впечатление произвела на него трагическая смерть Маяковского.) Кстати, суицид – это и вариант развития

действия у М. Булгакова в «Беге». В трех редакциях своей пьесы драматург заставляет генерала Хлудова застрелиться, лишь в последней, четвертой, Хлудов возвращается в Россию, но и этот поступок другими героями «Бега» воспринимается как самоубийственный. А до этого было самоубийство наркомана доктора Полякова в «Морфии» (сам-то Булгаков, как мы помним, чудесным образом исцелился). А потом – двусмысленное «избавление» Мастера и Маргариты после бала у Воланда. Его ведь можно трактовать и как «освобождающий» (в стиле Майнринка) суицид...

Страшную возможность «откупиться» получают некоторые писатели! Они продляют свое земное существование только за счет того, что навязывают суицид другим.

Превращение

«В Булгакове все – даже недоступные нам гипсово-твердый, ослепительно-свежий воротничок и тщательно повязанный галстук, не модный, но отлично сшитый костюм, выутюженные в складочку брюки, особенно форма обращения к собеседникам с подчеркиванием отмершего после революции окончания «с», вроде «извольте-с» или «как вам угодно-с», целования ручек у дам и почти паркетная церемонность поклона, – решительно все выделяло его из нашей среды. И уж конечно, его длиннополая меховая шуба, в которой он, полный достоинства, поднимался в редакцию, неизменно держа руки рукав в рукав!». Таким запомнился Булгаков современникам (Воспоминания журналиста Э. Л. Миндлина). Впрочем, теперь на время оставим его. Тем более, что я не назвал бы Михаила Афанасьевича главным героем этой книги. Она – о литературе, как демоническом проекте. И хотя, на первый взгляд, в жизни Булгакова, Гёте, и многих других упоминаемых нами авторов почти ничего мистического не происходило, это не так. Даже уже у пролетарского писателя Максима Горького был на этот счет удивительный опыт.

Итак, Булгаков поднимается по лестнице в редакцию, Горький проживает в Италии, а мы вернемся к ранним годам Максима, то есть, простите, Алексея Максимовича. Для общего портрета демонической литературы они нам очень нужны...

Плеханов, размышляя о судьбе литератора в царской России, заметил: «Каждый русский писатель состоит из тела, души и псевдонима». Необходимость скрываться от власти, цензуры заставляла камуфлировать свои подлинные имена. Но у Алексея Пешкова все было

иначе. Особой нужды прятаться у него не было. Его псевдоним оказался не конспиративным покровом, а чем-то другим, еще более тайным.

Как Пешков стал «Горьким»? Просто социально-эффектную фамилию себе придумал? Ну, что такое Пешков? Пешка в чьей-то игре. Для великого писателя явно не подходит. Однако дело было далеко не только в этом...

Духовная биографии писателя невозможна без исследований его рода. Это генеалогическое вскрытие сделал он сам. Может, и сфантазировал малость, но все исследователи считают, что фактам, изложенным в «Детстве», можно в основном доверять.

Корней Чуковский в работе «Две души М. Горького» отмечал: «Среди самых близких своих родных он мог бы с гордостью назвать нескольких профессоров поножовщины, поджигателей, громил и убийц. Оба его дяди по матери, – дядя Яша и дядя Миша, – оба до смерти заколотили своих жен, один одну, а другой двух, столкнули жену его в прорубь, убили его друга Цыганка – и убили не топором, а крестом!

Крест, как орудие убийства, – с этой Голгофой познакомился Горький, когда ему еще не было восьми лет. В десять он и сам уже знал, что такое схватить в ярости нож и кинуться с ножом на человека. Он видел, как его родную мать била в грудь сапогом подлая, длинная мужская нога. Свою бабушку он видел окровавленной, ее били от обедни до вечера, сломали ей руку, проломили ей голову, а оба его деда так свирепо истязали людей, что одного из них сослали в Сибирь».

Родовые грехи не проходят бесследно. Горький и сам ведь понимал смысл идеи вырождения («Дело Артамоновых» и др.). Трудно сказать, смотрел ли он, уже зрелый, с этой точки зрения на себя самого... А происходило вот что. Вырождение – по грехам – вползало в плоть и кровь православных христиан.

Превращало их в пьяниц и душегубов. А затем из их среды явился человек, обуянный богоборческим бунтом, революцией. Соблазнивший своими писаниями миллионы людей. О, он был большим гордецом! Уже в советское время писал: «Если дьявол существует и вводит меня в искушение, то это – во всяком случае не «мелкий бес» эгоизма и тщеславия, а Абадонна, восставший против творца, равнодушного к людям и лишенного таланта».

Но начало его жизни не предвещало ничего такого особенного. Впрочем, был один любопытный момент. Его Алексей Максимович рассказал писателю Сургучеву.

«...А вы знаете, – сказал Горький, – я ведь учился этому ремеслу (иконописи). Но не пошло: веры не было. А это самое главное в этом деле. Большая комната. Сидят человек двадцать богомазов и пишут иконы. А я вступил как растиратель красок, ну и присматривался, конечно. Пишут Богов, Божию Матерь и Николу. Хозяин – мрачный, платит поденно и следит, чтобы не раскуривали. Скука, а песен петь нельзя. Попробовали божественное: «Кресту Твоему» – не идет. Я был мальчишка бедовый. Подойдешь к одному-другому и шепнешь: «Нарисуй ему рожки!» Так меня и прозвали: «дьяволенок». Хозяину это не нравилось, вынул он из кармана сорок копеек и сказал: «Собери свое барахлишко и к вечеру очисти атмосферу». И вот вечером, когда я пришел к товарищам попрощаться, один из них вынул из стола две маленьких иконки и сказал: «Вот для тебя специально написал, выбирай». На одной был написал Ангел Алексей – Божий человек, а на другой – дьявол румяный и с рожками. «Вот выбирай, что по душе». Я выбрал дьявола из озорства. – «Ну вот. Я так и мыслил, – ответил богомаз, – что ты возлюбишь Дьявола. Ты из дьявольской материи создан. И мамаша твоя не иначе, как путешествует на Лысую гору». «Как же, как же, – ответил я, смеясь, – я и сам ездил с ней не

один раз». «Ну, вот и молись своему образу: он тебя вывезет. Но, – прибавил богомаз, – жди конца». Что-то в душе у меня екнуло...»

Позднее, в рассказе «Сторож», «Горький признал, что с ранней юности им руководила и двигала жажда знания, – и сделал существенную оговорку: «меня пленил и вел за собою фанатик знания – Сатана»... Литературный образ? Но к этому тяжелому случаю, действительно, подходит предупреждение Аввы Дорофея: «Тому, кто верит своему уму и предается своей воле, враг, как хочет, устраивает падение» (Гольцман Е. Странные знаменитости. М., 2003. С. 402).

Начало падения, иначе говоря, превращения в Горького, описывает исследователь Н. Ставров: «Более всего его увлекала философия, а именно: теософия, теория научного предвидения, восточная мистика. На этом пути он имел руководителя – таковым для будущего пролетарского писателя стал Николай Васильев, весьма странный человек, химик по профессии, «мудрец по призванию». Впоследствии Горький напишет о нем: «Он почти как и все талантливые люди имел странности: ел ломти ржаного хлеба, посыпая их толстым слоем хинина, смачно чмокал и убеждал меня, что хинин – весьма вкусное лакомство. Он вообще проделывал над собой какие-то небезопасные опыты: принимал бромистый калий и вслед за этим курил опиум, отчего едва не умер в судорогах. Принял сильный раствор какой-то металлической соли и тоже едва не погиб. Этими опытами Николай испортил себе все зубы, они у него позеленели и выкрошились. Он кончил все-таки тем, что намеренно или нечаянно отравился в Киеве в 1901 году».

Именно этот странный человек дал своему ученику – Алексею Пешкову знаменитую книгу Ницше «Искушение святого Антония», – такое название имел первый

рукописный перевод на русский язык трактата «Так говорил Заратустра». Главная идея немецкого философа, вложенная им в уста Заратустры, – «Бог умер» – потрясла Алексея, определив всю его последующую жизнь...

Знаменательно: на инфернальном профиле будущего «пролетарского писателя» появились усы – точно такие же, как у Ницше. Но это – внешнее. Внутри все было сложнее. Не химия, но едкие богохульные слова растворяли личность. «В конце концов, Пешков, начавший превращаться под руководством Васильева и Ницше в «Горького», обратился к психиатру. Дни тянулись мучительно, жизнь представляла безысходным кошмаром...» [53, с. 390–391]. С ним происходило нечто такое, что русский и французский психиатры Кандинский и Клерамбо одновременно описали как раз в конце XIX века.

Да, хинин он не ел, бромистый калий не принимал, но алхимическая трансмутация личности началась. Еще в Нижнем, до того как отправиться в странствия по России, Пешков заболел. Ему казалось, что мир иллюзорен. Чтобы убедиться в реальности предметов, он ударял по ним кулаком, в кровь разбивая руку. Такое может происходить тогда, когда человеку явился некто якобы реальный, но бесплотный, и несчастный теряет грань между физическим миром и миром духов. Ладно, провинциальный неуч разбивал кулаки. Но и богословствующий Лютер наивно бросал в явившегося ему дьявола чернильницу. Оно пролетела, конечно, через «тело» рогатого гостя. След от чернил до сих пор показывают на стене комнаты, где реформатор христианства вел с Сатаной теологические споры...

Тогда же, в Нижнем, Горький познакомился с одним молодым аптекарем. Тот был румян, носил длинные, богемные волосы и запомнился Пешкову разве что темно-вишневыми, иудейскими, какими-то

полубезумными глазами. Впрочем, это было мимолетное знакомство. Алексей вскоре и фамилию этого фармацевта забыл. Много лет спустя тот, став завсегдаем московского дома Горького, тот сам напомним об этом знакомстве. А фамилию его Горький будет знать уже сам – Ягода, нарком НКВД. Демон социальной мести. Он будет носить уже короткую стрижку и лицо «пожившего человека». Только глаза останутся как будто прежними. Очень знакомые глаза. У Алексея Максимовича возникнет даже ощущение, что они и не расставались все эти годы. Впервые увидев Ягodu в новом качестве, почему-то он вспомнит слова нижегородского богомаза: «Жди конца...» И даже вздрогнет...

Но это будет потом. А пока Алексея пугали другие вещи. «... В период примерно с начала 1890-х годов и до начала XX века в судьбе Алексея Максимовича Пешкова происходит то, что на психологическом языке называется «раздвоением личности». Пешков и Горький начинают жить хотя и в едином теле и даже в своеобразном душевном союзе, но все-таки отдельными жизнями.

Писатель Евгений Замятин, обязанный Пешкову спасением от советского режима, напишет о раздвоении предельно лаконично: «Их было двое: Пешков и Горький»»...

Первый рассказ «Горького» – «Макар Чудра» – появился в тифлисской газете «Кавказ». В нем автор высказал свою, уже в основном определившуюся философию бытия. Это означало, что обращение в новую веру произошло: Пешков «разлюбил жизнь» [53, с. 390–391], все сильнее сдаваясь «Горькому». Но, кажется, еще не до конца. Такое ощущение, что «альтернирующая личность» Горького никак не могла окончательно возобладать над волей Пешкова. Да, тот порой еще задавал «ненужные» вопросы. Например, о

происхождении зла он вопрошает, неожиданно появившись перед Иоанном Кронштадтским. Впрочем, даже непонятно, то ли спрашивал, то ли искушал батюшку... Тихим летним вечером, когда маститый протоиерей отдыхал в саду и вкушал финики, неожиданно, как бес из табакерки, перед ним с вопросами на устах появилась какая-то нелепая фигура.

Прозорливец сказал ему: «Церковь говорит тебе: зло – от дьявола, и ты или веришь этому – благо тебе, или не веришь – тогда погиб [...] я знаю [...] Ты возмутитель жизни, ты ходишь, возмущая людей [...] Горький задал святому еще один вопрос: «Если Бог всемогущ, зачем же допускает козни дьявола?» На это ему был дан жесткий ответ: «Не твое дело, отверженник, ставить вопросы сии! Разумей это и – оставь меня...»

«Та двойственность в восприятии мира, какая была присуща «серебряному веку», не обошла и Горького, в котором собственное индивидуальное своеобразие мировидения соединилось с общею болезнью времени – и привело к искаженному пониманию бытия.

Алексей Максимович признавался: «Это... раздвоение личности переживалось мною весьма мучительно и нередко заставляло меня создавать драмы там, где можно было бы ограничиться весёлою игрой в легкой комедии»» (Гольцман Е. Странные знаменитости. М., 2003. С. 449).

...Для того, чтобы справиться с Пешковым, нужны были все новые шоки. Вот очередной из них.

В 1897 году «... он тяжело, почти смертельно заболел то ли туберкулезом, то ли опаснейшей формой хронического бронхита. Три месяца будет находиться на грани жизни и смерти... Больного, уже обремененного семьей, его начинает преследовать нужда... Он начинает закладывать вещи. Пишет Короленко, что как писатель совершенно не может работать. В этом

состоянии он, тем не менее, завершает рассказ «Коновалов», герой которого кончает с собой (реальный казанский пекарь Коновалов этого не делал). И тогда же пишет «Вареньку Олесову», апофеоз победы телесной красоты над «скучной» моралью. И это в то самое время, когда, как обнаружил самарский специалист по грудным болезням доктор В. И. Косарев, «дело оказалось очень скверным: и хрипы, и продухи, открытие каверны». С этого момента начинается пожизненное кровохарканье Горького, и из здорового парня, способного ворочать многопудовые мешки с мукой, он превращается в объект постоянной головной боли для докторов. Так «рождался» писатель Горький. Через «переход и гибель»... [27, с. 146]. Гёте проделал практически такой же трагический путь до него, Михаил Булгаков – после [\[10\]](#).

Горький выстрелил в Пешкова

В чем заключалась трагедия? В логике духовного развития Горького, в образе которого определенно угадывались признаки если не сверхчеловека, то «сверхписателя», Пешкову отводилась роль «бывшего человека», брошенного кокона, из которого выпорхнула бабочка. Точнее – буревестник [З-2, с.160].

«Новый человек» даже убить хотел «бывшего». Этот случай Горький опишет потом в автобиографическом рассказе «Случай из жизни Макара». «Герою рассказа (то есть, по сути, самому Максиму Горькому) 19 лет, он здоров, жизнь кажется ему интересной, он ищет новых впечатлений, общается с людьми, читает много книг. Ни о каких драматических ситуациях в его жизни речь не идет. Но вот... постепенно у него появляется чувство усталости, скуки, острое недовольство собой и людьми. Макар покупает револьвер, изучает анатомический атлас, чтобы не промахнуться, стреляя в сердце, тщательно моется в бане, оставляет предсмертную записку» (Гефдинг Г. Очерки психологии. СПб., 1898).

В своей настоящей жизни Пешков тоже оставил записку. С прелюбопытнейшим содержанием: «В смерти моей прошу обвинить немецкого поэта Гейне, выдумавшего зубную боль и сердце. Прилагаю при сем мой документ, специально для сего случая выправленный. Останки мои прошу взрезать и рассмотреть, какой черт сидел во мне за последнее время»... То ли сам Пешков такое выдумал, то ли Горький, издеваясь, написать заставил?

Просьба Алексея «взрезать» его труп кажется эксцентричной только на первый взгляд. Ирина Паперно в книге «Самоубийство как культурный институт», проанализировав много записок самоубийц XIX века,

обнаружила, что такие просьбы были удивительно частым явлением, то есть несчастные зачем-то непременно желали быть «взрезанными» [З-2, с. 94–96]. Начавший «просвещаться» человек традиционного общества еще помнил, что в душу грешника может вселиться бес, но уже настолько доверял науке, что считал ее способной разрешить ситуацию хирургическим путем.

Горькому убить Пешкова не удалось. Пуля, пробив легкое, застряла в спине.

Пулю вырезал ассистент хирурга, профессора Казанского университета Н. И. Студентского – И. П. Плюшкин, и операция прошла удачно.

Однако на третий день в больницу на обход приехал сам Н. И. Студентский, известный своей грубостью. Он чем-то обидел прооперированного. «Горький», не оставлявший своих замыслов, тут же воспользовался ситуацией. Шепнул что-то Пешкову и тот, схватив большую склянку хлоральгидрата, выпил его... Алексею промыли желудок.

Потом несостоявшегося самоубийцу, пригласили (так полагалось в православном государстве) на духовное собеседование. Позднее писатель вспоминал: «Допрашивал иеромонах, «белый» священник, а третий – Гусев, профессор Казанской духовной академии. Он молчал, иеромонах сердился, поп уговаривал. Я заявил, чтоб оставили меня в покое, а иначе я повешусь на воротах монастырской ограды» [З-2, с. 106]. Немедленно отправить своего подопечного в ад – это намерение вселившийся в него бес выполнял упорно.

В 1892 году Алексей Максимович писал... «Пуля в лоб или сумасшествие окончательно. Но, конечно, я выбираю первое» [З-2, с. 62].

В творчестве Горького, особенно раннем, – очевидный избыток самоубийц. Начнем с самоубийства Сокола, приветствуемого автором, в отличие от

«мудрости» Ужа. А разве не убивает себя Данко, пусть и ради людей? Кончает с собой красавец и силач Коновалов. Илья Лунев в романе «Трое» разбивает себе голову о стену. Вешается на пустыре возле ночлежки Актер...

Своей «суицидальной» литературой Горький тоже как будто бы «откупился» от демона самоубийства. Забросил в сознание миллионов читателей выгодную inferнальному миру идею и за это самого его – до времени – бесовский мир как бы оставил в покое^[11].

Отношение к самоубийцам зрелого Горького – резко отрицательное... На трагедию Маяковского он отозвался почти презрительно: «Нашел время...»

Кстати, и герой рассказа «Случай из жизни Макара» постепенно выздоравливает и возвращается к реальной жизни, навсегда отбросив мысли о смерти.

И это – на фоне разраставшегося «вертеризма». На фоне того, что самоубийство стало даже темой газетных шуток. (Рисовали, например, повесившегося на осине человека и делали подпись: «Подосиновик»... Очень смешно!). Горький отмечал: «Эпидемия самоубийств среди молодежи – в тесной связи с теми настроениями, которые преобладают в литературе, и часть вины за истребление молодой жизни современная литература должна взять на себя. Несомненно, что некоторые явления в литературе должны были повысить число самоубийств»... Горький вел кампанию против постановки в московских театрах инсценировок романов Достоевского «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы», изображавших самоубийство на сцене: «Кто знает? – не влияла ли инсценировка Карамазовых на рост самоубийств в Москве».

Да, повзрослевший Алексей Максимович как будто одумался и с осуждением писал о том, к чему причастен был сам. Как будто... На самом же деле окрепший Горький (например, в драматургии 30-х годов)

действовал в прежнем же направлении, только куда тоньше.

Вот священник в одной из его пьес говорит о причинах самоубийств именно то, что и должен сказать иерей: «Высокоумие, атеистическая мечтательность – причина таких и подобных фактов». Все так. Однако здесь есть одно «но»... «Но в пьесах, – пишет профессор Дунаев, – раз за разом к подобным высказываниям нарастает всё более ироничное, неприязненное отношение. Истина опрокидывается, выворачивается наизнанку, происходит ее компрометация и отвержение. Не успеваешь открыть рот, а уже известно: сейчас скажет очередную вредную глупость.

Сознавал ли Горький или нет, но совершал он тем несомненное служение бесу»... [16, с. 460].

Спустя два года после попытки самоубийства Алексея Максимовича почему-то поразила философская система Эмпедокла, рассказанная одним студентом. Начинаясь с хаоса, писатель живо представил себе, как вначале во Вселенной царил хаос, а потом из бесчисленных отдельных частей постепенно сложились растения, животные и люди. Представил настолько живо, что почувствовал приближение безумия. «У него появился поток зрительных и слуховых галлюцинаций и явления дереализации, страхи и бессонница. То ему казалось, что в небе появляется дыра, а оттуда – огненный палец, который грозит ему, или по небу ползет гигантская змея, Волга превращается в бездонную щель, а оттуда выходят миллионы людей, луга сворачиваются в свиток, все пространство превращается в гигантское ухо, которое слушает Горького, он убивает мечом тысячи людей и т. д., и т. п.» Все это изложено в рассказе («О вреде философии» – Ю.В.) гораздо подробнее и красочнее. Горький был близок к самоубийству и не совершил его только из-за воспоминаний о неудачной попытке два года назад» [9, с. 284].

После краткого урока философии с Горьким случилось такое: «Ко мне, – сообщает он, – подходила голая женщина на птичьих лапах вместо ступней ног, из ее груди исходили золотые лучи; вот она вылила на голову мне пригоршни жгучего масла, и, вспыхнув, точно клочок ваты, я исчезал». Может быть, именно тогда началось основательное «растворение», «исчезновение» личности Пешкова? Студент-наставник не без удивления отметил: да у вас слишком богатое воображение! Что ж, без «богатого воображения» он и не стал бы писателем. Корней Чуковский отмечал, что беспомощные умствования самоучки-Горького читать скучно и неинтересно, а вот описание деталей, образность, фантазирование – другое дело. Здесь писатель необычайно силен... Это его качество и оценил демонический мир. И изменил свой проект относительно талантливой личности. Теперь Пешков подлежал не уничтожению, а возвеличиванию – под новым именем.

Писатель и самоубийство России

Что такое – отправить молодого самоубийцу в ад? Для беса – рядовая практика. Постепенно у infernalного мира родились относительно талантливого парня планы посерьезнее. Он должен был участвовать в убийстве или самоубийстве, не отдельных людей, а целой страны. Православной России! И дело, конечно, не в том, что крупные политики Некрасов и Терещенко, генералы Алексеев и Рузский – все они были масоны – в 1916 году собирались на квартире Горького и составляли «морской план» дворцового переворота. У писателя были дела помасштабнее...

Духовная болезнь молодого Горького ушла вглубь, но не исчезла. В петербургские годы стремительного восхождения к славе недуг возобновился в очередной раз. Медицинский диагноз был точен: раздвоение личности. Именно тогда Горький диктовал, а Пешков послушно записывал: «Суть в том, что я искреннейшее, непоколебимо ненавижу правду, которая на 90 процентов есть мерзость и ложь. Я знаю, что 150-миллионной массе русского народа эта правда вредна и что людям необходима другая правда... Люди мне противны...» (цит. по: [53, с. 392]).

Постепенно у Горького вызрела идея оккультного воздействия на общество с помощью создания специфических произведений со специфическими героями. Написанное на бумаге должно было действительно влиять на происходящее. В рамках этой бумаги можно рассматривать создание соцреализма и творческого союза писателей. Даже свое участие в выпуске Большой Советской Энциклопедии он рассматривал, кажется, именно под таким

специфическим углом зрения. Писатель «утверждал, что, когда энциклопедия выйдет в свет и ее прочтут, войны на земле прекратятся навсегда. Интересно, что точно такую же, по сути, бредовую идею приблизительно в то же время высказывал Герберт Уэллс, который участвовал в издании Британской Энциклопедии» [9, с. 285]. Что ж, и Гоголь писал: без истинной веры искусство обречено на темную магию.

Итак, оккультное воздействие литературы. «Здесь он реализовал намеченную еще в 1912 г. совместно с Оствальдом, Демелем и Синклером идею о создании всемирного мозга, который тогда представлялся как Интернациональная Лига ученых, потом была реализована как Лига Наций, а в советское время как Союз писателей, Академия наук и др...

В 1924 г. Горький в «Рассказе об одном романе» показывает, как много вреда может причинить плохой и безответственный писатель Фомин, автор неоконченного романа и недописанного героя. Несчастный недоделанный герой жалуется на своего автора: «Они думают, что образ, созданный ими, закреплен только на бумаге и этим все кончено, но ведь на бумаге остается только рисунок образа, а сам он исходит в мир и существует, как я, вы, как психофизическая эманация, результат распада атомов и нервов, нечто более реальное, чем эфир...» [27, с. 85].

Горький знаком был с работой Флоренского начала 1909 года «Общечеловеческие корни идеализма»: «Чем напряженнее желание, чем непосредственнее сознание, тем ближе друг к другу мысль, слово и дело. В экстазе магического творчества, в упоении миротворческой властью нет границы между ними. Одно есть другое. Огненной лавой течет из уст заклинание и ударяясь о вещи, плавит их и отликает в новые формы, даваемые кудесником. Активность художника – это нечто совсем, совсем иное, нежели обычное, пассивное восприятие

мира... Слово мага – это не есть «только слово», «дым и звук пустой»... Нет! Оно державно и мощно» (Богословский вестник, 1909. февраль-март, с. 297, 410).

Горький вполне согласен: «Художник не ищет истины, он создает ее». Так из фантазии писателя и вырвался нарочито-революционный Буревестник. Исследователь М. Дунаев обращал внимание на такую особенность Буревестника: на его сопоставление с «чутким демоном». Сознал ли сам Горький это точное религиозное определение революционного начала? Да, птица носится над бушующим морем жизни как дух злобы поднебесной.

Впрочем, романтизировать летающую тварь не ново. Необычной оказалась романтизация босячества. Чтобы оценить всю меру этой странности, надо понять, что в наши дни (если очистить босяка от литературного грима) к понятию босяк ближе всего – бомж. Опухший от пьянства дурно пахнущий человек. Как правило, он уже переродился. Все попытки поместить его в нормальные условия жизни и дать работу ни к чему не приведут. «Босяк» украдет что сможет и тут же опять окажется на вокзальной скамейке. И это – герой? И это герои?

Почему он выбрал их? Ощущал в них что-то родное? «...Среди грузчиков, босяков, жуликов, я чувствовал себя куском железа, сунутым раскаленные угли, – каждый день насыщал меня множеством острых, жгучих впечатлений. Там передо мною вихрем кружились люди оголенно жадные, люди грубых инстинктов, – мне нравилась их злоба на жизнь, нравилось насмешливо враждебное отношение ко всему в мире и беззаботное к самим себе. Все, что я непосредственно пережил, тянуло меня к этим людям, вызывая желание погрузиться в их едкую среду».

В духовном плане человек либо возрастает, либо опускается. Так что опустившиеся люди – понятие духовное. Мережковский так оценил суть выбора этих

необычных героев: «Последняя же сущность босячества – антихристианство, пока еще тоже старое, слепое, темное, – религия человечества, только человечества без Бога, – но с возможностью путей к новому, зрячему, сознательному антихристианству – к религии человекобожия» (Мережковский Д. Полн. Собр. Соч. Т. XIV. М., 1914. С. 81). Все так. Опустившийся босяк – анчутка беспятый. Человек деградирует «во образ» отпавших бесов. (Хотя, в отличие от бесплотных тварей, всегда имеет возможность покаяния). Кстати, вырожденец и деградант не обязательно должен одеваться как Сатин. Он/она вполне может носить костюмы из английской шерсти или дорогие камеи. И заниматься не мошенничеством на Хитровом рынке, а литературным творчеством.

Ангелы, ставшие дегенератами

Советская власть свергала памятники православным царям и сбивала кресты с надгробий, а вот скульптура лермонтовского Демона в Пятигорске ее не смущала. Материалистов почему-то не пугало, что диавола и его подопечных искусство возвело на пьедестал – со всеми их «асоциальными» качествами.

«А сердце тянет к выстрелу, а горло бредит бритвою», – писал Маяковский. Среди верных признаков одержимости – помешательство и самоубийство. Имя таким гениям – легион. Автор книг по оккультизму Станислав Де Гуайта «злоупотреблял наркотиками и пропагандировал их как лучшее магическое средство для выхода из грубого тела и исследования астральной среды. В 1898 году этот поэт и маркиз «вышел в астрал», выбросившись из окна» [31].

Игумен Н в книге «От чего нас хотят «спасти»» перечисляет подобных кумиров всех времен и народов: Моцарт, Цветаева, Блок, Брюсов, Есенин, Врубель, Модильяни, Ван Гог, Дали... Увы, страшный список можно продолжать и продолжать: Всеволод Гаршин бросается в лестничный пролет, Николай Успенский перерезает себе горло, Хемингуэй направляет в себя смертоносное дуло... Нам, привыкшим к почитанию классиков, говорить об этом трудно. Человеческая слава стала формой для изготовления величественных идолов. А кипящий металл в эти формы залил сам ад. И вот они застыли, возвышаясь на постаментах. Не подступись! Но мы, с Божией помощью, подступимся...

Знаете, Цветаева сравнивала состояние творчества с наваждением: кто-то в тебя вселяется, твоя рука – исполнитель. Возможно, Цветаева имела представление,

что именно с ней происходит. Во всяком случае, она владела раритетным изданием знаменитого визионера Беме – в переводе «масонского старца» Гамалеи. Беме ведь, этот сапожник, вошедший в историю без сапог, был тоже – «того». «Тайны невидимого мира» он познал в особом состоянии, которое длилось семь дней. А может быть, и это лишь образ? Лишь литературный символ вдохновения? Что ж, Цветаева писала рифмованные слова, я пишу слова о Цветаевой, а кто-то может написать обо мне: такие мракобесы и хотят ввести преподавание православной культуры в школах! Все – слова. Они опровергаются словами, но кто опровергнет жизнь?! Помните, как она закончилась у Марины Ивановны? Но об этом – после...

«Согласно ее теории искусства, которая лишь на первый взгляд кажется моралистичной, поэт свободно и неотвратно отдает себя во власть чары, стихии, природы, демона, чумы или революции – сверх-Другого, достойного подобной жертвы». И надо же – Цветаева вполне прагматично обдумывает условия договора с этой силой: «Демон (стихия) жертве платит. Ты мне – кровь, жизнь, совесть, честь, я тебе – такое сознание силы, [...] такую в тисках моих – свободу» [96].

Да, на одну чашу алхимических весов поэтесса бросает «кровь, жизнь, честь и совесть», а на другой оказывается пустота призрачной свободы. Чтобы уравновесить, бес незаметно нажимает на чашу темным когтистым пальцем. Слова Марины Ивановны похожи на слова Фламея из его «Книги иероглифов». Он писал, что если «религиозность составляет... «первичную материю» творения, алхимическая духовность преступает религию и мораль. Алхимик обнаруживает свое одиночество, теряется во Вселенной и изобретает свою мораль (он становится «сыном своих творений»)» [49].

Художественное творчество Цветаева называла атрофией совести, тем нравственным изъяном, без которого искусству не быть. По-своему интересна статья М. Цветаевой, где она сравнивает качества Дон Жуна и Казановы. Если первого она называет просто богоборцем, сознательным разрушителем женской добродетели, то второму поэтесса приписывает совсем иные качества. Он якобы настолько любит и жалеет всех, и женщины после общения с ним настолько счастливы, что даже матери приводят к нему своих дочерей (для участия в оргиях). Вот так: коли блуд не оставляет чувства опустошения, а просто приятен, то это благо. Таков чувственный критерий. И он полностью зависит от того, насколько старательно бесы щекочат эмоции. Основоположники сентиментализма мыслили примерно так же: если человек заплакал над плотью написанного слова, то он – якобы уже на пути духовного исправления. Если вознегодовал по поводу чужой несправедности, то он не повторит ее сам. Духовное понятие греха забыто. Оно забито чувственными ощущениями.

Да, к началу XX века мораль перестала вдохновлять некоторых творцов, более того, она виделась «препятствием творческой энергии жизни». Не хочется показаться скучным моралистом, но, например, поиск новых «муз» для творчества привели Булгакова не просто к трем бракам, но и к некрасивым расставаниям, особенно с первой женой. Расставание это, надо сказать, все же мучило совесть писателя. Ее голос вряд ли могли заглушить характерные слова, написанные в 1916 году Н. А. Бердяевым (которые Булгаков, возможно читал): «Умеренная мораль, мораль безопасности, мораль, которая отсрочивает наступление конца... должна рано или поздно прекратиться, преодоленная творческой интенсивностью человеческого духа».

Цветаева поучала знакомую поэтессу: «Пока не научитесь все устранять, через все препятствия шагать напролом, хотя бы и во вред другим, пока не научитесь абсолютному эгоизму в отстаивании своего права на писание – большой работы не дадите». Об этом же, об избавлении от совести, о развитии эгоизма как пути индивидуализации, пишет и Юнг.

Подобные качества знаменитый психиатр И. А. Сикорский описывал, между прочим, как проявления «демонизма» личности – среди признаков вырождения. Он даже составил психологические портреты лермонтовского Демона и гётевского Мефистофеля: «... холодный ум, злоба, злорадство, бессердечность одинаково присущи Мефистофелю художников, Демону поэтов и Дегенерату психиатров. Но так как поэтическое и художественное творчество черпают свой материал из реального мира, то весьма правдоподобно, что класс дегенератов и является той моделью, которой пользовалось творчество в своих созданиях».

Да, качества незримых бесов и можно воссоздать по чертам видимых вырожденцев. Демонизм человека – результат навязываемого бесами греха. Когда мы грешим, то служим аду. А за духовную службу положена духовная плата. «Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет. И кто Мне служит, того почитит Отец Мой» (Ин. 12, 26). За службу Богу и царю дворянин получает благие качества самого помазанника Божия. Так род становится благородным. Что же жалуют за службу бесы? Шкуру жестоковыйности со своего плеча. Рога гордыни вместо боярской шапки. Хвост похотливости вместо меча. Потомство становится все хуже и хуже – злородным. Грех человека, воплощающийся в его вырождении, свойственен самим демонам. Они ведь тоже – дегенераты. Из прекрасных Ангелов превратились в злобных уродов. Именно по

такому пути «прогресса» и «эволюции» – все дальше от Бога – они пытаются вести и человечество.

Кем являются так называемые «дикие племена», еще кое-где населяющие землю? Нашими недоразвившимися родственниками? Скорее, прямыми наследниками великих древних цивилизаций. Этими цивилизациями восхищаются современные оккультисты, а их каиноподобных наследников изучают этнографы. Надо, говорят, обязательно сохранить эти самобытные культуры! Даже безжалостная наука XIX века отнеслась к ним в целом вполне сочувственно. Поучаствовала в кампаниях хамитов и наташила в европейские музеи невероятные кучи экзотического хлама – колдовских приспособлений. Миклухо-Маклай вообще молодец, даже человечинки отведал! А надо бы науке поглядеть на них другими глазами. Они пошли определенным духовным путем и в итоге стали колдунами, каннибалами, демонопоклонниками. А посему сатана обрекает эти беззащитные создания на уничтожение в первую очередь. И, кстати, показывает перспективу всем остальным народам. Всем тем, кто на глазах утрачивает христианские качества.

«На самом деле, феномен «диких» племен по своей сути очень сходен с феноменом современного бродяжничества. У нас милиция таких людей называет бомжами... Во Франции их называют клошары. Таких людей сейчас насчитываются миллионы во всем «цивилизованном мире». Они совершенно не поддаются перевоспитанию (хотя подобные эксперименты проводились как над современными «профессиональными» бродягами, так и над людьми из «диких» племен). И те, и другие совершенно не в состоянии целенаправленно трудиться, заставить себя регулярно выполнять какое-либо дело. Именно поэтому обе указанные группы людей могут существовать только

«собираательством»... Современные бродяги тоже сбиваются в стаи из мужчин и женщин, ведущих беспорядочную половую жизнь. Их умственная деградация и вырождение проходит стремительно. В чем причина такого поразительного сходства образа жизни двух этих групп? В том, что духовные корни указанного явления в обоих случаях совершенно идентичны. И хотя это явление в целом – результат греховного общества, наиболее катастрофические последствия невероятно быстрой деградации можно видеть в семьях, где из поколения в поколение передаются и накапливаются последствия тяжких (смертных) нераскаянных грехов, когда все быстрее отходит защищавшая их Божественная благодать.

С точки зрения психиатрии образ жизни бродяг – результат тяжелого психического заболевания, которое повлекло за собой серьезные дементивные процессы, приводящие к изменению сознания, его распаду и деградации. Те же самые процессы намного раньше привели к изменению сознания племен, постепенно превратившихся в «диких». В обоих случаях преобладающим синдромом является дромомания (вагонобандаж), который характеризуется тем, что «больные» не в состоянии пребывать на одном месте, не в состоянии заниматься каким-либо общественно-полезным трудом, их все время что-то гонит с одного места на другое. Они постоянно кочуют, являясь, можно, сказать, неприкаянными (вспомним Каина!)...» [28].

Профессор Сикорский писал: «Демон презирает людей, но живет их инициативой, он разрушает то, что люди создают, попирает то, перед чем они преклоняются, но сам ничего не может придумать, решить или создать. Очевидно, что демон – нравственно разлагающееся, вырождающееся существо; внешние события еще приводят в действие душу этого существа, но сама по себе эта душа суха, бездеятельна,

безжизненна» (работа И. А. Сикорского «Знаки вырождения» цитируется по сборнику «Русская расовая теория до 1917 года». М., 2002).

Разрушение, размывание христианской нравственности – задание, за выполнение которого и поступает бесовская, убийственная помощь. Отчасти Цветаева отдавала себе в этом отчет. Она признавалась: «Как будто бы мои вещи выбирают меня сами, и я часто их писала против воли».

Так чьей же волей написаны строки, по сути, обращенные к самому Творцу?!

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На Твой безумный мир
Ответ один – отказ!

Все. Веревка захлестнула шею. Вышедшая душа видит свое повешенное тело со стороны. Но уже подступают какие-то мохнатые «жлобы», тянут цепкие руки. Душе не дойти до восемнадцатого мытарства, где предъявляются обвинения в кровосмешении. Душу самоубийцы тут же тащат в ад.

Пророки и Пифии

«Романтики XVIII века воспользовались античной идеей о «божественной болезни» – или, по Платону, «энтузиазмосе», – чтобы подчеркнуть: гению свойственны спонтанность, иррациональность и интуиция. Именно эти качества они ценили более всего... С началом XX века о произведении искусства стали судить по тому, насколько спонтанным и бессознательным был источник творчества. Так, психиатр В. Э. Дзержинский – брат будущего «железного Феликса» – считал произведения художественными, «только если они исходят из подсознательной сферы» (Сироткина И. Классики и психиатры. М., 2009. С. 6, 46).

Об этом демоническом типе творцов и прорицателей Цвейг писал возвышенно, но не без медицинских симптомов: «Ибо там, где самовластно царит демон, создается особенный пламенно-порывный повышенный тип искусства: опьяненное искусство, экзальтированное, лихорадочное, избыточное творчество, судорожные полеты духа, спазмы и взрывы, вакханалии и самозабвение, «мания» греков, священное, пророческое, пифическое исступление. Чрезмерность и преувеличенность всегда служат первым, непреложным признаком этого искусства...»

Ученые и писатели стали пифиями, голоса которых ждут миллионы. А ведь пифии корчились и кричали вещие слова в состоянии одержимости. Обуяны они были огненным духом Пифона – древнего змея, поверженного под землю... Что было потом? «Сообщения жрицы передавались философам, которые жили при оракуле и чьим долгом было интерпретировать предсказания и правильно применять их. Затем сообщения передавались поэтам, которые перелагали их

в оды и лирические стихи... придавая им изысканную форму и делая их доступными для публики». Культура Древней Греции была одержима демонами.

Свт. Иоанн Златоуст объяснял разницу между языческим прорицанием и ветхозаветным пророчеством: «В капищах идольских, когда кто бывает одержим нечистым духом и прорицал, то, как бы ведомый и связанный, был увлекаем духом и нисколько не сознавая того, что говорил. Гадателю свойственно быть в исступлении, терпеть принуждение и насилие, увлекаться и неистовствовать, как бесноватому. А пророк же не таков, он говорит все с трезвою душою и здравым рассудком, зная, что он говорит... Послушай Платона, который в апологии Сократа говорит так: «Прорицатели и гадатели говорят много и хорошо, но сами вовсе не знают того, о чем говорят»... Все это доказывает и принуждение, с каким бесы удерживаются и служат, и насилие, какое люди терпят, однажды предавшие себя им и лишаящиеся в это время здравого смысла. Но у нас не так. Пророки пророчествовали с рассудком и совершенно свободно. Они властны были говорить и не говорить: они не были принуждаемы, но вместе с честью сохраняли и волю. Поэтому и Иона убежал, поэтому и Иезекииль уклонялся, поэтому и Иеремия отрицался. Бог же не принуждал их насильно, не помрачая рассудка».

Итак, разница между пророком и пифией такова, как между святым духоносным старцем и пациентом доктора Кандинского. В последнем случае злыми санитарями являются бесы – окрутили «прорицателя» по рукам и ногам смирительной рубашкой собственной, подавляющей воли и ведут душу в пылающую палату для буйных.

С давних пор рогатые подселенцы создавали в мире людей своих «предвещателей». Навязчиво нашептывали им слова, в которых зерна истины замешивались на

«олимпийской амброзии» лжи. Сократу, например, его личный демон не только подсказывал «мысли, достойные потомства», он вел философа по жизни, как бы предохраняя от злого. В диалоге «Феаг» Платон передает слова своего учителя: «... дело в том, что, начиная с детства, что-то сопровождает меня... нечто демоническое. Это какой-то голос, когда он является, всегда дает мне знак удержаться от того, что я хочу делать, но никогда ни к чему меня не побуждает. И то же самое, когда кто-нибудь из моих друзей мне что-нибудь сообщает, и я слышу голос, он отклоняет от предприятия и не позволяет делать». Просто ангел-хранитель! Однако почему же он тащил Сократа по дороге пьянства? Почему заставил принять яд?

Стоит ли удивляться и следующим сюжетам! В «Слове против эллинистов» Татиан пишет, что Диоген хвалился своею жизнью в бочке, а умер от переедания. Аристип вел себя распутно. Гераклит гордился знанием и мистифицировал происхождение своих произведений, а умер, обложенный навозом, веря, что так он вылечится» [55].

Таким же был и поэт V века до Р. Х. Эмпедокл, о котором Татиан пишет: «Эмпедокл поскакал в вулкан Этну, думая, что он бог, который вознесется. Конечно, он сгорел».

Несчастный философ Сенека сначала стоически обосновал необходимость самоубийств (которые носили в Риме той эпохи характер эпидемии), затем же перерезал себе вены по приказу своего ученика императора Нерона. Последнего, кстати, к его неслыханным злодеяниям подталкивали являвшиеся ему жуткие сущности.

Нередко личности, подобные Нерону, утверждали, будто ведут свое происхождение от неземных существ или, во всяком случае, удостоены общения с ними. И тут возникает вопрос. Они говорили так потому, что таковы

были известные им мифы? Или, наоборот, мифы таковы, потому что подобное происходило на самом деле?

Вопрос сродни не такой уж простой детской задачке – что было сначала: курица или яйцо? Если мир не создан за шесть дней, если он оставлен на волю идущим от Бога «эманациям» и эволюции, то началось все с яйца, которому следовало доразвиться до курицы. Правда, неизвестно, кто бы высиживал его. (Оккультисты так и учат: с мирового яйца, дескать, началась Вселенная. И в индуизме: Брахма вылупился из яйца.) Но тогда получается, что совершенный Бог создал мир не совершенным?! Нет, что-то тут не так. И, в конце концов, разве Адам появился как эмбрион? Как младенец? Нет, Предание утверждает: первый человек был создан мужем в расцвете сил. Таким Бог сотворил все: и Вселенную возрастом в миллиарды лет, и курицу, готовую нести яйца. Так в очередной раз убеждаешься: точкой отсчета может быть только христианская традиция. Иначе – тупик, абсурд. Яйца учат курицу...

Так вот, возвращаясь к нашей теме. Поскольку контакты человека с «неземными сущностями» известны из Библии, то это и есть истина. Именно это, а отнюдь не игра ума мифотворцев всех веков. Все остальные (в том числе, психиатрическая) версии подобных феноменов не стоят выеденного яйца... Гораздо ближе к правде был ученый француз Габриэль Нодэ, который в XVII веке издал апологию всех знаменитостей, имевших «демоническое происхождение»).

Античные таинства и мистерии вобрали в себя море лжи архаичных культов и, в свою очередь, повлияли на всю дальнейшую культуру человечества. «Показателен тот факт, что таинства развили воображение, которое породило обширную философскую и духовную литературу, особенно в период поздней античности. Отождествление философии и посвящения стало лейтмотивом с начала возникновения пифагореизма и

платонизма. Даже обряды «майя» (maia = мать, кормилица, повитуха), с помощью которых Сократ пытался «родить» нового человека, имели свой прототип в обрядах посвящения первобытных обществ: они также «рожали» неофитов, то есть помогали им родиться к духовной жизни» [95].

«Во мне живет мохнатый злой жлоб...»

Почему же бесы помогли стать идолами именно этим гениям? Чтобы ответить, стоит напомнить о трансформации значения самого понятия – «гений». По Далю, слово происходит от латинского *genius* – бесплотный дух, дух-покровитель человека, добрый или злой. (Античные люди, по понятным причинам, различать духов не умели, потому и хитрый гений Сократа представлялся им «добрым». В восточном варианте гений – джинн, это уже ближе к истине.) Постепенно дух почти незаметно «растворяется» в свойствах человека. В. И. Даль пишет об еще одном значении слова «гений»: «Самобытный, творческий дар в человеке, высший творческий ум...» И, наконец, лукавый полностью «срастается» с одержимым грешником. Даль добавляет: гений – это и человек этих качеств и свойств.

Итак, каковы заслуги названных авторов перед inferнальным миром? Гёте сделал демона симпатичнее большинства людей и даже выдал ему грамоту: специальный агент Бога. Юнг «научно» обосновал пользу диалога со своим демоном. Одержимый Мопассан (о нем речь впереди) стал, по сути, провозвестником сексуальной революции. Поэты Серебряного века просто продали Бога за тридцать сребреников. Михаил Булгаков, среди прочего, воспел смерть, такую пугающую и одновременно влекущую. Еще один визионер, современный американский автор черной фантастики Говард Лавкрафт, усиленно готовил человечество к наглядной встрече с демоническим миром. Только мир это уже не гуманизированный, как у Булгакова, а запредельно-ужасный. Он писал, что раса прежних владельцев земли еще живет, ожидая своего

часа, в правом полушарии человеческого мозга... Оба родителя Лавкрафта умерли в сумасшедшем доме. Сам Лавкрафт, старый холостяк, писал свои кошмарные произведения по ночам... Характерно, что слово «кошмар» состоит из французского *caucher*, то есть «сдавливать», «обнимать», и староанглийского *mare* – этим словом обозначался демон-суккуб, садящийся по ночам на грудь, сдавливающий дыхание и вызывающий ужас, бешеное сердцебиение и слабость.

А Высоцкий? Его талант ведь, кроме всего прочего, впервые вынес блатную романтику и жлобство на большие аудитории. В те времена «развитого социализма» цеховики и начальники приисковых артелей еще не были назначены миллиардерами, еще не стали спонсорами, но с богемой уже общались. Перепив водки, передавали богатый жизненный опыт: «Понял я, что в милиции делала моя с первого взгляда любовь...» И сиротские слезы текли по мужественным щекам – сначала рассказчиков, а потом – слушателей Высоцкого. Автор вроде как иронизировал. Но – не без симпатии. Какой истерический характер носило поклонение ему! Теперь его знакомые пишут такие вещи: «С полной ответственностью за свои слова утверждаю, что Володя мог общаться с какими-то потусторонними силами, о которых знал только он» (Перевозчиков В. Правда смертного часа. М., 2000). И вот жутковатые слова самого Высоцкого. Они – все о том же:

Меня опять ударило в озноб,
Грохочет сердце, словно в бочке камень.
Во мне живет мохнатый злобный жлоб
С мозолистыми цепкими руками...
Он ждет, когда закончу свой виток,
Моей рукою выведет он строчку, –
И стану я расчетлив и жесток,

И всех продам – гуртом и в одиночку.

Кошмар! Цветаева называла это «атрофией совести». Однако каково стихотворное разоблачение беса! В нем «мохнатый гений» никак не был заинтересован. Эти строки могли быть написаны Высоцким только вопреки ему. Что ж, крещение и молитвы предков способны духовно помочь даже неверующему человеку.

И вот он стоит на Ваганьковском кладбище. Успел ли в «гости к Богу» на бронзовых конях? Над его головой – гитара. Словно нимб.

В подмене христианской духовности душевным неоязычеством каждый из названных авторов сыграл свою роль. И за это получил «бесовское красноречие». Ефрем Сирийский писал, что страшный змей влагает в нас мудрость побеждать словом тех, кто хочет нас исправить, и оттого грех умножается, не имея сопротивления себе.

Ко всем перечисленным литераторам, ученым относится сказанное святителем Григорием Паламой: безбожный ум становится демоноподобным. Человек бросается на приманки ада буквально очертя голову. Обуянный мрачной силой ум начинает темнеть, морочить окружающих. Это происходит, когда отсутствует молитва, особое состояние сознания. (Молитва ведь освящает знание. Просеивает его, оставляя лишь то, что действительно необходимо для спасения. А в противном случае, как говорил старец Паисий Афонский, если человек не пользуется умом сам, им пользуется диавол.) И вместо со-знания с Богом приходит со-знание с бесом. Только когда обращаешься за помощью к Господу, у тебя, по словам старца Силуана, «ум с умом борется». Твой ум – с куда более

изощренным умом того самого жлоба. Своими «мозолистыми цепкими руками» он цепляется за душу до последнего - но есть Сила, способная разжать его объятия.

И Горький поклонился...

После страшного, самоубийственного опыта Алексей Максимович, как и Гёте, вроде бы всячески сторонился мистики. Горький словно старался убедить Пешкова, что «черт» – это не реальное чудовище с мохнатыми лапами. Произнести слово на букву «ч» – все равно что чихнуть. На протяжении всей своей жизни писатель постоянно «чертыхался».

Конечно, он не верил, что само это слово тут же обращает внимание рогатого к тому, кто позвал его. Православные люди употребляют слово «бес». Но наш антигерой не был православным. Вот и получалось: Пешков поминал лукавого, а Горький хихикал про себя: да здесь я, здесь... Главная шутка дьявола, как известно, в том и состоит: доказать, будто его не существует.

«Понятие «черт» имело у Пешкова множество оттенков. Но чаще всего это были слова ласкательные. «Черти лысые», «черти драповые», «черти вы эдакие», «черт знает как здорово» – вот обычный способ употребления слово «черт» (Басинский П. Горький. М., 2006, с. 97).

Можно представить себе, как молодой писатель, оставшись один, достает иногда с полки спрятанный между книгами заветный портрет... Долго смотрит на него... Может быть, даже разговаривает с ним? О чем-то просит?

«Два ранних рассказа Горького называются «О черте» и «Еще о черте», в них черт является писателю. Рассказы носят, скорее всего, фельетонный характер, но названия их говорят за себя. Как и имя главного персонажа пьесы «На дне» Сатина (Сатана)...»

Пленивший Пешкова «фанатик знания» после смерти своего подопечного подшутил. Содержание черепной коробки «великого человека» было отправлено для изучения в Институт мозга. Да, мозг Пешкова все-таки «взрезали». Применили метод знаменитого профессора Вирхова. Наставляя студентов-медиков в своей «Технике вскрытия», принятой как учебник патологической анатомии по всем мире, Вирхов описал вскрытие головного мозга в поэтическом ключе – как операцию, которая превращает мозг в открытую книгу. Мозг (писал Вирхов) следует рассекать таким образом, чтобы «он напоминал книгу, страницы которой можно открыть то тут, то там или даже «перелистывать», а затем опять сложить. Пешков был «прочитан», и ничего особенного найдено в нем не было.

В одном из лучших своих произведений, книге «Заметки из дневника», Горький рассказывает (или выдумывает) о встрече с неким колдуном-горбуном, который представлял себе весь мир состоящим из чертей, как из атомов» (Острецов В. Массонство, культура и русская история. М., 1998, с. 98–99).

«Черти мерещились Горькому в последние годы жизни. Вячеслав Всеволодович Иванов, который тогда был мальчиком, вспоминает, что однажды послал с родителями Горькому свой рисунок: собачка на цепи. Горький принял ее за черта со связкой бубликов и очень похвалил рисунок.

Характерно, что от темы русской святости писатель бежал... как черт от ладана. А если и писал, то все православное выглядело у него отвратительно. Если поп – то обязательно нечесаный. Если диакон – то пьяница или дурак. А вот он описывает безымянного схимника: «Свет лампы падал теперь прямо на фигуру старика и его ложе. Оно было наполнено стружками – я понял происхождение шелеста – и к одежде подвижника

тоже кое-где пристали стружки; они лежали на ней как большие желтые черви на полуистлевшем трупе».

Собирался Горький написать и о преподобном Серафиме Саровском. Но так, как представлял его себе – «злым стариком» (Матвеева Т. Подпольный человек Алексей Пешков. М., 1995, с. 18).

«Все русские проповедники, за исключением Аввакума и, может быть, Тихона Задонского, – люди холодные, ибо верую живой и действенной не обладали....И вся философия, вся проповедь таких людей – милостыня, подаваемая ими со скрытой брезгливостью, и звучат под этой проповедью слова тоже нищие, жалобные: «Отстаньте! Любите Бога или ближнего и отстаньте! Проклинайте Бога, любите дальнего и – отстаньте! Оставьте меня, ибо я человек и вот – обречен смерти».

Восклицания эти, конечно, придуманы «фантазером». Что же касается святителя Тихона Задонского, то в реальной, а не придуманной жизни его слова могли бы быть полезны и самому певцу революции: «Ненавиди вражду, а не человека; истребляй ненависть его, которая любовь и терпением потребляется. Думай о нем не как о враге твоём, но помышляй, что он брат твой, создание Божие, человек, по образу Божию созданный, кровью Сына Божия искупленный, к тому же блаженству вечному позванный; диаволом подстрекаемый, а не сам собою гонит тебе; и так на того врага вину возлагай. Не рассуждай о том, что он тебе делает, но рассуждай о том, что тебе о нём должно делать, и что закон Христов велит, и как бы с ним помириться. Молись Тому, Который велел любить врагов, чтобы дал тебе духа любви и кротости – злобу природную побеждать».

Нет, гордый писатель, окруженный сонмом позванных им бесов, вину возлагал отнюдь не на их козни. А людей он не любил! Так и писал: «Люди мне

противны»... Возникает вопрос: не Алексей ли Максимович придумал название клеветнической книги «Святой черт»? «Мне кажется, – писал он в марте 1917 года относительно замысла этой работы, – более того, я уверен, книга Илиодора о Распутине была бы весьма своевременна, необходима, что она может принести многим людям несомненную пользу. Я очень настаивал бы... – чтобы Илиодор написал эту книгу. Устроить ее за границей я берусь». (Я бы не удивился, если было бы доказано, что именно Горький, завсегдафай фешенебельного ресторана «Вилла Родэ» в Петербурге, придумал сюжет бесчинств «Распутина» именно в этом сомнительном заведении).

Известно, что компания против Распутина и Царской Семьи велась во исполнение решений масонского съезда в Брюсселе. Участие Горького в этом проекте «окультурного воздействия на общество» заставляет нас вернуться к теме масонства.

Среди портретов Горького есть один, особенный. Его написал известный в свое время живописец Борис Григорьев. Правая рука Алексея Максимовича «поднята под углом, почти как в пионерском приветствии, а левая поддерживает правый локоть. Г. Бостунич, один из авторов русского патриотического зарубежья... во втором издании своей известной книги о масонстве приводит этот портрет рядом с фотографией скульптурной фигуры строителя с топором на соборе Св. Стефана в Вене, изображающего мастера в масонской ложе. Бостунич пишет: «Положение его рук, совершенно необычное в жизни, но весьма обычное в масонском ритуале, само за себя свидетельствует...»

Что ж, в документах Департамента полиции, извлеченных из архива исследователем О. Платоновым, есть одна аналитическая записка, которая может нас заинтересовать. Ее автор – Л. Ратаев, и называется она «Международный парламентский союз». В ней – список

известных русских масонов, в котором фигурирует и М. Горький.

Он же – в списке «вольных каменщиков» начала 30-х годов. Перечень опубликован в работе Н. Степанова «Масонство в русской эмиграции (к 1 января 1932 года)». Книга издана в Сан-Пауло в 1966 году.

Так что, учитывая присущую масонству антихристианскую мистическую подоплеку, связь с демоническим миром Горький не прерывал. Между прочим, существует и весьма радикальная версия его отношений с нечистой силой. Принадлежит она писателю-эмигранту И. Д. Сургучеву (1881–1956), который жил у Горького на Капри, но после революции изменил свое хорошее отношение к нему.

И здесь пора вспомнить «икону» румяного дьявола, подаренную мальчишке-Пешкову.

– А где же теперь эта вещица? – спросил Алексея Максимовича Сургучев.

– У меня, – ответил Горький, – я никогда не мог с ней расстаться. Даже в Петропавловской крепости портрет вместе со мной был. Все вещи отобрали, а его оставили. Приходите завтра ко мне в кабинет: я вам его покажу.

Горький нанимал небольшую усадобку-цветничок, на которой было построено, на живую нитку, два маленьких дома. В одном он жил сам, а в другом была столовая, кухня и комната для гостей. Кабинетом ему служила большая, во весь этаж, комната, в которую посетители приглашались редко и разве только по особо важным делам. Я подолгу жила у него, но в кабинете был только два раза. Святилище.

На этот раз я был приглашен, и Марья Федоровна, работавшая на машинке у лестницы, сначала было воспрепятствовала моему восхождению, но когда узнала о приглашении – пропустила.

Большая комната; продолговатое окно с зеркальным стеклом на море. Библиотека. Витрина с редкостями,

которые Горький собирает для нижегородского музея. Стол – алтарь.

Я пришел в полдень, перед завтраком. Горький работал с утра, лицо у него было утомленное, глаза помутневшие, «выдоенные». Он знал, что я пришел смотреть диавола, и показывал мне его, видимо, не с легким сердцем.

Диавол был запрятан между книгами, но Горький четко знал его место и достал дощечку моментально. И он, и я – мы оба, неизвестно почему, испытывали какое-то непонятное волнение.

Наконец диавол в моих руках, и я вижу, что человек, писавший его, был человеком талантливым. Что-то было в нем от черта из «Ночи под Рождество», но было что-то и другое, и это «что-то» трудно себе сразу уяснить. Словно в нем была ртуть, и при повороте света он, казалось, то шевелился, то улыбался, то прищуривал глаз. Он с какой-то жадностью, через мои глаза, впитывается в мой мозг, завладев в мозгу каким-то местом, чтобы никогда из него не уйти. И я почувствовал, что тут без святой воды не обойтись и что нужно в первую же свободную минуту сбегать в собор, хоть и католический.

– Нравится? – спросил Горький, неустанно следивший за моими впечатлениями.

– Чрезвычайно, – ответил я.

– Вот тебе и Россиюшка-матушка, обдери мою коровушку. Хотите, подарю?

И тут я почувствовал, что меня будто кипятком обдало.

– Что вы, что вы, Алексей Максимович? – залепетал я. – Лишить вас такой вещи? Ни за что, ни за что, – лепетал я, – да потом, признаться, я его побаиваюсь...

Горький, казалось, добрался до моих сокровенных мыслей, засмеялся и сказал:

– Да, он страшноватый, Черт Иванович.

Горький опять запрятал его между книгами, и мы вышли завтракать. Но мне казалось, что это – не дом, и не крыша, а мост, и что я сижу под мостом и ем не баранье жиго, и что передо мной сидит старая ведьма, притворившаяся красавицей Марьей Федоровной с недобрыми, тонкими, по-жабьи поджатыми губами.

...Я знаю, что многие будут смеяться над моей наивностью, но я все-таки теперь скажу, что путь Горького был страшен: как Христа в пустыне, диавол возвел его на высокую гору и показал ему все царства земные и сказал: «Поклонись!»

И Горький поклонился. И ему, среднему, в общем, писателю, был дан успех, которого не знали при жизни своей ни Пушкин, ни Гоголь, ни Лев Толстой, ни Достоевский. У него было все: и слава, и деньги, и женская лукавая любовь. И этим путем наслаждения он твердой поступью шел к чаше с цикутой, которую приготовил ему опытный аптекарь Ягода.

Начальники Чрезвычайной Комиссии не любят фотографироваться, но все-таки однажды я увидел портрет Ягоды. И тут вы, пожалуй, будете менее смеяться. Ягода как две капли воды был похож на диавола, пророчески нарисованного талантливым богомазом»...

Ягода по обвинению в отравлении великого пролетарского писателя и его сына, а также в других преступлениях будет расстрелян в Лубянской тюрьме НКВД. Отдельно от прочих обвиняемых. Документов о месте его захоронения не сохранится... Был человек – и нет его. Впрочем, был ли мальчик? Или это краснощекий демон коммунизма восстал из преисподней, сделал свое дело и сгинул?!

А портрет... Он мог быть вывезен в Лондон приставленной к Горькому Марией Игнатьевной Будберг. А если нет, то хранится в горьковских архивах или

музейных запасниках. Знатоки биографии Алексея Максимовича, подтвердите, так ли это?

Слово на букву «ч»

«Черт с ним! - загремел блондин. - Черт с ним. Машинистки, гей! Он махнул рукой, стена перед глазами Короткова распалась, и тридцать машин на столах, звякнув звоночками, заиграли фокстрот»... Не могу сдержаться в последнее время. Вздрагиваю от этой цитаты из булгаковской «Дьяволиады»...

Постоянное чертыхание было характерно и для Маяковского. Причем, не только в обыденной жизни. В поэме «Хорошо!», посвященной Октябрьскому перевороту, рогатый поминается едва ли не через страницу. Поэт неосознанно выразил незримую реальность: бесы как будто действительно толпами вылезли на улицы революционного Петрограда. Георгий Свиридов считал, что М. Булгаков вывел Маяковского в своем знаменитом романе под именем Богохульский. Композитор удивительно тонко чувствовал духовную подоплеку такого творчества: «Это искусство - тесно сращенное с государственной деспотией. Но представители его, однако, держат кукиш в кармане, ибо имеют и другого хозяина (самого главного)» (Свиридов Г. Музыка как судьба, с. 193).

Характерно, что кроме Горького, который произнес вступительное слово, именно Маяковскому было доверено представить писательскую когорту на Втором Всесоюзном съезде Союза воинствующих безбожников летом 1929 года. В заключение своего выступления он сказал: «Товарищи, обычно дореволюционные ихние собрания и съезды кончались призывом «с богом», - сегодня съезд кончится словами «на бога». Вот лозунг сегодняшнего писателя».

Да, даже такому картонному (по выражению Георгия Свиридова) материалисту, как Маяковский, от адских

спутников – никуда. И, зная о страшном конце поэта, начинаешь понимать, что слово на букву «ч» в его поэме «Хорошо» не случайно постоянно выскакивает как из табакерки. Оно вырастает из фигуры речи, из эмоционального звука в обозначение реальной свиты несчастного, сочащегося инфернальной злобой, человека.

А знаете, как и когда слово на букву «ч», которого тщательно избегали наши благочестивые предки, широко вошло в русскую речь? Было «экспортировано» из малороссийской языковой среды Гоголем. «Все гоголевские обороты, выражения, – вспоминал В. В. Стасов, – быстро вошли во всеобщее употребление. Даже любимые гоголевские восклицания: «чорт возьми», «к чорту», «чорт вас знает» и множество других, вдруг сделались в таком ходу, в каком никогда до тех пор не бывали. Вся молодежь пошла говорить гоголевским языком».

Исследователь Владимир Глянц задается вопросом: «Почему именно молодежь кинулась чертыхаться? Разве она не имела того же, что и у старших, языкового инстинкта и навыка? Разумеется, имела. Но против него-то она и восставала, чувствуя, что тут можно более или менее безнаказанно показать кукиш нормативному благочестию и предъявить миру свое «свободомыслие»... Существенно, что после происшедшего с Гоголем в 1840 г. религиозного переворота в его прозе все реже встречается слово «черт». Да, писатель, столь ярко написавший в своем «Портрете» о проникновении беса в самое вдохновение художника, не мог не понимать, что каждое упоминание нечистого – это его вольный или невольный призыв. Николай Васильевич жаждал иной поддержки. Он даже молитву составил, в которой связал плоды своего творчества с силой Господней...

Отдел логофобии

Между прочим, очевидную забесовленность Маяковского можно напрямую связать с его особым даром придумывать неологизмы. Слова эти ему словно кто-то подсказывал. А ведь обновление языка – вещь небезобидная. Послереволюционный новояз и явно имеющие каббалистическое происхождение, аббревиатуры в основном русском языке были преодолены. Но – не мытьем – так катанием: теперь постепенно в каждый язык вползают англообразные словечки и ненужные термины, которые вытесняют родные слова. Люди, начинающие говорить на таком международном псевдо-языке, скоро будут понимать друг друга без всякого эсперанто. И образуют псевдо-народ, готовый встретить искусственно выведенного псевдо-спасителя.

...Представьте себе специальные команды, которые имеют право ворваться в любую квартиру, где есть книги. Представьте поисковые компьютерные центры, которые «прочесывают» Интернет. Они ищут незаконные тексты. Запрещенные книги. Говорят, что в одной библиотеке недавно – нашли. Куда их? В спецхран? Нет, никаких спецхранов больше не будет – найденные тома приказано уничтожить на месте.

О чем речь? Что за социальная фантазия? Погодите. Обо всем речь по порядку...

Сумароков еще в XVIII веке (тогда на Россию шла мощная волна иностранщины) предостерегал: «Восприятие чужих слов, а особливо без необходимости, есть не обогащение, но порча языка». Понятие «порча» в данном контексте может восприниматься двояко – и как неприятное засорение, и как бесовское наваждение. Кто же насылает на язык порчу?

В рассказах Любиса про Баламута старый умудренный бес пишет своему младшему «товарищу» о филологическом отделе, который исправно трудится в аду. Там придумывают, например, слова-заклинания вроде слова «демократия». Да, на каждом шагу видны результаты его деятельности. Только название «филологический» этому inferнальному подразделению явно не подходит. Не любовь к слову движет им. Он обуян страхом и ненавистью. Итак, несколько слов о работе «отдела логофобии» в мире людей.

Афонский монах Афанасий пишет: «Имя должно наиболее точно, полно и образно выражать сущность означаемого явления, лица или предмета, давать о нем представление и определять у людей соответствующе к нему отношение. Таковыми были имена, данные Адамом в раю Божиим тварям. Сатана же, лжемудрствуя все в подвластном ему мире, стремится к обратному – ввести человека в заблуждение. Он или пытается словам, обозначающим грех или человеческие страсти, придать другие значения (например, обаяние, очарование – изначально колдовство, а сейчас – располагающее к себе поведение; прелесть – когда-то заблуждение, сейчас – чуть ли не красота и т. д.). Или дать проявлениям греха и категориям грешников новые имена, что позволяет избегать устоявшегося негативного отношения к ним большинства людей».

Корни – вот что уничтожает «отдел логофобии». Выращенный на искусственном грунте народ-язык не должен соприкасаться с живой исторической почвой. С. Кара-Мурза пишет: «Из науки в идеологию, а затем и в обыденный язык переели в огромном количестве слова-«амебы», прозрачные, не связанные с контекстом реальной жизни. Они... могут быть вставлены практически в любой контекст, сфера их применимости исключительно широка (возьмите, например, слово

«прогресс»). Эти слова, как бы не имеющие корней, не связанные с вещами».

Пустота inferнального мира проецируется в сферу языка.

Термины термитами подтачивают корнеслов. С. Кара-Мурза обращает внимание на то, что в СМИ слово руководитель стремительно вытесняется словом лидер: «Это слово (руководитель. - Ю.В.) исторически возникло для обозначения человека, который олицетворяет коллективную волю, создан этой волей. Слово лидер возникло из философии конкуренции. Лидер персонифицирует индивидуализм предпринимателя».

Каждый крупный общественный сдвиг ускоряет этногенез и усиливает словотворчество. Прежде русский человек называл злодея определенного рода душегубом - преступник ведь сам губит свою душу. Советский человек выражался уже нейтрально - убил кого-то, значит - убийца. Россиянина научили слову киллер. Для русского уха оно звучит, как название уважаемой профессии и никак не напоминает ни о смерти, ни о душе. Так же блудница превратилась в (профессиональную) проститутку, затем в (романтическую) путану.

После революции 1917 года русских людей буквально атаковал новояз. Словно в «Роковых яйцах» жуткими анакондами поползли кабалистические аббревиатуры. Гении неологизмов - маяковские и прочие маньяковские тоже немало помогали создавать новый народ...

Чего хотели и чего добиваются рогатые лингвисты? Чтобы язык связывал сознание народа не с Богом, а с адом. Не с Истиной, а с ложью. Человек ведь видит мир с помощью слов. Замечательный языковед адмирал А. С. Шишков писал: «Когда мы с богатым языком своим, имея премножество слов, сделаем их от невникания в

коренной смысл пустыми, брошенными звуками и станем заимствовать слова из языков чужих... то из каких бы мы ни стали черпать источников, ничего не почерпнем, и все, как через решето, прольется прежде, чем мы поднесем ко рту».

Когда язык превращается в «пустые звуки» – это не пустяк. Действительно, звуки – это только плоть языка, а есть у него и дух, соединенный с языком разум. Когда иссякает дух, тогда человек оглушается.

Называть вещи своими именами может только православный человек, так как Церковь свята, как и Адам до своего грехопадения.

Вот, например, что касается материнства, моды на женское худосочие и связанного с ним патологического развития плода. Длинную тощую женщину с узкими бедрами, которую теперь именуют «фотомodelью», традиционно называли худосочной. Действительно, если такая бедолажка и рождает ребенка, то питает его своими «худыми», болезненными соками.

Слово «тощий» тоже говорит о многом. Оно родственно слову «тщетный» – напрасный, бесполезный. А архетипическое «кощей» и вовсе происходит о славянского «кощный», то есть адский. Священный греческий язык столь же выразителен. Слово «патология», например, происходит от «патос», что означает «страсти». Больной ребенок – плод родительского греха. Такого понимания и боятся респектабельные кощеи – пропагандисты гламурной жизни. Вот вам и «патос»... Монахи-святогорцы, кстати, не раз обращали внимание на то, что постоянные реформы греческого языка призваны к тому, чтобы новое поколение не понимало языка Святых Отцов.

Во время воцарения антихриста этимология будет одной из наиболее запрещенных наук. Она скрывает то, что диавол хотел бы скрыть. Взять то же «очарование». Оно ведь одного корня со словом «порча». В свою

очередь, порча на греческом языке означает «лишаться ума, страдать последствиями отравы, чародейства, волшебного напитка»...

И вот взгляд в будущее: сотрудники «отдела логофобии», вышедшего на поверхность, рыщут. Уничтожают этимологические словари и соответствующие файлы в компьютерах.

Сердце зверя

Революция, свидетелем и жертвой которой был Булгаков, действительн о просторам вирусы бес-памятства, бес-порядка, бес-человечности.

На эту, весьма символическую деталь реформы русского языка 1917 года обращает внимание исследователь Георгий Емельяненко. Действительно, перед сотнями русских слов «бес» стал как пристав, как надзиратель за тем, чтобы корневое значение было перевернуто. В книге «Услышьте славяне все Слово» Г. Емельяненко пишет: «Было в нашем языке одно-единственное слово ругательное – бѣсъ. И стояло оно, как будто на лобном месте, – издалека заметно. И отличалось от всех, и узнавалось легко, как признак врага – духа злобы. Благодаря церковно-славянскому правописанию, бѣсъ имел свое первородное имя, паспорт и прописку преисподней. Поэтому народ твердо знал о его существовании, встречался по жизни со следами лукавого, сочинял о нем в ночь перед Рождеством, опасался его козней... Когда вытворилась буквально провальная перестройка великого языка, бесы-буквоеды уничтожили две древние буквы в слове – имени своем. Одну – ять – подменили, другую – ер – стерли. Нутро обновили, а хвост обрезали. Причесали его, очеловечили, гуманизировали, да прямо – из грязи в князи. Так путем неестественного отбора и расплодилось племя бесподобных...

Введя в язык новописанного беса, буквоеды культурно отвели от него древний корешок узнавания его первородного имени и привили к новой приставке бес, которую вместо родной приставки без ввели повсеместно – во всех соответствующих словах языка».

Действительно, вдумайтесь в эти слова-оборотни. Бес-перспективный, бес-толковый, бес-полезный... Они кажутся отрицательными, однако издевательски скрывают в своем звучании похвалу рогатым...

Козырнув бесам в кожаных куртках, революционные матросы в бескозырьках изымали в типографиях буквы, которые стали считаться лишними. Бесплезным было признано связующее с Богом наследие Кирилла и Мефодия. Сама осмысленная азбука (аз буки веди) заблеяла по-козлиному: а-бэ-вэ...

Словно разносчики красной инфекции пронесли по киноэкранам Советской России беззаветные, бесстрашные «Красные дьяволята».

«Лучшие» из них – не киношные, а настоящие – получили на свои бес-чувственные сердца перевернутые пентаграммы, ордена Красного Знамени.

Был распилен череп бес-смертного вождя, и его усохшее содержимое стало основой будущего Пантеона «гениальных мозгов».

Бес-партийный профессор Юдин отсосал через трубочку порцию трупной крови, чтобы перелить бес-сознательному больному.

Незаметно для себя, ежечасно призывая беса, ученые работали «как одержимые». Они даже попытались скрестить человека с обезьяной. Не получилось. Зато души миллионов людей успешно «скрещивались» с некими невидимыми сущностями.

Жизнь шла без Бога и «жить становилось все лучше». Агитаторы трудились вовсю... «Агитатор» – от латинского «погонщик». Бес-смысленное стадо двигалось все ближе к пропасти...

Бывший врач Булгаков с симпатией описал некоторых современных ему бес-подобных ученых: Персикова, Преображенского. Знал он и о реальных опытах по омоложению человеческого организма. Ими и стареющий Горький интересовался. Казалось, еще чуть-

чуть и будет найден эликсир бессмертия. Казалось, невозможное может стать возможным. Таков был пафос времени, сказавшийся и в произведениях Михаила Афанасьевича. Еще бы: после того как кучка никому не известных заговорщиков с какой-то незримой помощью взяла власть в гигантской и могучей империи, стало ясно: немыслимое может произойти в любой сфере человеческой деятельности. Это стало фоном для невероятных прежде гипотез, теорий и открытий в науке.

Надо отдать должное: Булгаков оказался провидцем некоторых из них. Причем, открытий, имеющих небезобидный смысл. Во всяком случае, «собачье сердце» воспринимается теперь не просто как актуальная для Михаила Афанасьевича социальная сатира, но и как поистине апокалиптическое предчувствие...

В конце сороковых, уже после смерти писателя, в Советском Союзе начались бес-примерные эксперименты. В их реальность трудно поверить. Однако вот документальные кинокадры.

Собака, не придуманный Шарик, а самое настоящее животное, – с двумя головами! – ковыляет по двору, наконец, подбегает к миске и начинает жрать в две глотки. Рядом, среди людей в белых халатах, – руководитель опытов по трансплантации Владимир Петрович Демихов. Идет 1947 год.

Но наука еще не умела бороться с отторжением чужеродных тканей. Опыты оказались бесперспективными. Перспективу бес откроет позже.

Бог создал человека без запчастей, но тот решил и здесь усовершенствовать божественное творение. Наконец техника трансплантации была отработана. Проблема отторжений практически решена. И тут начался один весьма темный процесс... Однако нет ничего тайного, что не стало бы явным.

Механизмы получения доноров стали предметом сенсационных публикаций. Они таковы. Бес-пощадное похищение людей; бес-совестная покупка младенцев у бедняков; бес-контрольное использование жертв автокатастроф, военнопленных, пациентов домов для душевнобольных.

Постепенно эти процессы в странах третьего мира попали-таки под контроль. Но к тому времени сложилась еще одна – колоссальная – «зона нестабильности».

Пост-перестройка возбужденно зашелестела статьями о правах человека и долларовыми купюрами. Что тут началось! О готовности поставлять органы за рубеж официально заявили десятки организаций, зачастую к медицине отношения не имеющие. Нашлись деграданты, готовые «загнать» на запчасти собственных детей. Достоянием прессы стал случай, когда мальчика Андрейку продавала родная бабушка.

В угоду прибыльному бизнесу была подстроена юридическая база. Закон о трансплантации не требует согласия родственников умершего на изъятие у него органов и тканей. А является ли пациент умершим или даже умирающим? И не может ли быть так: человек ждет помощи медиков, а те уже определяют его как «труп с бьющимся сердцем» (феномен смерти мозга)?

Почти всякая идея рождается сейчас во оправдание греха. Юридическая база – это что! Для трансплантации придумали даже квази-богословие. Стали говорить: использование мертвых тел сродни, дескать, подвигу Христа (!): смертью смерть поправ.

Шло время, и, несмотря на многочисленные ухищрения трансплантологов, дефицит «запчастей» для человека продолжал нарастать. Новая надежда на его устранение возникла неожиданно. Как возникла? Почти как у Гоголя: «И тут в окне появилось ужасное свиное рыло»...

Помните кадр из знаменитого фильма «О, счастливчик!» Попавший в засекреченную клинику, главный герой сдергивает простыню с лежащего на кровати человека, а у него – о, ужас! – огромное, все в шерсти, свиное тело... Страшно и грубо. Дьявол действует потоньше.

...Розовые свиньи хрюкали в загоне. Можно было подумать, что по телевизору идет обычный видеоматериал на сельскохозяйственную тему. Однако текст вызвал недоумение. И сам корреспондент как-то нервно посмеивался. Видимо, до конца не понимал, как нужно рассказывать о том, что он только что узнал. Речь шла о вживлении человеческих генов животным. Этот телерепортаж, показанный несколько лет назад, оставлял все же впечатление какого-то неудачного розыгрыша... Но, оказалось, тут не до шуток.

Только теперь стало ясно: волей случая репортер стал свидетелем опытов, которые не принято афишировать. Лишь недавно сведения о них промелькнули в прессе.

Сначала заговорили о так называемых трансгенных животных. Оказалось, эксперименты по межвидовой пересадке генов проводятся в Биотехцентре Российской академии сельскохозяйственных наук. Находится он в Горках Ленинских под Москвой. Ученые Биотехцентра содержат и целое стадо трансгенных овец в саратовском племхозе «Трудовое». Благодаря подсадке генов других животных в их молоке содержится столь ценное для медицины вещество, что литр стоит 15 долларов.

Но все это – пройденный этап. Теперь речь зашла о практике пересадки в эмбрионы животных человеческих клеток. Считается, что «гуманизированные» таким образом сердце или печень свиньи вполне сможет подойти для пересадки каждому из нас.

Опьяненная этой мечтой, ксенотрансплантология повела себя бес-шабашно. Схватившись за длинные уши, она ловко оседлала ни о чем не подозревавшую хрюшу. И помчалась, полетела на визжащем животном на все новые и новые научные конференции. Как на сатанинский бал.

«Надо вырастить таких свиней, – заявлял главный трансплантолог страны академик В. Шумаков, – чтобы два гена у них были человеческие. По своему генотипу созданное животное будет как раз промежуточным между свиньей и человеком».

Академик подчеркивает, что именно свиньи по ряду биологических показателей наиболее близки к homo sapiens. И что вопрос всего лишь в финансировании. А результат – первые пересадки органов свиньи человеку – может быть получен через несколько лет.

И вот уже пресса ликует: «Компания «PPL Therapeutics» объявила, что ее специалистам удалось клонировать свинью, клетки которой не будут отторгаться организмом человека, сообщает Би-би-си ньюс. Пять клонированных поросят женского пола появились на свет 25 декабря 2001 года в США».

...Еще древнего историка Иосифа Флавия удивляла буквальная точность прозрений ветхозаветного пророка Даниила. Как не поразиться и нам: тысячелетия назад боговдохновенный Даниил сказал о людском племени будущего: «Сердце человеческое отнимется от него и дастся ему сердце звериное» (Дан. 4: 13).

Итак, свинолюди. Казалось бы, вполне перспективная вещь. Это с точки зрения плоско-рациональной. Но у проблемы существует и глубинная, метафизическая подоплека.

Как известно, Господь изгнал бесов, мучивших человека, в стадо свиней. Теперь, дав людям «сердце звериное», ученые пытаются сделать нечто прямо противоположное.

И это – не просто игра слов.

Прислушаемся для начала к предостережению, сделанному в английской прессе: «Пересадка людям органов животных способна вызвать появление новых, исключительно опасных заболеваний. К такому выводу пришла группа британских ученых, которая изучала по поручению правительства возможные последствия пересадки человеку сердца свиньи.

Специалистами из научно-исследовательского центра в северном Лондоне были обнаружены два типа вируса в организме свиньи, способные проникать в человеческие клетки и вызывать болезни».

На опасность появления неизвестных раньше межвидовых заболеваний обращают внимание и эксперты Парламентской ассамблеи Совета Европы. Документ, специально посвященный опасности ксенотрансплантации (межвидовые пересадки органов), датирован 24 марта 1998 года. В нем сообщалось, что в ближайшие 10–15 лет бизнес в этой сфере может вовлечь в свой оборот до 15 миллиардов евро. А если выбрасывают такие деньги, говорить о морали и нравственности не приходится. Главная же опасность состоит в повторении ситуаций с болезнью Эбола. Этот вирус, как считают некоторые специалисты, вселился в человека именно в результате межвидовых манипуляций.

Ксено – значит «гостеприимная» трансплантация. Каким же гостям открывают двери ученые? Как видим, межвидовые эксперименты порождают у человека невиданные прежде болезни. Вместе с «сердцем звериным» все новые вирусы готовы вселиться в каждого из нас. Наподобие бесов. Увы, и это – не просто образное выражение.

Дело в сверхприродной сущности вирусов. Философ В. Тростников обратил внимание на следующие их признаки. Они не размножаются сами, а заставляют

воспроизводить себя живую клетку, «обманывая» ее. Обычные паразиты не заинтересованы в смерти хозяина, так как с нею теряется источник питания. Вирус же не может не убивать: условием его существования является отнятие не пищи, а самой жизни. Такая изощренная воля не может быть помещена в столь простеньком устройстве, как вирус. Следовательно, он является проекцией в материальный мир некоей идеальной сущности. Кто же – личностный, но бестелесный – наделен теми качествами, которые мы наблюдаем в действии ничтожно малого паразита? Бесполое, неспособное к размножению существо, пустое само по себе, гениальное во лжи и убийстве... Что же это за торжествующая бес-полезность? Описания полностью совпадают с характеристикой дьявола. Так что здесь мы имеем дело не с придуманной, а вполне реальной дьяволиадой.

Вот вам и бес-смысленный вирус!

Так какими же будут конечные результаты опытов по ксенотрансплантации? Спасенные жизни? Скорее, новые убийственные болезни!

«Если демоны свиней загнали в море, когда Христос дозволил им войти в них, то пощадят ли человеческое тело? – вопрошает святитель Иоанн Златоуст. – О, если бы они не убивали человека, если бы не строили козней! Они изгнали его из рая, лишили вышней почести: будут ли же врачевать его тело? Это насмешка и басни...

Ужели хочешь уврачевать тело, чтобы погубить душу?»

Готовы ли мы осознать такую опасность? Свиное стадо рядом. Бесы готовы вернуться.

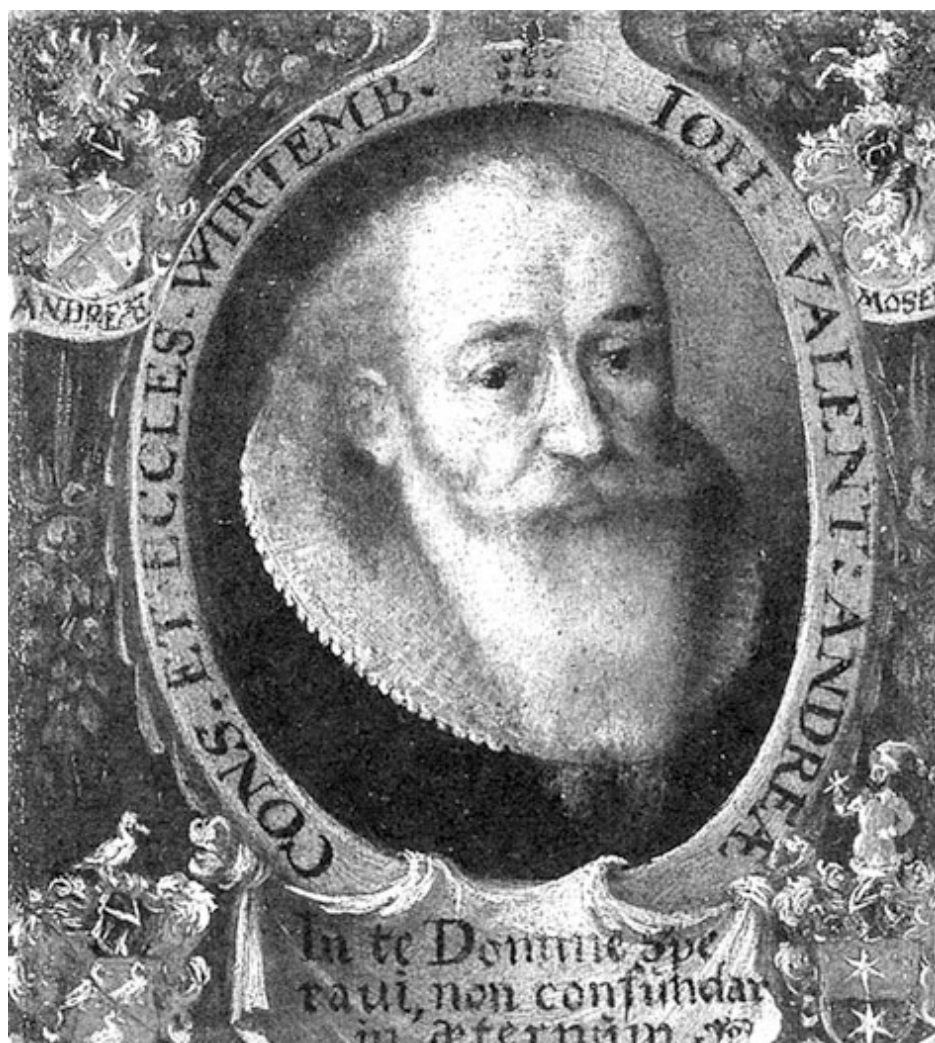
Юнг, Вотан и Филемон

Впрочем, вернемся к нашей главной теме. Подселение в человека «второго Я» – явление настолько распространенное, что диалог с ним стал уже психиатрической технологией.

Карл Юнг утверждал: когда сознание и подсознание объединяются, получается цельная личность, которая вступает в диалог со своим личным богом. Так наука XX века повторила старую оккультную доктрину: «высшим существом» является тот, кто способен на контакт с кем-то нечеловеческим. С кем можно вести диалог. Кто назван даже «личным». Как персональный компьютер.

Наиболее знаменитый манифест розенкрейцеров, «Химическая Женитьба», написанный Валентином Андрэа в 16 лет, растиражировал в свое время ту же самую идею. Современная масонская энциклопедия разъясняет: «В «Герметической Женитьбе» божественное и человеческое сознание соединяются в священном браке...» [89]. Только насчет «божественности» возникает сомнение: по сферам посвячительной мистерии героя названной работы водит некая девица с примечательным именем Вирго Люцифера...

Иоганн Валентин Андрэа

Яков Беме - сапожник, вошедший в историю без сапог

Да, психиатрию Юнг считал продолжательницей алхимии. И та и другая могут подарить адепту общение с «личным богом». Что же роднит эти дисциплины по сути? Неспособность человека решить поставленную задачу самостоятельно. Действительно, как произвести алхимическую «трансмутацию личности», то есть преобразить ее без участия Творца? А как вылечить без помощи Божией «психически» больного пациента? И тут, и там – проблемы духовные. А значит, под силу они лишь духу. Алхимики и призывали его. Но не Духа Святого, а кого-то другого.

Таким был, например, Никола Фламель. Крылатый «ангел» принес ему однажды зашифрованную книгу. На ее первой странице сияли позолотой заглавные буквы:

ИУДЕЙ АВРААМ, КНЯЗЬ, СВЯЩЕННИК, ЛЕВИТ, АСТРОЛОГ И ФИЛОСОФ ПРИВЕТСТВУЕТ ТЕХ ИЗ ПЛЕМЕНИ ИУДЕЕВ, КТО ГНЕВОМ ГОСПОДНИМ БЫЛ РАССЕЯН СРЕДИ ГАЛЛОВ. Затем следовали самые страшные проклятия в адрес того, кто осмелится взглянуть в эту инкунабулу, если он не посвященный и не писец... Из нее пытливый ум якобы и узнал тайны бессмертия, делания золота. Узнал тайну «философского камня», являющегося «totius fortitudines fortitudo fortis» – «силой, которая сильнее всякой силы».

В этом ряду духовных алхимиков – и Беме, и Сведенборг, и, конечно, химик, врач и каббалист Ван-Гельмонт. Он, кстати, уверял, что дух являлся ему во всех важных случаях жизни, и один раз, в 1633 году, он увидел даже свою собственную душу в форме блестящего кристалла».

Что же касается Юнга, то он откровенно признавался, что все его творения можно считать выполнением задания, которое «ставилось внутри». Их источником была «жизненная необходимость».

«Сознание и подсознание», уживавшиеся в психиатре, пытались даже богословствовать. И все – ради того, чтобы протолкнуть сатану в один ряд с Лицами Троицы. «Юнг думал, что христиане были правы, видя в божестве множественность, которую символически называли Троицей, но что они остановились на полпути, не включив в божество ни принцип зла, ни женский принцип. Сам Юнг, однако, в этом вопросе колебался – он предлагал Четверицу, но четвертая ипостась была у него то женским принципом, то Дьяволом. Предлагать Пятерицу он не решался, так как был знаком с гностиками и знал, что таким образом можно умножать божественные ипостаси до бесконечности» [66]. Плоды этого «богословия» говорят сами за себя. По Юнгу, например, сатана – это «блудный сын», который вернется к Отцу. Поджавши хвост? Или его ампутировать придется?

Почему же Господь попустил именно Юнгу стать таким «великим» пропагандистом наукообразного сатанизма? Собственных грехов несчастного Карла-Густава для этого не хватило бы. Чтобы, согласно алхимической терминологии, «выковать из трупа меч», постарался весь род. Дед Юнга по материнской линии общался с духами. Дед по отцу – являлся гроссмейстером всех масонов Швейцарии. У ученого была «демоническая мать, которая в своем экстатическом состоянии могла беседовать с духами и астральными телами». (Зарубежный экзорцист Крафт свидетельствует: «... многие люди современного общества часто не знают, что своими действиями они приглашают демонов, поскольку они духовно слепы из-за влияния, нашего западного мировосприятия. Например, лишь немногие из тех, кто связан с масонством, знают, какому риску они подвергают себя и свои семьи»).

И далее: «Вероятно оккультные демоны и демоны, которые переходят от родителей к детям, сильнее тех, кто цепляется за израненные чувства. Самая напряженная борьба у меня происходила с демонами масонства. Демоны, сознательно приглашенные человеком или проклятием получившие право на человека, бывают сильнее тех, которые получают доступ в результате некоторых происшествий». В результате «психофизическая трансформация», которая происходит с инициированным масоном, выливается в особые черты его характера.

В четыре года от рождения будущему психиатру приснился сон, который он впоследствии описывал вполне в стиле рассказов мрачного визионера Лавкрафта. Ребенок оказался в царстве тьмы, прошел по каменным ступеням в подземелье, где стоял роскошный золотой трон. «На трон опиралось нечто огромное, оно доходило почти до потолка. Вначале я подумал, что

это – ствол дерева... Но, присмотревшись, я понял, что это не может быть деревом, ведь все это странное образование было комом живого мяса, покрытого кожей, сверху оно венчалось чем-то вроде головы без лица и волос, только на самой макушке можно было рассмотреть один глаз, который неотступно смотрел вверх...»

Мысль о том, что это нечто, подобное «червяку в склепе», может броситься на него, обратила ребенка в панику... «Это сновидение преследовало меня много дней, – писал Юнг. – Гораздо позже я понял, что это был образ фаллоса, и прошли еще десятилетия, прежде чем я узнал, что это был ритуальный фаллос» (Юнг К. Г. Воспоминания, сны, размышления. Киев, 1994). Знаете, когда понял? Когда познакомился с Фрейдом.

Юнг (называвший себя потомком Гёте) восхищался фразой знаменитого писателя, смысл которой состоит в том, что психологическое лечение – это когда безумие допускается, дабы исцелить безумие. Его пациентом был страдавший от нападений «чертиков» идеолог русского символизма Эмиль Метнер. Считается, что он излечился... Но при этом, по воспоминаниям знакомых, стал «как мертвый». Таковым оставался даже на маскарадах в юнгианском Психологическом клубе Цюриха, куда являлся в костюме Мефистофеля. А ведь Юнг благословил его и самого работать в качестве психоаналитика. Впрочем, став какой-то нежитью, Метнер вскоре окончил свои дни в сумасшедшем доме. (Еще бы, Юнг писал, что в процессе психоанализа «бессознательное» врача и пациента тесно взаимодействуют. В данном случае оба индуцировали психоз, взаимно заряжались им). Юнг же, разговаривавший со своей сковородкой и прочей посудой, продолжал не только «лечить», но и философствовать.

А что же «ангелы»? Видения преследовали психиатра всю жизнь. В течение пяти лет он записывал их в особую «красную книгу». В итоге ему показалось, что, наконец, он научился контролировать «причуды своего мозга». Что нашел баланс между рациональным и иррациональным. Что, подобно легендарному герою, победил «дракона» раздвоения, шизофрении... Но это чудовище не обязательно двух-, а чаще всего – многоголовое: ему принадлежат и головы всех подселившихся бесов. Гордыни, блуда, сребролюбия... Неважно, какая из них схрумкала Юнга.

С большим уважением к Юнгу относилась психиатрия Третье рейха: «В его «подсознании» много живых форм, с которыми можно общаться как с живыми существами и которые в состоянии дать совет или предупредить, с которыми стараешься быть в хороших отношениях, чтобы они не «осердились». Психология Юнга демонична. Суть демона заключается в его названии. Исконная истина состоит в том, что дьявола можно разоружить и даже сделать из него слугу, если знать его имя».

Подобные фаустовские представления «арийский ученый» получил – вот дьявольская ирония! – из недр тайной еврейской науки, называемой каббалой. И уподобился какому-нибудь местечковому знахарю XVII–XVIII веков. «В то время было много таких «баал-шемов», или знахарей-каббалистов, которые лечили от разных болезней посредством заклинаний, нашептываний, амулетов (камей) и целительных трав» (Дубнов С. Краткая история евреев. М., 1996). Баал-шем означает «обладатель Имени». То есть этот человек узнает тайное имя бога иудеев и начинает совершать «чудеса»...

Юнг «вступал в диалог» с демоном по имени Филемон. Тот являлся ему в виде старика с крыльями и рогами быка. Такой контакт стал, конечно, результатом

накопления грехов, отступления от Христа многих поколений предков. Юнг писал: «Во мне сидел некий демон, и, в конечном счете, это определило все. Он пересилил меня, и если иногда я бывал безжалостен, то лишь потому, что находился в его власти».

Можно согласиться, что плодом философии Юнга явилась его двусмысленная позиция в годы нацизма. Юнг писал о Гитлере: «Он – словно человек, внимательно прислушивающийся к шепчущему голосу, что доносится из потаенного источника. И он действует в соответствии с этим голосом. В нас слишком много рационального, чтобы покоряться ему. Гитлер же слушает и подчиняется. Истинный лидер всегда ведом». Психиатр считал, что «бессознательное» по имени Вотан овладело Гитлером. Заставляло его кричать с трибуны, увлекая миллионы. Кстати, Юнг писал, что «Вотан демонстрирует не только свой беспокойный, бурный и неистовый характер, но и свою совершенно иную природу – экстатическую и пророческую».

Имя Вотан имеет один и тот же корень wut – со словами «неистовый», «исступленный», «одержимый». Бесноватый целитель писал, что видит в бесноватом фюрере своего потенциального пациента. «Но как же хотел он лечить больного вождя больной Германии: Слушайте, русские: «Юнг предлагал ему взяться за оружие, повернув его против России, что было бы «логичным лечением» для Гитлера и для его нации» (Юнгрен М. Русский Мефистофель. СПб., 2001).

А ведь лечить надо было их самих – от безбожия! Характерно мнение Юнга о Спасителе: «Для меня Господь Иисус совсем никогда не существовал реально, никогда не был полностью приемлемым, никогда не становился достойным любви».

Да, более реальным и более достойным любви для многих немцев вновь стал меняющий обличья Вотан, бог

грозы, огня, войны и одновременно – бог колдовства, шаманства и экстаза.

Ну и архетипом же был это «Вотан»!

Богатое воображение

Каким был гимназист Миша Булгаков? Писатель К. Г. Паустовский, учившийся вместе с ним, дал такой портрет будущего автора «Мастера и Маргариты»: «Булгаков был переполнен шутками, выдумками, мистификациями. Все это шло свободно, легко, возникало по любому поводу. В этом были удивительная щедрость, сила воображения, талант импровизатора... Существовал мир, и в этом мире существовало как одно из его звеньев - его творческое юношеское воображение».

К людям, имеющим творческую фантазию, у бесов - особое внимание.

«Воображение важнее знания», - изрек как-то Эйнштейн. И это не просто звонкая фраза, это - философия. Да и Ленин сказал однажды: «Фантазия есть качество величайшей ценности» (Заключительное Слово В. И. Ленина по докладу ЦК на XI съезде РКП (б)). Это было произнесено, кстати, весной 1922 года, когда мозг вождя был уже в таком состоянии, что сам он мыслить практически не мог. Так что, скорее всего, и здесь мы имеем дело с демонической диктовкой.

Виктор Гюго, в роду которого было полно сумасшедших, тоже был визионером и считал себя пророком новой религии, обладающим «волшебной силой» избранником, призванным вести человечество вперед. Понимая, что находится на грани сумасшествия, он писал нечто самоутешительное: «Этот сомнамбулизм - свойственен человеку. Некоторое предрасположение ума к безумию, недолгое или частичное, совсем не редкое явление... это вторжение в царство мрака не лишено опасности. У мечтательности есть жертвы - сумасшедшие. В глубинах души

случаются катастрофы... не забывайте правила: надо, чтобы мечтатель был сильнее мечты. Иначе ему грозит опасность».

Чего хотят бесы? Это ясно. Они желают возбудить грех. Мимолетным беззвучным шепотом навевают прилог, повторяют его без устали, и он «прикладывается» к нашим мыслям... А если он принят, не отогнан молитвой, именем Христовым; если лукавство не распознано? Тогда греховный намек превращается в помысел (как бы самого человека). Это уже второй, более громкий стук в душу. А дальше – дело воображения, художества отнюдь не безобидного. Получив тему, мечтания рисуют перед мысленным взором картины. Их достоверность зависит от развитости фантазии. (- Ах, наш мальчик такой фантазер! – Как это мило!).

От греховного помысла до греха действенного – один шаг. (- Наш мальчик, такой талантливый, вы же помните его – пропадает! – Какой кошмар!).

Эта технология освоена бесами в совершенстве. Но есть и другая. Зачем каждому человечешке опираться исключительно на свое скудное воображение?! Пусть накачивается плодами изощренной фантазии «мастера слова» – и вместе с ним, например, переживает все нюансы блудного томления. Пусть воочию видит созданное живописцем вожделенное тело. Пусть каждую клетку его плоти пронизывает созданный музыкантом эмоциональный фон – барабан бухает в ритме возбужденного сердца, из динамика несутся женские вздохи...

И все это бес-культуре должно распространяться максимальными тиражами!

Талантливо описанные греховные переживания, по сути, уподобляют человека бесам. А ведь лукавые, по словам святителя Игнатия, «не имея возможности совершать плотские грехи телесно, осуществляют их в

мечтаниях и ощущениях; они усвоили бесплотному естеству пороки, свойственные плоти: они развили в себе эти неестественные им пороки несравненно более, нежели сколько они могут быть развиты между людьми (святой Василий Великий называет падшего духа родителем страстных плотских слабостей)». Вот почему мечтание о грехе приравнивается к греху действия. Демоны заинтересованы, чтобы их «агент влияния» стал как можно более знаменит и влиятелен. Его превращают в идола. И мало кто понимает, что эти люди-кумиры, подобно идолам язычества, говорят чужими голосами.

Кто-то из старцев нашего времени назвал литературу коробкой просроченных конфет. В традиционном христианском обществе не было литературы как таковой. Было Священное Писание, летописи, жития святых... А литературы, насыщенной мечтаниями и умозаключениями поврежденного ума писателя, – не существовало. Да не только литература, но и все искусство – это Горгона, взгляд которой превращает жизнь в фантазии, которые окаменевают. Превращаются в тяжеловесные тома, статуи, киноленты и прочее.

«Мечтание (т. е. воображение, фантазирование) подвижниками не допускалось – они считали это дьявольским наветом... В образах, которые использует любой мечтатель, содержание и форма объединены, причем содержание не имеет той ясности, которую оно имеет в понятиях-словах. Это смешение содержания и формы может привести к смещению и сдвигу сознания (к прелести) – воображаемая реальность может быть принята за реальность подлинную, что, собственно, и происходит во лжи.

Воображение подвижники называли «свойством неразумных животных», т. е. относили само воображение к душевно-телесному уровню, которым

наделены и животные. «Воображение – способность формировать и удерживать образы – есть способность чернорабочая... самая низшая», – наставляет святитель Феофан Затворник».

«Бесы искушают мысленными мечтаниями и образами, проникают в сокровенную душу человека через фантазию и воображение, поэтому богоумудренные святые отцы Православия называли фантазию демоническим мостом в душе человека. Фантазия есть извращенное внутреннее чувство, явившееся результатом грехопадения, и в восстановленном, очищенном человеке, в Царстве Божиим ей не должно быть места. У Адама до грехопадения ум не имел фантазии, Адам видел и знал Бога; фантазия появилась только после преступления человека в раю.

И поэтому, как извращенное внутреннее чувство, фантазия сродни демонам и составляет часть демонского существа. Бесы принимают какой угодно мечтательный образ и посредством его уводят на путь лжи.

Только в молитве, при обращении к Богу ум освобождается от фантазии... [21-2, с. 264]. Хорошо сказано: Бога мы можем встретить везде, даже в аду. Только в одном месте Его нет – в том, которое мы себе представляем.

Само словосочетание – «богатое воображение» – этимологически нелепо. Богатство – от слова Бог. В старину в тех домах, где могли позволить себе много икон, имелось «много Бога». Если семья была достаточно зажиточна для приобретения образов, то это означало, что Господь посылал ей свои милости. Воображение же по определению не «богатое», а – разожженное. Как адское пламя.

Фантазия и фантазеры... «Циолковский, «безобидный» чудаков-ученый, писал о своем методе:

«Сначала неизбежно идут мысль, фантазия, сказка. За ними шествует научный расчет». Ленин, как мы помним, утверждал, что «фантазия есть качество величайшей ценности». Потом «сказка» о светлом будущем обрела научный расчет – в миллионах, десятках миллионов загубленных душ». [53, с. 372]. Герман Раушнинг свидетельствует, что Гитлер также прекрасно осознавал магию фантазирования: «Эти умники считают, будто наша задача – успокоить массу и содержать ее в тупой апатии... Только взбудораженная моими фантазиями, масса становится управляемой».

Уже в наше время футуролог Тоффлер отмечал важность фантастической литературы для прогнозирования будущего: «Научную фантастику считают низким жанром литературы и, может быть, она заслуживает этой оценки. Но если мы будем ее рассматривать как разновидность социологии будущего, а не как литературу, то научная фантастика возымеет огромную ценность в расширении границ ума для образования привычки предчувствия... Научная фантастика должна быть обязательным чтением на курсах обучения будущему» (Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997, с. 347). Однако произведения таких социальных фантастов, как Оруэлл или Хаксли показывают, что этот жанр не столько прогнозирует, сколько программирует общество будущего. Олдос Хаксли в 1962 году сам признался, что его «Прекрасный новый мир» является описанием реальных закулисных планов.

Так фантазии достигают силы причин.

«Вот и я!»

Но - вернемся к Михаилу Афанасьевичу. Кто же потеснил Азазеля в душе будущего «Мастера»?

«Его первая жена вспоминала, что в середине 20-х годов он часто изображал на листках бумаги Мефистофеля и раскрашивал цветными карандашами. Такой портрет, заменив собой икону, всегда висел над рабочим столом писателя». (Так и вспоминается удивительный до кажущейся неправдоподобности рассказ о Горьком и хранимой им дьявольской образине).

Опять Мефистофель (он же - Асиель). Ироничный, не очень даже страшный, умный и готовый понять талантливую человека! А главное, он ведь - со всем уважением к Богу. Даже заодно с Ним! Выполняет за Него грязную работу... Воланд, этот печальный остроумец, похож на того, гётевского. Только переоделся по моде. Не с петушиным же пером гулять ему по улицам сталинской Москвы?!

Слова Воланда «Вот и я!» точно совпадают с текстом выхода Мефистофеля в опере «Фауст» - это композитор Георгий Свиридов подметил. Кстати, это восклицание «Вот и я!» было одной из ранних версий названия романа.

В свите Воланда - подчиненный демон Азазелло-Азазель. Инфернальная иерархия была ведома Михаилу Афанасьевичу!

Андрей Кураев в книге ««Мастер и Маргарита»: за Христа или против?» размышляет о подоплеке появления Воланда в Москве. «Тут в государственной библиотеке обнаружены подлинные рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского (Герберт Орильякский) - это римский папа Сильвестр (999-1003).

Еще не будучи папой, он изучал у арабских ученых математику. Он был первым ученым, который познакомил европейцев с арабскими цифрами. Его подозревали в занятиях магией... фигура Сильвестра стала одним из прототипов легенды о докторе Фаусте. Легенда гласила, что Герберт уговорил дочь мавританского учителя, у которого он учился, похитить магическую книгу ее отца. С помощью этой книги он вызвал дьявола, а уж дьявол сделал его папой и всегда сопровождал его в образе черного лохматого пса. Герберту также приписывали искусство создания терафима - говорящей мертвой головы (ср. беседу Воланда с головой Берлиоза).

Как видим, Воланд прибыл в Москву для знакомства с рукописью одного из Фаустов. В подвалах дома Пашкова Воланд замечен не был. А вот с рукописью нового Фауста - Мастера - он и в самом деле познакомился...

Отношения Мастера с Воландом - это классические отношения человека-творца с демоном: человек свой талант отдает духу, а взамен получает от него дары...»

Интерес демона в такой сделке поясняет православная антропология: «Мы одни из всех тварей, кроме умной и логической сущности, имеем еще и чувственную. Чувственное же, соединенное с умом, создает многообразие наук и искусств и постижений... И все это дано людям. Ничего подобного никогда не бывает у ангелов». Так писал о происхождении человеческого таланта свт. Григорий Палама. Этот дар и тщится украсть бездарный диавол.

И вот через грехи очередного «Мастера» князю демонического мира, этому гордецу, попущено проникнуть в человеческую душу. Он врывается как смерч: «Вот и я!», и из клетки тут же выскакивают бесы помельче. Такие как Азазель. Вот вам и загадка исцеления от морфинизма.

Улет над гнездом кукушки

Итак, вернемся к нашей стержневой мысли: что поручали inferнальные кураторы своим подопечным писателям? Гёте создавал новый имидж дьявола. А заодно провоцировал первую в Европе эпидемию самоубийств молодежи. Горький объяснял всем, в какой ужасной стране они живут и заклинал демонического буревестника революции. Ницше объявлял широкой публике, что Бог умер, а значит теперь можно все... Когда Булгаков сделал себе первый укор раствора морфия, возможно, попутавший его бес рассчитывал на него как на будущего пропагандиста наркотической революции. Но Михаил Афанасьевич слишком увлекся. Не его эта тема оказалась. Ему будет дано иное задание. А воспевать наркотики станут другие.

Один из столпов психоделической революции Кен Кизи провозглашал: «Делай что хочешь!». Его роман «Пролетая над гнездом кукушки», рассказавший о психиатрическом терроре произвел на общество такое впечатление, что огромное количество полоумных людей были выпущены или лечебниц и оказались на улицах американских городов. В течение первых же месяцев каждый третий совершил насильственное преступление... Это не было ошибкой Кизи. Просто он был участником правительственной программы, посвященной управлению человеческим сознанием. Шок, связанный с наводнением городов полоумными людьми, был запрограммирован.

«Делай что хочешь!» Не многие знали, у кого был позаимствован лозунг...

Весенним днем 1904 года в Каире Алистер Кроули получил «откровение» от демона по имени Айваз. Он записывал, не помня себя. Автописьмо породило «Книгу

Законов». Ее первым постулатом было «Делай что хочешь, и пусть это будет твоими единственным законом». Теперь божество будет в самом человеке, а не вне его. Чтобы получить такого «бога» внутрь себя новый пророк рекомендовал сексуальные и кровавые ритуалы, наркотики, алкоголь. Рецепт верный: смертные грехи действительно открывают двери и впускают внутрь инфернальные силы.

Говоря современным языком, Кроули проводил эксперимент по созданию контркультуры. Вскоре такие опыты будут поставлены на научную основу. Для тиражирования все новых контркультур при поддержке таких умов как Герберт Уэллс, Бертран Рассел, Олдос Хаксли в Америке был создан Изаленский институт. Его девизом было все то же: «Делай что хочешь!»^[12]

В книге «Обратный кадр» Тимоти Лири описывает, с каким воодушевлением Хаксли принял данный проект: «Неожиданно хлопнув ладонями по своей костлявой ноге, – пишет Лири, – он воскликнул: «Да тебе и делать-то почти ничего не надо! Ты просто будь вдохновителем эволюции. Как я, как мой дед. Массовое лабораторное производство наркотиков, воздействующих на сознание, приведет к гигантским подвижкам в обществе. Это все равно произойдет, независимо от того, будем мы с тобой в этом участвовать или нет. Мы можем их только пропагандировать. А главное препятствие для эволюции, Тимоти, это Библия».

«Но разве в Библии осуждалось применение таких наркотиков? Что-то не припомню, – возразил Лири.

Хаксли ответил: «Тимоти, ты что, забыл с чего начинается Книга Бытия? Иегова говорит Адаму и Еве: «Я устроил для вас сей чудесный курорт к востоку от Эдема. Делайте что хотите, только не вкушайте плоды с Древа Познания».

Лири: «Ага, значит, то первые запретные вещества».

Хаксли: «Так точно! Библия начинается с запретов на употребление некоторых продуктов и наркотиков...» – к такому выводу подвел Лири эту глупейшую беседу англосаксонских интеллектуалов.

Знаменитый роман Хаксли «Прекрасный новый мир» был написан в 1927 году. Следовательно, план создания контркультуры, который он разрабатывал под руководством Уэллса и Рассела, был задуман задолго до Второй мировой войны. В обществе, описанном Хаксли, рабы вознаграждались гедонистскими удовольствиями. Они сводились к употреблению наркотиков, к телевизору с трехмерным изображением и специальными стимуляторами чувственности. Так выводилась особая порода людей, подобных пассивным тупым животным с непомерно развитыми низменными инстинктами. Хаксли активно продвигал наркотическую культуру в широкие слои населения. И при этом подмигивал сильному миру сего. Идея использовать повышающие внушаемость наркотики для правительственной пропаганды впервые была озвучена именно им: «Уже при жизни следующего поколения будет разработан фармакологический способ, чтобы заставить людей полюбить свое рабство и установить диктатуру, так сказать, без слез. Будет создано нечто вроде безболезненного концлагеря для целых сообществ, у людей, по сути, отнимут их свободы, но это им скорее понравится, потому что от мыслей о бунте их отвлекут пропагандой, промыванием мозгов. А может, промыванием мозгов, усиленным фармакологическими препаратами. И, похоже, это будет последняя революция».

В «семейном шкафу» Хаксли (который, кстати, тоже слышал голоса) был, конечно, не один скелет. Один дед (Гексли, главный пропагандист дарвинизма) чего стоит! Да еще и старший брат повесился... Из-за инфекционной болезни глаз в молодости Олдос практически полностью

ослеп. Через несколько лет зрение вернулось, но мир еще долго представлялся ему метафизически темным и враждебным. До того самого момента, как он принял мескалин. Видения поразили его «всполохами разноцветного огня...»

На волне психоделической революции самым знаменитым стал ЛСД, который даже называли «божественной сущностью». Он инфернально-трудноуловим. Не имеет ни цвета, ни вкуса, ни запаха. ЛСД – производное эрготамина, который получается из грибка, паразитирующего на ржи. Известно много случаев, когда эрготамин заражал ржаной хлеб, вызывая умопомешательство у целых селений. Поэтому его прозвали «дьявольским огнем».

Итак, человеческая воля извлекает некую частицу из химического состава паразита. «Частицы» эти человек добровольно накапливает в себе, а, накапливая, способствует воплощению зла в собственном теле. И медленно тает – растворяется, становится небытием. Так пишет известный врач Александр Данилин.

Кстати, появление на свет ЛДС было каким-то странным.

...Надев белый халат Альберт Хофман приготовился к рутинной манипуляции. Обезболивающее вещество, синтезированное пять лет назад, сегодня предстояло ввести крысам. Он снял с полки бутылочку, отвинтил крышку... Что такое! Рука дрогнула. Как будто кто-то толкнул его. Бесцветный порошок просыпался на тыльную сторону ладони. На глазах озадаченного исследователя вещество тут же всосалось кожу. Прямо как стародавняя ведьминская мазь! Впрочем, долой мистику! На дворе 1943 год. И мы – в цивилизованной Швейцарии. В лаборатории уважаемой фирмы «Сандоз».

Хотя... Насчет того, что же толкнуло профессора Хофмана... А что вообще толкнула его к изучению вызывавших эйфорию веществ? Может быть то, что он

входил в секту суфистов? Сразу после войны, задолго до психоделической революции, швейцарские мистики стали применять на своих радениях удивительный порошок Хофмана. На нем, как на помеле, сектанты улетали далеко. Очень далеко.

На балу в Спасо-Хаусе

...Но все это будет потом. А пока страдающий Булгаков подобно обожаемому им Гоголю, уничтожает свой роман. Ненадолго. 2 августа 1933 года в письме Викентию Вересаеву он пишет: «В меня... вселился бес. Уже в Ленинграде и теперь здесь, задыхаясь в моих комнатенках, я стал мараить страницу за страницей наново тот свой уничтоженный три года назад роман. Зачем? Не знаю. Я тешу себя сам! Пусть упадет в Лету. Впрочем, я, наверное, брошу это».

Нет, не бросит. Миссию надо выполнять. Уничтоженная первая редакция романа будет переделываться еще не раз. И, в свою очередь, это восстановление станет частью сюжета, смысл которого современный исследователь передает так: «Сожженный роман Мастера возрождает из небытия Воланд, чтобы восстановить подлинную историю Иисуса Христа» (Соколов Б. Расшифрованный Булгаков. М., 2005).

Мефистофель (или Воланд), как теперь говорят, хорошо пропиарен. Он внушает симпатию. И даже – временами – восхищение. Это отнюдь не гоголевский Вий, который поневоле напоминает о страхе Божиим. Вваливается – жуткий: поднимите мне веки!

Воланд – лощеный иностранец. Маэстро! Может быть, он композитор? Шахматный гроссмейстер? Мессир... Удивительный мастер – одно из имен самого дьявола.

И здесь самое время вывести на московскую сцену некоего респектабельного господина. В сером дорогом костюме, с тростью. Он уже немолод, но, по своему, обаятелен. Взгляд темных глаз пронзителен. Воланд?.. А что, похож? Нет, вообще-то мы имели в виду не его.

Вот отрывок из Википедии:

Уильям Буллит (William Bullitt) стал первым послом США в Советском Союзе после того, как США признали Советский Союз в 1933 году...

В 1917 году президент США Вильсон назначил его заместителем государственного секретаря, и на мирной конференции в Париже Буллит входил в аппарат советников Вильсона.

В марте 1919 года он возглавил секретную международную миссию в Советскую Россию, где встречался с Лениным.

Два месяца спустя он ушёл из Государственного департамента в знак протеста против условий Версальского мирного договора.

В 1933 году, после участия в успешной предвыборной кампании президента Франклина Рузвельта, Буллит был назначен специальным помощником государственного секретаря Корделла Халла.

В ноябре 1933 года советско-американские переговоры завершились официальным признанием СССР Соединенными Штатами, и 21 ноября 1933 года Буллит был назначен первым послом США в Советском Союзе. Вручение верительных грамот состоялось 13 декабря.

При участии Буллита в 1935 году было заключено первое торговое соглашение между США и СССР. При нём в качестве резиденции посла США в Москве был выбран Спасо-Хаус. Проводившиеся там вечера стали легендарными – один такой незабываемый вечер описан в сцене бала в романе Михаила Будгакова «Мастер и Маргарита». Несмотря на теплые личные отношения Буллита со Сталиным и другими советскими руководителями, он информировал Вашингтон о самых мрачных качествах сталинского режима.

В 1936 году, 16 мая, Буллит был отозван в США президентом Рузвельтом и затем назначен послом

во Франции, где проработал до нацистской оккупации в 1940 году...

В годы Второй мировой войны призывал «к оружию против СССР». (Что для прообраза Воланда – характерно. – Ю.В.)

Итак, они встречались. Буллит и Булгаков. По дому гуляли звери, взятые напрокат из зоопарка, залы утопали в цветах, текли реки шампанского. Вечер в доме с диким названием Спасо-Хаус был потрясающим. Присутствовали Бухарин (как говорят, прототип похотливого Николая Ивановича, превращенного Воландом в свинью), Радек, Тухачевский... Может быть, вся эта роскошь напомнила Михаилу Афанасьевичу детский сон? Бал у сатаны... Булгаков протянул руку. Было ли рукопожатие с хозяином дома необычным? Специальным? Мы не знаем. Но – может быть...

Дмитрий Галковский сообщает любопытные подробности: «После смерти Джона Рида в Москве от тифа (помойка вещь довольно опасная) и успешного захоронения усопшего мужа на Красной площади, Брайант (жена Рида. – Ю.В.) вышла замуж за миллионера Буллита, интригана и провокатора экстра-класса, будущего посла США в СССР и одного из главных виновников развязывания Второй мировой войны. Внешний и внутренний облик этого человека убедительно раскрыт Михаилом Булгаковым в образе Воланда. Даже эпиграф к «Мастеру и Маргарите» повторяет цитату из Гёте, которую Буллит и Фрейд^[13] использовали в качестве эпиграфа к биографии Вудро Вильсона: «Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Помните как описана внешность Воланда? Правый глаз – «с золотой искрой на дне», а левый – «пустой и черный... как вход в бездонный колодец всякой тьмы и теней». «Золотая искра» прямо ассоциируется с

солнечным светом: в сцене на каменной террасе глаз Воланда горел точно также как солнце в окнах домов, «хотя Воланд был спиной к закату». Тьма сочетается в этом образе с солнечным светом. Такова еще одна шифровка Булгакова: добро и зло – принадлежат единому целому, как искрящийся и черный глаза демона.

М. Дунаев совершенно справедливо отмечает, что уже название интересующего нас романа затемняет подлинный смысл произведения. Внимание читателя сосредотачивается на двух персонажах как на главных, тогда как они являются лишь подручными истинного главного героя... Главенство Воланда утверждается изначально эпиграфом к первой части: «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Но ведь «...зло, исходящее от дьявола, преобразуется во благо, благодаря именно Божьему попущению. Божиему произволению. По природе же своей, по дьявольскому намерению, оно продолжает оставаться злом. Господь обращает его во благо, – не сатана. Поэтому, утверждая «Я творю добро», – слугитель ада лжет, присваивая себе то, что ему не принадлежит». Как говорится, пашет дьявол, а урожай собирает Бог. Вот мучение для лукавого! Так и представляешь себе сюжет известной картины – пахущего Льва Толстого. И Воланд – прямо в своем сером респектабельном костюме и в шляпе, с тростью подмышкой – уныло ковыляет за сохой и мучается от того, что вырастет все же хлеб, а не борщевик. Говорят, при советской власти роман Булгакова многих привел к Евангелию. Только опять же: не произведение удивительного мастера, а Господь.

Что же касается намерений Вильсона, которому был посвящен упомянутый эпиграф о добре и зле... Не будем забывать, что именно Вильсон был главным архитектором провокационного Версальского мира.

Именно при нем была создана Федеральная резервная система, которая до нашего дня бесконтрольно печатает мировую валюту.

Кстати, признание, что «добро и зло суть одно» – в душе человеческой усугубляет состояние «нравственного хаоса», которое... является одним из главных источников психических заболеваний...

Американский ученый, профессор Томас Цасс, изучая влияние нравственного релятивизма и психологии, психотерапии, психиатрии на моральное состояние американского общества, пришел к важному выводу. Снижение индивидуальной личной ответственности, замена христианских добродетелей, высоких нравственных ценностей их суррогатами, снижение нравственных стандартов во избежание «стресса» и для достижения комфорта стало «главной разрушительной силой, которая влияла на американское общество на протяжении последних пятидесяти лет». В частности, приводятся данные о переменах в моральном состоянии США за эти годы: количество детей, содержащихся государством, увеличилось на 300 процентов; число самоубийств юношей, девушек и детей младше 20 лет увеличилось в 10 раз; количество крупных преступлений в 5 раз» [55].

Однако продолжим цитировать Галковского: «Буллит корчил из себя в Москве высшее существо и любил повторять: «Никогда ничего не просите, особенно у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут». И предлагал: то групповуху в бассейне, засыпанном розами, то обжираловку, от одного запаха которой голодные аборигены падали в обморок». Галковский видит в коллизиях романа вполне биографические взаимоотношения Булгакова и Буллита: «Мастер-Булгаков просит Воланда-Буллита об эмиграции-покое. Но не прямо, прямо Буллит ничего не даст. Призрачная

надежда была - Сталин выпустил Замятина. Беда Михаила Афанасьевича заключалась в том, что он к Англии никаким боком... Хотя в 37-м его из-за градуса не тронули - это уже Дело».

И еще поясняет: «Булгаков никакого отношения к англичанам не имел. В Англии как Замятин не жил, эсером не был. Он представлял интерес как колониальный интеллигент - ему место определили. В Москве. А американский дядюшка, особенно в свете американо-французских отношений мог замолвить словечко. Мол, Иосиф Виссарионович, отпустите птичку в Париж. В творческую командировку. С Буллитом он по-французски говорил».

Между прочим, Буллит был выпускником Йельского университета. И членом ложи «Череп и кости». При посвящении лежал в гробу с человеческими останками. Созерцал коллекцию похищенных из могил черепов известных людей, хранящуюся в так называемом «Склепе» - орденом храме. С тех пор, надо полагать, и почувствовал себя «высшим существом»... К тем, кто «правильно» пожимал ему руку, старался относиться по-братски.

Демон справедливости

«Вот теперь следует обратить внимание на написание самого имени Воланда, – пишет профессор Н. Ужанков. – В романе он назван одним из своих 96 (цифра-перевертыш!) имен – Woland, взятым Булгаковым из сцены «Вальпургиева ночь» «Фауста» И.-В. Гёте. Возглас Мефистофеля: «Voland kommt!» («Воланд идет»). Как видим, «Voland» пишется через «V». Но на визитной карточке мессира было отпечатано «W». Это не ошибка и не случайность. Для Булгакова важно было написать имя сатаны через «W».

У отказавшегося от своего имени **М**астера на черной (!) шапочке была вышита его возлюбленной **М**аргаритой буква «**М**», которая является перевертышем буквы «**W**». Получается, что **М**астер – отражение **W**оланда: «О, как я все угадал!» – воскликнет безымянный Мастер, не подозревая, что записал «евангелие от сатаны»!

Оценка значимости сочинения Мастера происходит при воскрешении рукописи его романа, ведь «рукописи не горят». По приказу Воланда кот Бегемот достает роман из-под хвоста! Значит, написанное Мастером всего лишь – коту под хвост! Тем не менее, для Воланда оно значимо, иначе бы он не воскресил его».

Е. С. Булгакова, третья жена писателя, вспоминала: «Верил ли он? Верил, но, конечно, не по-церковному, а по-своему. Во всяком случае, в последнее время, когда болел, верил – за это я могу поручиться». Внешний итог религиозного пути Михаила Булгакова таков: за три дня до смерти, «6 марта 1940 г. Был очень ласков, целовал много раз и крестил меня и себя – но уже неправильно, руки не слушаются...» Мучительно метался от веры к безверию под напором жизненных обстоятельств, добавим мы.

«Бог и сатана, по Булгакову, – две части одного целого, сатана – выразитель и оружие справедливости Божией... Он накажет подлецов, а романтическому мастеру воздаст вожделенным вечным покоем». Исследователь пишет даже, что Воланд – «это первый дьявол в мировой литературе, который наказывает за несоблюдение заповедей Христа».

Чувствовал ли эту дьявольскую справедливость Булгаков на себе? Достаточно успешный драматург и журналист... «Когда же он взялся за роман о диаволе, все переменялось: к концу 1929 года у Булгакова не стало средств к существованию: его произведения не печатали, пьесы не ставили, постоянной работы не было. Куда бы он ни обращался, ему вежливо отказывали. И Мастер Булгаков отчаялся!

28 марта 1930 года Булгаков отправил письмо в правительство, в котором поставил принципиальный вопрос: если его не печатают, его пьесы не ставят, работы не дают, то, может, ему позволят уехать за границу? Он может и хочет творить, но не получает за свой труд никакого вознаграждения, и ему не на что существовать. Через три недели, 18 апреля, в коммунальной квартире Булгакова раздастся звонок. Через несколько дней после этого телефонного разговора со Сталиным Булгакова примут на должность помощника режиссера во МХАТ...

Булгаков, видимо, ощущал на себе власть силы, которая способна его раздавить, но почему-то не делает этого; которая позволяет его подвергать критике, но не допускает его окончательного уничтожения. Может быть, особое отношение к нему Сталина и спасало Михаила Афанасьевича от окончательной расправы критиков? А после того как Сталин, любивший посещать театры, поинтересовался во МХАТе судьбой пьесы «Дни Турбиных» (которую, как говорят, он посмотрел не менее 15 раз!), ее в скором времени восстановили.

Вроде бы восстанавливается справедливость. И Воланд тоже вроде бы восстанавливает справедливость. Он действует по закону морали: наказывает негодяев и помогает тем, кому эта помощь нужна».

Справедливости автор ждал и к себе самому. Что ж, масонская «богиня справедливости» Астрея даст добро напечатать «Мастера» спустя много лет после его смерти, в 1966 году. Почти одновременно с появлением в Америке «Черной библии» Антона Лавэя. Но Лавэй и Кроули – лишь дерзкие бездари. Они – для американцев и американоподобных существ. Для русских интеллигентов их грубый сатана неприятен. Им нужен другой собеседник. Тонкий, грустный и ироничный... Тук-тук. Вот и он! – Входите, мессир... – Нет-нет! (Он вежлив,

как настоящий европеец) - только после вас.
И открывает дверь в сумасшедший дом...

Воланд только засмеялся...

Сколько в этих скорбных заведениях свидетельств безумия нашего мира! Помню, как с просьбой получить интересующие нас видеоматериалы мы обратились к директору Центра имени Сербского Т. Б. Дмитриевой. Та подписала резолюцию: «Д. П. Демонова. Прошу оказать помощь»...

Представьте себе молодого москвича М. На телевизионном мониторе, уже накачанный психотропными препаратами, он выглядит вполне мирно. Довольно симпатичное, интеллигентное лицо. Правильная речь...

Итак, однажды он гулял по улицам города. И вдруг здания как бы растаяли, и он оказался на вершине холма. Внизу – возбужденная толпа. Ведомая людьми в сутанах и с крестами, она врывается в дом и выволакивает кого-то наружу. Это немолодой мужчина в черном, с ним – юная девушка. «Чернокнижник! Колдун!» – неистовствуют люди. Наконец они решают: молодую ведьму надо сжечь... Языки пламени все ближе подступают к ее ногам. Раздается жуткий, нечеловеческий вопль! Он заставляет М. очнуться и вновь увидеть себя посреди столицы. Очнуться дрожащим от лютой ненависти к людям с крестами. Впоследствии врачи назовут это «дебютом шизофрении». Но объяснит ли термин происшедшее в душе человеческой?

М. увлекался черной магией. Его мать раньше тоже «баловалась чертовщиной» – в доме было что почитать. Из художественной литературы молодой человек предпочитал Булгакова.

Он любил бывать на Патриарших прудах. Однажды на лавочку рядом с ним опустился некто и крепко взял

его за локоть: «Ты, конечно, знаешь, кто я». М. кивнул головой. Это был Воланд. С тех пор они прогуливались по бульвару вместе.

Вскоре М. дал объявление: «Ищу партнера для занятия высшей черной магией». Газета охотно напечатала. Так у молодого «мага» появилась подруга.

Как-то черномагическая парочка фланировала на Патриарших. Девушка подала своему другу яблоко (каково проявление библейского «архетипа» грехопаденья!), а затем спросила: «Ты когда-нибудь пил человеческую кровь?.. Видишь, идет мужчина с мальчиком. У ребенка кровь вкусная!»

Пустая болтовня? Увы, нет. Вскоре эта молодая особа вполне серьезно предложила... принести ее в жертву. М. заколебался, но Воланд «подзуживал» настойчиво. Да и сама «колдунья» по гороскопу уже просчитала оптимальную дату ритуала. Человеческое жертвоприношение свершилось в полнолуние. (Глядя на многочисленные объявления об оккультных услугах на страницах желтой прессы, понимаешь, что духовная пустыня «победившего атеизма» населилась огромным количеством колдунов. Это ощущение подтверждает и народный опыт. Фольклористы еще в XIX веке записывали предания о том, что колдун рождается от третьего поколения внебрачных родителей или от матери, проклявшей его во чреве. Так что Воланд с удовлетворением глядел на Москву, где уже вовсю начинались подобные процессы.)

Однако этим все не кончилось. Потом была попытка самоубийства в тюремной камере невесты откуда взявшейся опасной бритвой. М. жадно пил собственную кровь. И при этом – видел себя со стороны. Словно свою одежду. Быть «вне себя» – это не просто крайняя степень проявления эмоций. Когда человек «выходит из себя», оставленным душою телом полностью управляет тот, кто в нем остается. А потом эксперты говорят с

умным видом: «убил в состоянии аффекта»... Пустые слова!

Еще некоторое время спустя, уже в психиатрическом стационаре, к М. являлись странные «посетители». То окровавленное привидение его подруги, то, как всегда, ироничный Воланд. В последний раз М. с ненавистью спросил его: «Вы этого хотели, мессир?!» Воланд только засмеялся.

С почтением к Ангелу Смерти

«Идея Воланда уравнивается в философии романа с идеей Христа. Тезис о равнозначности добра и зла, света и тьмы, равнозначности их для тварного мира – Булгаков облакает в нехитрый, но изящный, и внешне весьма убедительный логический образ.

«Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом, – поучает свысока дух тьмы глуповатого евангелиста, – что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты глуп». Не высказывая прямо, Булгаков подталкивает читателя к догадке, что Воланд и Иешуа суть две равновеликие сущности, правящие миром. В системе же художественных образов романа Воланд и вовсе превосходит Иешуа – что для всякого литературного произведения существенно.

Лукавая ложь как бы незаметно вкладывается в сознание читателя – в надежде, что он проглядит порочность нечистой логики. В самом деле: стоит вдуматься в сам образ, который сатана использует в качестве аргумента, – и без труда уясняется, что тень не самосущностна и не самодостаточна, но есть в этом смысле лишь обман зрения: она существует не сама по себе, а зависит целиком от света. Она «получается» не от деревьев и живых существ, но есть лишь недостаток или отсутствие света. Не более того. Тень вторична по природе своей – и уловки лукавого ума не должны вводить в заблуждение. И как тень – это меньшая

степень интенсивности света, так и зло не самоприродно и не самоценно, как хочет уверить бес, но является следствием своего рода кеносиса добра, самоограничения добра по Божьему попущению.

Авва Дорофей учил: «Зло само по себе есть ничто, ибо оно не есть какое-либо существо и не имеет никакого состава».

Зло не самосущностно, но персонифицировано фигурой сатаны.

И это персонифицированное зло пытается внушить людям идею своей необходимости в мире...» (Дунаев М. О романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». М., 2006).

Да, благо якобы можно получить «частью от Сатаны, коего употребляет Бог для очищения душ». Кто это написал? Русские масоны, в XVIII веке. Нет, вступив в конце 20-х годов в тамплиеры (см.: Никитин А. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России., 1998), Булгаков не шутил. Этот Мастер на самом деле стал духовным наследником того же Ордена, что и Гёте.

Кстати, о «масонском следе» в знаменитом романе Булгакова (см.: Соколов Б. Тайны Мастера и Маргариты. Расшифрованный Булгаков. М., 2005). Добавим только такое высказывание современного масонского апологета: «Почему Понтий Пилат в «белом плаще с кровавым подбоем»? Ведь ему по должности полагается тога с пурпурной каймой. Плащом римляне не носили. Зато их носили тамплиеры. – Для кого сегодня 14 нисана? Для Понтия Пилата? Но римляне пользовались юлианским календарем. Бедный Пилат и не знал, поди, что такое нисан, – опять спросите вы. Вот у евреев нисан действительно бывает, равно как и у масонов, документы которых ведутся по еврейскому календарю, – и будете правы» (см. Рыбалка А., Синельников А. Интервью с масоном. М., 2005). Так что за белым плащом с кровавым подбоем скрывается не

историческая неточность автора, а его очередной, масонский, намек.

«- А почему Пилату пришла в голову идея отомстить за Иешуа? - продолжаем цитировать книгу Рыбалка и Синельникова. - Не потому ли, что масоны клянутся отомстить за тамплиеров? - Вот в чем главный вопрос... А проще говоря, Булгаков... был членом литературного кружка Московского ордена тамплиеров».

Неужели только литературного? Думаю, дело было серьезнее. Иначе зачем же после смерти Сталина в печку быстро полетели «дяди федоры» (дела-формуляры НКВД) на Булгакова и прочих масонов, таких серьезных, как Лиля Брик или Илья Эренбург! Видно, так и не узнаем мы инициатического тамплиерского имени Булгакова, хотя с большой долей уверенности можно предположить, что он, в своем стиле, зашифровал его в своем последнем романе. В нем вообще можно увидеть и другие масонские намеки. (Мистикой в 20-е годы увлеклись довольно многие известные деятели культуры. В книге «Разговор с масоном» пишется, что во МХАТе того времени мы могли встретить, например, Михаила Чехова - члена Антропософского общества и ордена тамплиеров. Он был одним из первых учеников Карелина (командор ордена). Режиссер Завадский, который был «рыцарь высших степеней, состоял в руководящей группе, достаточно изобличен показаниями...» - выражаясь сухим языком протоколов ОГПУ. Из деятелей театра в орден входили также Р. Н. Симонов и М. Ф. Астангов. Да и сам Эйзенштейн писал в своих мемуарах, которые вышли только в 1997 году, что в 1920-м году он был принят в Орден розенкрейцеров).

«Вы помните в «Мастере и Маргарите» жуткую сцену убийства барона Майгеля? Воланд убивает члена Зрелищной комиссии за то, что тот - «доносчик и шпион». Однако за кадром остается очень многое. Если

Майгель – член Зрелищной комиссии, на кого он может доносить? На актеров? А обвинение в «шпионаже»? Шпионаж подразумевает внедрение, однако в свиту Воланда Майгелю внедриться не удалось, да он и не пытался. И почему, наконец, чекистским стукачом должен заниматься лично князь Тьмы? И где – самое главное – доказательства шпионской деятельности Майгеля? И почему Майгель – барон? Где вы на таком большом году Советской власти видели баронов? Что за нонсенс – барон заседает в Зрелищной комиссии, – Давид уже протиснулся среди серых домов Старого Акко к развалинам средневековой крепости, заглушил мотор и свободно махал руками, – А я вам скажу, почему Майгель – барон. А потому, что барон – это минимальный титул, дававший права на звание рыцаря. Барон Майгель – это рыцарь Мазель, один из руководителей ордена тамплиеров в Москве и ближайший друг Михаила Чехова. Когда начались аресты московских тамплиеров, Мазель почему-то не был арестован, что и дало повод подозревать его в сотрудничестве с ЧК-ГПУ.

– Так вот что значит ключевой эпизод бала Воланда – казнь барона Майгеля! Руками своего персонажа Булгаков расправляется с предателем, выстраивая параллель: Мастер – Иешуа, Майгель – Иуда...» (Рыбалка А., Синельников А. Интервью с масоном. М., 2005).

А откуда вообще «благой» образ сатаны взялся у масонов, откуда он – у Булгакова? Ведь в христианстве все не так: диавол – это личностная сила, обладающая свободной, направленной ко злу волей... Так откуда? Ответ находим в статье с характерным названием «Иудейская трактовка «Мастера и Маргариты»». Ее автор, Арье Барац, различие христианского и иудейского отношения к диаволу формулирует так: «Если перефразировать на еврейский манер известное высказывание Достоевского: «Бог и дьявол воюют, а

поле их битвы – сердце человека», то можно было бы сказать так: «Бог и человек судятся, а ангелы – судебные исполнители»...

Для иудаизма самым расхожим определением Сатаны является совершенно безличная формула: «Сатана – он же Ангел Смерти, он же дурное побуждение». Иными словами, Сатана, этот величайший обвинитель рода людского, не кто иной, как все тот же посланец Всевышнего...

В представлении Гегеля мировой дух раскрывается в философах и поэтах, он близок к даровитым властителям, но водит за нос обыкновенных людей, используя их страсти. Воланд является блестящим, гениальным портретом того персонажа, который описан Гегелем в его «Философии истории». Ведь, несмотря на то, что Гегель иногда использует слово «бог», мы прекрасно видим, что речь у него идет не о Боге, а именно о духе. Он могущественен, лукав, хитер, ироничен, но при этом холоден, нравственно безучастен и ни в ком лично не заинтересован».

«Учения евреев и христиан об ангелах – это в большей мере два разных видения мира, нежели два разных языка, – продолжает мысль Арье Барац. И дальше делает выверт: – Именно поэтому в рамках иудаизма сатанизм невозможен. Возможно другое... возможно позитивное отношение к смертоносной служебной силе...

В этом отношении особого внимания заслуживает роман Булгакова «Мастер и Маргарита». Позитивное отношение Булгакова к Ангелу Смерти (которого он считал главным героем романа) не имеет ничего общего с сатанизмом его современника Кроули. Мне думается, что стихийно сложившийся культ булгаковского Воланда в каком-то смысле развивает еврейскую линию «сатанизма»».

Так считает господин Барац. Слышите, любители прогуливаться на Патриарших прудах? Слышите, любители входить в *тот самый* подъезд и едва ли не благоговейно подниматься к *той самой* «нехорошей» квартире? Слышите, ежегодно устраивающие в день рождения Булгакова настоящий шабаш во дворе знаменитого дома? Кричащие: слава тебе, Сатана! И опускающие в специально поставленный здесь почтовый ящик послания Воланду! (Кстати, Воланд ведь может ответить. И отвечает!)

Итак, иудейский взгляд опознал в герое Булгакова Ангела Смерти. Вот кто завладел талантом писателя! Нельзя не согласиться: «Смерть, одновременно и пугающая, и притягательная, становится, можно сказать, главным героем его произведений». Помните, в «Роковых яйцах»? Там ведь не просто зоологический феномен описан. Он наполнен сугубо инфернальным смыслом. «Бесы, сеющие разрушение и смерть, мстят всему живому. На это же указывает их «огненное дыхание» и жар, не свойственные вообще-то хладнокровным рептилиям. Примечателен и адрес, откуда они начинают поход на Москву: село Никольское... То самое, где получил наркотическое посвящение сам Булгаков, зачарованный смертоносной красотой сжимающихся огненных змеиных колец». Библейский левиафан тоже только кажется рептилией: «Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя. На шее его обитает сила, и перед ним бежит ужас... он царь над всеми сынами гордости» (Иов 41:11-14, 16, 23-26).

Еще цитата из Арье Бараца (которая является очередной попыткой представить отсутствие Света, тьму, как нечто самоценное, - но уже на каббалистический манер): «...Булгаков вкладывает в уста Воланда вполне отчетливую концепцию, целиком соответствующую каббалистической концепции «искр»

добра и неизбежно покрывающих их «скорлуп» зла: «Что бы делало твое добро, - спрашивает Воланд Левия Матвея, - если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени?.. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым счастьем?»

В самом деле, согласно иудаизму, искры (ницоцот) и скорлупы (клипот) - неотделимы друг от друга. Иными словами, противостоя Тьме, сам Свет всегда есть уже сочетание Света и Тьмы, как Жизнь всегда есть сочетание Жизни и Смерти. Без Смерти, которую Жизни приходится преодолевать, немислима сама жизнь... Именно поэтому такого рода прозрения могут выговариваться в иудаизме (и у Булгакова) Ангелом Смерти».

Вывод о духовном значении популярного романа израильский публицист делает однозначный: «То, что Булгаков иудаизировал Евангелие, то, что в форме романа он расправился с «Христом керигмы» (т. е. христианской традиции. - Ю.В.) - знаменательно, но не ново. Множество авторов христианского мира уже проделали это до него. Новым явилось то, что он иудаизировал также и Сатану. Причем иудаизировал оба эти образа в связи друг с другом. Ведь именно Сатана подтверждает истинность описываемых в романе евангельских событий, т. е. ту самую «абсолютно точную» версию («исторического Иисуса»), которая приходит на смену традиционной «путанице» («Христу керигмы»»).

Что ж, наверно, это наиболее четко сформулированная суть миссии, ради выполнения которой Булгаков и получил «посвящение в литературу». (С учетом страшной миссии, которую выполнял Булгаков, можно совсем иначе взглянуть и на российскую историю попыток экранизации знаменитого

романа. «Честь», доставшаяся режиссеру Бортко, в духовном плане весьма сомнительна. Видит Бог, он еще позавидует тем, кому сделать такой фильм (или выпустить его в прокат) не удалось. На этом фоне подлинные или полуполюгендарные истории о том, как «какие-то» силы долгое время не давали сделать экранизацию, являются весьма символическими.

В прессе писали, например, что решению Э. Климова отказаться от съемок предшествовала некая загадочная история, связанная с режиссером Владимиром Наумовым, который был близко знаком с женой Булгакова Еленой Сергеевной и тоже хотел снимать «Мастера и Маргариту». Наумову не разрешили снимать – ведь разрешение уже было дано Климову. Наумов был этим фактом, естественно, раздосадован. Тогда, по его словам, произошла одна невероятная история: «Было лето, было жарко. Я провожал жену с дочкой отдыхать на юг, сам оставался в Москве работать. Вернулся усталый домой. Лег спать, но не спалось. Читал какую-то книжку, когда раздался звонок в дверь. Я взглянул на часы – было около часа ночи. Очень удивившись, я решил, что принесли телеграмму или, почему-то, вернулись мои. Встал, пошел в прихожую, в полутьме споткнулся и больно ударился бедром о телефонную тумбу. Включил свет. Собака, обычно лаем бурно реагирующая на все звонки в дверь, странно поскуливает, забившись в угол. Я смотрю в дверной глазок – на площадке в длинной шубе стоит Елена Сергеевна и улыбается. Совершенно обалдев, открываю дверь. Елена Сергеевна говорит: «Володя, извините за такой поздний визит, но просто дело очень серьезное. Входить не буду: внизу в машине меня ждет Михаил Афанасьевич (!). Зная, какое у вас сейчас настроение, я пришла вас успокоить: этот режиссер картину снимать не будет. И вообще – не будут». Елена Сергеевна попрощалась, вошла в лифт, дверца

закрылась, тут же открылась, она состроила смешливую рожицу, дверца закрылась, лифт ушел. Я возвращаюсь в квартиру, запираю дверь, ложусь спать. Утром просыпаюсь с головной болью: что за чертовщина мне приснилась? Иду в ванную принимать душ – и вижу на своем бедре огромный синяк». Правда это или художественный вымысел, неизвестно, но только Климов так и не снял «Мастера и Маргариту».

А вот другой сюжет. В начале 90-х на «Мастера и Маргариту» замахнулся режиссер Юрий Кара. Когда шли съемки, и критики, и потенциальные зрители затаили дыхание. Снимались только звезды: Мастер – Виктор Раков, Маргарита – Анастасия Вертинская, Воланд – Валентин Гафт, Иешуа – Николай Бурляев, Понтий Пилат – Михаил Ульянов. Однако общественность так и не увидела на экране «Мастера и Маргариту». Продюсеры из фирмы ТАМП не позволили фильму выйти в свет. Они утверждали, что он плохо смонтирован. Юрий Кара подал в суд на ТАМП. Судились долго, и в итоге получилось, что претензии Кары не обоснованы. Но самое странное, что единственный экземпляр фильма пропал. Руководство ТАМПа решило отдать «Мастера и Маргариту» на сохранение кому-то из своих людей. Человек надежно спрятал копию фильма, но потом скоропостижно скончался, так никому и не рассказав, где тайник).

Так что прелестный роман Мастера можно вполне рассматривать в контексте давно уже ведущейся иудаизации библейских сюжетов. Истоком этого процесса является деятельность иудейских книжников-масоретов, которые в IV–V веках после Рождества Христова выбросили из ветхозаветных текстов все пророчества о Спасителе. Например, слова 21-го псалма о пронзении рук и ног превратились в такую фразу «как лев рuce мои и нозе мои». Именно масоретские тексты были взяты за основу Библейским обществом для

издания Священного Писания. По поводу этой порчи текстов еще святитель Филарет Московский писал, что здесь очевидна «неблагонамеренная рука еврея, искавшего средства уклоняться от силы пророческого свидетельства о распятии Господа». Работа продолжается. Теперь Библейское общество готовит такой перевод Библии, который устроил бы не только все «христианские» секты и ислам, но даже и иудаизм.

Кто такой Га-Ноцри?

Помните, как Христос (или некто, вроде бы напоминающий Его) назван в романе Михаила Афанасьевича? Иешуа Га-Ноцри. Что за имя такое? И стоит ли смущаться появлением этого персонажа? Ведь Га-Ноцри описан, кажется, с симпатией... (Хотя и производит несколько меланхолическое впечатление, тихо бубня себе под нос о том, что его ученики-де все напутали). Вот что писал, однако, профессор Н. Н. Глубоковский: «Нам приводится много иудейских голосов, благоприятных Христу и даже восхваляющих Его, но все они идут лишь из свободно-либерального лагеря еврейства и базируются собственно на антихристианском уничтожении Господа Спасителя, поскольку провозглашают Его евреем по самому своему учению и присвоят себе как полную иудейскую собственность, считая наше церковное понимание позднейшим «извращением» и подменой подлинного, первоначального христианства (...) Еврейство касательно Иисуса (ср. Деяния V, 40) еще во времена апостольские воспрещало проповедовать «имя сие» (Деян. IV, 17-18), говоря о Христе косвенно, как о «человеке том» (V, 28), а после обозначая Христа безличным термином – ha-nozri (...) – другой (именно тот, который фигурирует в кощунственных иудейских легендах, отличный от достопочтенных для иудейства Иисусов, напр. Навина)».

Вот кто такой Га-Ноцри! Это кощунственная пародия на Христа из талмудических иудейских легенд. Для неоиудеев это «некто», которого они вообще хотели бы превратить в пустое место.

В 1631 году заседавший в Польше Верховный иудейский синод постановил при переизданиях Талмуда

избегать ненавистного для иудеев Имени. Это было сделано из конспирации – с учетом возросшего числа христиан, изучивших еврейский язык. «Посему мы повелеваем на будущее время при новых изданиях наших книг оставлять пробелы там, где говорится об Иешуа Га-Ноцри, и отмечать эти пробелы знаком «О». Знак этот даст понять каждому раввину и вообще каждому учителю существование пропуска, который и должен быть дополнен из устного предания. При помощи этого средства ученые ноцримы лишены будут повода нападать на нас по этому вопросу».

Не случайно булгаковский Иешуа – образец именно талмудических измышлений о «недостойном происхождении Иисуса». Иешуа объявляет себя человеком, не помнящим своих родителей (позже, во сне Пилата, он называет себя «подкидышем, сыном неизвестных родителей»). Так вот, этими словами он не просто сообщает факт своей биографии, но причисляет себя к определенной социальной страте – «асуфи». Талмуд говорит о ней так: «Кто называется «асуфи»? Тот, кого подобрали на улице, и он не знает ни отца своего, ни матери своей». Положение этой группы в обществе описывается еще короче: «Асуфи» – низший из десяти родов людей» (Талмуд. Мишна, Кидд., IV. 2 и IV. 1).

Почему-то именно неоиудейскими глазами увидел писатель Спасителя. Талмудическим словом обозвал Его... Перед смертью Булгаков ослеп и лишился речи. И словно чья-то чужая воля выдавила из него последние слова: «Чтобы знали». В них слышится лукавый шепот «царя над всеми сынами гордости», демона посмертной славы. Того самого, что потеснил в душе писателя морфинистского Азазеля.

Арье Барац изумленно восклицает: как мог Булгаков, имевший, судя по всему, весьма отдаленные и даже превратные представления об иудаизме,

«воспроизводить целыми блоками его ключевые концепции!»

Что ж, есть понятия, в контексте которых этот вопрос разрешается... Если брать масонские практики, к которым был причастен Булгаков, то речь должна идти о духовных и психофизических последствиях инициации. Одним из этих последствий может быть синдром Кандинского-Клерамбо (эффект психического автоматизма). В таком случае, напомним, пишущая рука действует независимо от сознания человека и фиксирует некие диктовки. Диктует же инородный разум, который находится, однако, в самом человеке. В психиатрии это называют синдромом множественной личности, а в православной традиции – одержимостью злыми духами. От них, живущих вечно, перемещающихся со скоростью мысли, одержимому грешнику и приходит «трансперсональное знание».

«Вот как описывают, например, состояние знаменитого Торквато Тассо в период творчества: «Пульс слабый и неровный, кожа бледная, холодная, голова горячая, воспаленная, глаза блестящие, налитые кровью, беспокойные, бегающие по сторонам. По окончании периода творчества часто сам автор не понимает того, что он за минуту тому назад излагал» [71]. Ломброзо добавляет важную деталь: «Тассо даже анализирует свойство своего вдохновителя – духа, демона или гения: «Это не может быть дьявол, говорит он, потому что он не внушает мне отвращения к священным предметам; но это также и не простой смертный, так как он вызывает у меня идеи, прежде никогда не приходившие мне в голову». Слова самоутешительные, но Тассо, конечно, не был знаком с православной традицией, которая дает на все сомнения в этой области исчерпывающий ответ. Как писал святитель Игнатий (Брянчанинов), по нашей падшей природе нам свойственно общение лишь с демонами...

«Душа оскверненная, – сказал святой Исаак Сирский, – не входит в чистое царство и не сочетается с духами святых». Святые Ангелы являются только святым человекам, восстановившим с Богом и с ними общение святой жизнью. Хотя демоны, являясь человекам, наиболее принимают вид светлых Ангелов для удобнейшего обмана, хотя и стараются иногда уверить, что они человеческие души, а не бесы, хотя они иногда и предсказывают будущее, хотя открывают тайны, но верить им никак не должно. У них истина перемешана с ложью, истина употребляется по временам только для удобнейшего обольщения. Сатана преобразуется во Ангела света и служители его преобразуются, яко служители правды, сказал Святой Апостол Павел».

Каждая infernalная диктовка связана с тем или иным демоническим «проектом». «Вертер», например, вызвал эпидемию самоубийств молодых людей по всей Европе. «Книга Закона», продиктованная «демоном Айвазом» Алистеру Кроули, задала новый виток интереса к сатанизму. А Байрон!

Именно на литературном направлении романтизма, демон дохромал до необычайной высоты – стал «положительным героем». (В таких «перемещенных предметах» – зародыш постмодернизма, еще более откровенного в своем сатанизме.) Кто ему подставил руку? «Анчутка беспятый» infernalного романтизма – хромой лорд Байрон и ему подобные.

...Мы существа,
Дерзнувшие сознать свое бессмертье,
Взглянуть в лицо всесильному тирану,
Сказать ему, что зло не есть добро.

Так лукавый развернул плечи, спрятал под тогой царевубийственный кинжал, а под лавровым венком – рожки. Он обернулся «тираноборцем». Знаком социальных и политических фантазий, которыми обуяны были авторы XVIII и XIX веков. По стопам дьявола должен пойти и человек: у Байрона символом благородного бунта стал Каин.

Такая дьявольская идея возникает не на пустом месте. Она буквально взращивается из плоти и крови – путем тщательной селекции зла. «Наследственность лорда Байрона была чрезвычайно отягощенной: по мужской линии были убийцы, отец поэта за бешеный темперамент получил малочетное прозвище «Безумный лорд», впоследствии он покончил с собой; по линии матери дело обстояло не лучше – было несколько жестоких убийц, один из них, в частности, убил пять сирот (!), чтобы завладеть их имуществом, зафиксировано несколько самоубийц, в их числе дед Байрона» [10]. Обращать внимание на такие вещи, которые тщательно учитывались при сватовстве в любой русской крестьянской семье, у безумных лордов, видимо, было не принято. Все решала «знатность» и деньги. (Впрочем, знатность все чаще покупалась вместе с фамильным замком.) С наследственным злом мы будем сталкиваться все чаще. В пятом поколении каинова потомства родился второй убийца на земле и первый двоеженец – Ламех. И пошло)...

Есть люди, которые утверждают: обвинять в антихристианстве Булгакова нельзя уже потому, что именно его «Мастер...», заинтересовав их, бывших атеистов, в библейской истории, привел к Богу. Что на это ответишь? Только одно: Господу все возможно. Некоторые вообще пришли в православие через духовные поиски в сектах или через психоделическую революцию, как иеромонах Серафим (Роуз). В то же

время нельзя не согласиться: «Булгаков не просто следует за некими апокрифами, но сам создает новый апокриф, соблазняя внимающих ему» (М. Дунаев. Православие и русская литература. VI (1). М., 2004).

В чем суть соблазна? «...легко просматривается истинная цель Воланда (да и Булгакова, несомненно): десакрализация земного пути Бога Сына, десакрализация Голгофы – что и удаётся ему, судя по первым же отзывам критиков, вполне. Но не просто же заурядный обман критиков и читателей замыслил сатана, создавая роман о Иешуа, – ведь именно Воланд, отнюдь не Мастер, является истинным автором литературного опуса о Иешуа и Пилате. Напрасно Мастер самоупоенно изумляется, как точно «угадал» он давние события. Подобные книги не «угадываются» – они вдохновляются извне».

Иными словами, Мастер и «Удивительный Мастер» – соавторы. Но как они сотрудничали?

Помните выход прокуратора Иудеи Понтия Пилата? Помните весь предгрозово-Иерусалим? «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом, Хасмонецкий дворец с бойницами, базары, караван-сарай, переулки, пруды... Пропал Ершалаим – великий город, как будто не существовал на свете. Все пожрала тьма, напугавшая все живое в Ершалаиме и его окрестностях. Странную тучу принесло со стороны моря к концу дня, четырнадцатого дня весеннего месяца нисана».

Порой кажется, что такое невозможно вообразить, это действительно надо было увидеть воочию одному из соавторов (Гегелевскому «мировому духу»? Ангелу Смерти?). Таланту другого оставалось лишь выразительно описать пересказанное.

Может быть, я субъективен? Наверно. Ведь и нарочито субъективный Розанов писал такое: «Как хотите, нельзя отделаться от впечатления, что Гоголь уж слишком по-родственному, а не по-авторски только знал батюшку Катерины (колдуна из рассказа «Страшная месть». – Ю.В.), как и Лермонтов решительно не мог бы только о литературном сюжете написать этих положительно рыдающих строк... Это слишком субъективно, слишком автобиографично. Это – было, а не выдуманно. Быль эту своей биографии Лермонтов выразил в «Демоне» (Курганов Е., Мондри Г. Розанов и евреи, СПб., 2000).

Сам же Гоголь в рассказе «Портрет» (редакция 1835 года) вкладывает в уста монаха такие слова: «Дивись, сын мой, ужасающему могуществу беса. Он во все силится проникнуть: в наши дела, в наши мысли и даже в самое вдохновение художника».

Игумен N в книге «Об одном древнем страхе» так описывает подобное сотрудничество: «Чаще всего контакт осуществляется в виде мысленного внушения, которое может ясно сознаваться человеком именно как внушение извне, то есть как способ получения мысленной информации от другой личности. Этим способом колдуну-контактеру сообщаются неизвестные ему факты или даются наставления о дальнейших его действиях. Подобный контакт, но в патологической форме, психиатры называют ментизмом». О том же говорит и святоотеческий опыт, выраженный в словах св. Иоанна Кассиана: бесы помогают человеку говорить то, чего он сам не знает и знать не может.

В этом контексте оценка булгаковского творчества, данная профессором Михаилом Дунаевым, представляется гораздо более убедительной, чем эмоциональный вскрик диакона Андрея Кураева: «Не надо позорить русскую литературу и отождествлять позицию Булгакова и позицию Воланда. Если считать,

что через Воланда Булгаков выразил именно свои мысли о Христе и Евангелии, то вывод придется сделать слишком страшный. Если уж великий русский писатель сделал сатану положительным и творческим образом в своем романе – значит, Русская Литература кончилась».

Нет, слава Богу, не кончилась. И давайте говорить по существу. Профессор Дунаев справедливо отмечает: кульминацией романа является сатанинский бал. Это литературное описание черной мессы, в ходе которой должны читаться «молитвы наоборот», «библия наоборот». Так что «роман, созданный Мастером, становится ни чем иным, как евангелием от сатаны, искусно введенным в композиционную структуру произведения об анти-литургии».

Вот какое задание inferнального мира отработывал Михаил Афанасьевич!

Кстати, помните, как Мастер в грязной корзине с бельем обнаружил облигацию, которую ему дали на прежнем месте работы, в музее?! По мирским меркам, облигация оказалась выигрышной! Деньги предоставили возможность свободно работать. Написать прелестный роман о Понтии Пилате. Что это за деньги? Уж не 30 ли сребреников, включая накрученные за века проценты?! Но тогда речь идет о предательстве Спасителя?!

«Роман с Богом»

Иудейская традиция, похоже, влезла в русскую культуру именно так – через ментизм.

Вот Владимир Соловьев. Человек, скажем к слову, не без странностей. Мало того, что любил хватануть без меры шампанского, но еще, говоря современным языком, был токсикоманом. Нюхал скипидар. Вошел в историю как религиозный философ, но в храм не ходил. Мережковский поражался: «Всю жизнь только и делал, что звал в церковь... а сам не шел... Да что это значит? Не объяснит ли критика? Но критика только широко раскрывает глаза от удивления, как добрая старая мама». Впрочем, что тут объяснять? Сам Соловьев в письме Величко писал: «Я прожил у Вас несколько недель великого поста, и мы с Вами правил поста не соблюдали и в церковь не ходили и ничего в этом дурного не было, так как все это не для нас писано, и всякий это понимает». Откровенно.

Самым ярким в судьбе философа был, конечно, его «роман» с являвшейся ему в «неземном свете» женственной сущностью, в которой он опознал Софию. (Видений у него было достаточно много. Не случайно же он писал стихи о пламенных кольцах змея, тех же самых, что у Булгакова, и свидетельствовал о нападении на него мохнатого существа).

Соловьев считал, что прежде та же самая София приходила к Беме, Сведенборгу, Парацельсу и другим визионерам. Одним из них был немецкий книгоиздатель Иохан Гихтель. «Он отказывался от любых сношений с женщинами под тем предлогом, что влюблен в Софию... София вознаградила Гихтеля: она явилась ему в ночь на Рождество 1673 г. Ослепительное небесное создание, она дала ему «неизъяснимые наслаждения». Гихтель

жил с Софией счастливо; она внушила ему мысль найти и издать произведения Якоба Беме.

Рис. 16. Владимир Соловьев, любовник «Софии»

О. Георгий Флоровский свидетельствовал, что сохранились и изучались «некоторые загадочные автографы Вл. Соловьева... – особого рода записи поэта-философа, сделанные им автоматически в состоянии транса. Это состояние (как бы медиумическое) было свойственно Соловьеву по временам. Темой соловьевских записей является все она же, «София»... Характер записей таков, что не приходится сомневаться в «демоничности» переживаний, сопутствующих духовному опыту поклонника Девы Радужных ворот».

Пользуясь каббалистическими словечками, Соловьев писал о ней: «Она есть Решит [женское божество] вначале – плодотворная идея безусловного единства,

единое могущество, долженствующее объединить все; она есть Малхут (Regnum, Царство)...» Загадочное слово Малхут означает одну из эманаций Шехины.

Да, при ближайшем рассмотрении оказалось, что соловьевская София, эта светящаяся красotka, очень похожа на Шехину, женскую ипостась иудейского Б-га. Более того, согласно рассуждениям Соловьева, София является даже более высоким существом, чем Христос (каким понимает Его философ).

«Это, – отмечает отец Георгий Флоровский, – какой-то жуткий оккультный проект воссоединения человечества с Богом через разнополюю любовь», а Розанов на основании этой «небесной» эротики «имел повод говорить, что у Соловьева был «роман с Богом»» [83].

Владимира Соловьева искушала не только неземная София, но и вполне приземленная, из плоти и крови Анна Шмидт, журналистка и сектантка из Нижнего Новгорода. Нет, дело не в «любовном треугольнике». Она внушала философу, что он является... Христом. А его родного брата Михаила всерьез называла «братом Господним».

Высокоученый Владимир Сергеевич, конечно, знал, что в каббале Шехина (то есть «София») является супругой самого Б-га. Следовал логический вывод, что...

Тьфу! Можно было бы перекреститься и пойти дальше по своим делам. Но Соловьев креститься не был приучен. И что же из этого получилось на закате его жизни? «Михаил Соловьев сам сжег последние записи Владимира. Он был историком с безупречной репутацией, что делает этот акт особенно зловещим. В двойном пересказе до нас дошли его слова, согласно которым «Вл. Соловьев вернулся после свидания со Шмидт «глубоко потрясенным» и в чем-то убежденным». Так пишет исследователь А. Эткинд... Если я правильно понял его намек, то, спалив «сакральные тексты»,

Михаил не дал возникнуть на могиле своего брата очередной, невиданной по цинизму, псевдохристианской секте. Очередной «христос» умер, не родившись.

На этот раз операция дьявола провалилась. А ведь как рогатый обхаживал Соловьева! Вот в перерывах встреч с масонами Ковалевским и Янжулом он сидит над каббалой в Британской библиотеке и напряженно мыслит. Философствует так, что начинает «светиться ум». Велика гордыня ученого, и потому, наверное, Господь попускает лукавому слепить из светящейся субстанции антропоморфных существей. Те направляют Владимира Сергеевича на поиски каббалистических тайн в Каир. Там философа подхватывает некто де Вогюе... Но главное – вернемся к главному! – к Соловьеву трижды приходит София, она же «подруга вечная», она же «Дева Радужных ворот».

Духи к нему являлись, конечно, за особые заслуги. Еще в гимназическом возрасте, находясь на кладбище, он вдруг опрокинул крест и стал топтать его ногами. Тогда же, в четырнадцать лет, будущий «пророк вселенской религии» сорвал со стен своей комнаты иконы и выбросил их. И пошло: увлечение спиритизмом, видения, экстатические состояния... И отсюда – нервные расстройства, бессонница, странные провалы в способности логически мыслить.

Его больная и управляемая из преисподней философия относилась как раз к той литературе, которая, по словам В. Розанова, «погубила Россию», подготовила страшные потрясения XX века. Да-да, это не слишком сильно сказано. Нельзя не согласиться: «Религиозная толерантность Соловьева и его андрогинный идеал кажутся далекими от практик, в которых воплотилась русская революция. Но Соловьеву удалось поставить знак вопроса над самой природой человека и этим дестабилизировать основы человеческого бытия, которые скоро подверглись

переделке другим путем, революционным. До Соловьева нечто подобное удалось сделать Ницше» [96].

А Соловьев... В своей последней работе философ, кажется, отказался от большинства своих заблуждений. Но как молиться за упокой его души? Согласно одним источникам, хоть он и записался в католики, Господь даровал ему перед смертью исповедь и причастие из рук православного священника. Согласно другим - в смертный час Владимир Сергеевич молился на иврите. Изучение древнееврейского языка и богоборческого Талмуда якобы привело его в лоно иудаизма. А может быть, обе эти версии справедливы? Ведь Соловьев был человеком «широких религиозных взглядов», адептом всемирной религии. Он не только объединил в своем освещенном «Софией» уме католическое и православное христианство. Он писал и следующее: «... полнота христианства обнимает собою и иудейство, а полнота иудейства есть христианство». Ветхозаветное иудейство и прекрасно знакомое ему каббало-талмудическое неоиудейство Соловьев не различал.

Теперь юдофилия его оценена. В Иерусалимском мемориале «Яд-Ва-шем» есть «Аллея праведников мира». Она находится прямо перед музеем «катастрофы европейского еврейства». Каждое посаженное здесь дерево посвящено одному из гоев, послуживших на благо еврейству. Есть здесь и дерево «христианского каббалиста» Владимира Соловьева. Одна его «Декларация против антисемитизма», написанная в 1890 году, стоила дорогого.

Что же произнес Соловьев перед смертью? Слова православной молитвы? «В руки Твои, Господи, предаю дух мой». Или нечто другое: «Яхад алай йит`лахашу кол-сон`ай, алай ях`шебу раа ли...»

Господи, помилуй раба твоего Владимира!

Свет Шехины и Свет Фаворский

О том, что Бог есть Свет, слышали и читали многие. И вот «Автолик, приверженец культа идолов, просит Феофила (св. Феофила Антиохийского, II век. - Ю.В.) показать ему Бога христиан. Феофил ему отвечает: «Прежде чем я покажу тебе нашего Бога, покажи мне себя как человека; дай мне доказательство того, что душевные твои очи могут видеть и что твои уши могут слышать, ибо видеть Бога могут только те, чьи очи душевно открыты. Напротив, чьи очи затемнены греховной катарактой, не могут видеть Бога». Так и было на Фаворе: «Преображение не было явлением, ограниченным временем и пространством; никакого изменения не произошло во Христе в тот момент, даже и в Его человеческой природе; но изменение произошло в сознании апостолов, получивших на мгновение способность увидеть своего Учителя таким, Каким Он был - сияющим вечным светом Своего Божества».

Эти слова сподвижников свт. Григория Паламы заставляют задаться вопросом: а мог ли «показать себя как человека» Соловьев? Каким он был? Была ли в его сердце любовь к людям, которая неизбежно связана с любовью к Творцу? Ведь именно эта любовь является «телом», способным улавливать и отражать Божественный Свет! Хорошо знавший философа В. В. Розанов описывал его так: «Соловьев был весь блестящий, холодный, стальной. Может быть, было в нем «Божественное», как он претендовал, или, по моему определению, глубоко демоническое, именно преисподнее: но ничего или очень мало было в нем человеческого... Соловьев был странный, многоодаренный и страшный человек. Несомненно, что

он себя считал и чувствовал выше всех окружающих людей, выше России и Церкви, всех тех «странников» и «мудрецов Панфосов», которых выводил в «Антихристе» и которыми стучал, как костяшками, на шахматной доске своей литературы».

В воспоминаниях Соловьев предстает перед нами человеком, не любившим людей. Но каких же тогда светоносных явлений мог сподобиться он и ему подобные холодные гении? Каких, ведь из житийной литературы мы знаем, что именно любовь и покаяние сливаются с истинным божественным Светом?! А если этих качеств нет, то что есть внутри? Пустота, которая пропускает сквозь себя направленные к каждому лучи Божественной Любви.

Светоносные явления Соловьева имели другую природу. Свет бывает разным. Это лучше всего объясняет афонская традиция.

В. Н. Лосский писал: «Святогорский томос» различает свет чувственный, свет разума и Свет Нетварный, превосходящий как первый, так и второй. Свет разума отличен от того, который воспринимается чувствами: чувственный свет открывает перед нами предметы, соответствующие нашим чувствам, а свет ума раскрывает истину, которая пребывает в мыслях. Поэтому зрение и разум воспринимают не один и тот же свет. Но каждой из этих способностей свойственно действовать в соответствии со своей природой и в своих границах. Однако когда те, кто этого достоин, получают благодать и силу духовную и сверхприродную, они воспринимают как чувствами, так и разумом то, что превышает всякого чувства и всякого ума... Как? Про то знает только Бог и те, кто обрел благодатный опыт».

«Я не раз говорил, что подобные умы (соловьевского типа. – Ю.В.) при напряженном сосредоточении дают ощущать себя как свет; неясный, но свет, – пишет

старец Софроний (Сахаров). – И если он, ум, признает себя высшим проявлением человека и без любви сердечной предастся своим отвлеченным восхождениям к Абсолютному Бытию, то в некоторых случаях может дойти до люциферизма, с его убийственно холодным светом, беспощадным презрением к страданиям миллионов людей.

Наш ум создан по образу и подобию ума Первого – Бога. Ему, нашему уму, свойственен свет, ибо сотворен по образу Того, Кто есть Свет безначальный. Когда в опыте аскетических созерцаний о таинствах и тайнах Бытия Изначального он – ум – преступает порог времени и пространства, и для нас самих становится подобным свету, тогда человек стоит в опасности счесть сей естественный свет тварного ума за Нетварный, Божественный. В состоянии подобных аберраций ум человека создает мистические теории, которые, однако, не выводят его к подлинной сущей вечности, а доступны ему по тварному естеству» [76].

Так напряженные философские спекуляции Соловьева вызвали ощущение света. Но это было свойство его собственного ума, который был принят им за свет Софии – Премудрости Божией. Плотский гордостный ум всегда был склонен приписать божественность самому себе. Не без подсказок со стороны, конечно.

В православной России светоносная София-Шехина вскружила голову не только Вл. Соловьеву. В восхищение пришли многие. Это были, как правило, умы, раскаленные от интеллектуального поиска Абсолюта. Возникавшее «свечение» мыслящей плоти они принимали за благодать небесную. Становились визионерами. И тоже оказались в каббалистической кабале. Андрей Белый, Валерий Брюсов, позднее – о. Павел Флоренский...

Последний считал, что София и не Бог, и не тварь, но приобщена и Богу, и твари. Более того, София якобы «объемлет» собою всю тварь.

София как свойство Христа – премудрость Божия – освещает Истину. София соловьевская, булгаковская, флоренская показывает все в ином свете. «Находясь во власти своей ложной философии, – пишет о Флоренском священник Петр Андриевский, – он не может допустить даже мысли о погибели какого-либо творения Божия, ибо вся тварь в совокупности и составляет «Софию». Значит, должно произойти восстановление в первоначальном состоянии всего творения, включая нераскаянных грешников, бесов и самого князя тьмы – Сатаны. Но Флоренский знает, что ересь Оригена о прекращении вечных мучений и восстановлении грешников и бесов в первоначальном состоянии уже осуждена V Вселенским собором. И поэтому Флоренский находит, как ему кажется, выход: сам грешник спасется, а злые дела его будут гореть огнем неугасимым».

Но Ориген тоже не был первооткрывателем идеи «всепрощения». На что она похожа? На то, что пишут апологеты каббалы: «... все души соединятся с Богом в вечной радости, дьявол и все силы ада станут ангелами света, а сам ад рассеется». Пафос «оптимизма», продиктованного лукавым, таков: греха бояться не надо. Господь, дескать, все равно простит. Для нынешней «комфортабельной» эпохи это подходит как ни для какой другой.

В русской эмиграции было создано «Братство святой Софии». В него вошли С. Булгаков, Бердяев, Карташов, Франк и другие известные люди. «Братство плотной стеной окружило митрополита Евлогия, утвердившего их устав, и энергично повело свою работу, стараясь захватить исключительно господствующее влияние в зарубежной церкви, надеясь впоследствии подчинить ему и церковь в России» [24]. Эта деятельность

полностью соответствовала представлениям Соловьева о том, что отдаление гибели мира достигается не молитвами праведников, а совокупными усилиями организованного общественного союза.

Все эти великомудрые деятели стремились к «свету Софии». Очистил ли их этот огонь? Просветил ли свет? Или «пламя онгона» лишь вскипятило гордыню, помогло состряпать в клубах папиросного дыма варено философской «белибердяевщины»? Или сияние Зогара ослепило этих несчастных, стремившихся стать поводырями? Бедные жрецы Софии! Жрец – от слова «гореть».

Живя в эмиграции, «софианцы», конечно, знали, что «пламенные революционеры» оказались не очень похожими на горьковского Данко с его горящим сердцем. Они явились пышущими злобой исчадиями ада. Но догадывались ли философы, что огонь Софии-Шехины жжет? Что огонек в масонском алтаре и явился искрой, из которой разгорелось пламя? Слышали ли они весьма символические слова из гимна еврейского Бунда?

Довольно мы врагов своих любили,
Мы ненавидеть их хотим!
...Костер готов! Довольно дров найдется,
Чтоб на весь мир разжечь святой пожар!

А ведь лучшей растопкой – это еще до революции Мережковский признавал – была творческая интеллигенция: «Если теперь Россия – сухой лес, готовый к пожару, то русские декаденты – самые сухие и самые верхние ветки этого леса: когда ударит молния, оне вспыхнут первые, а от них весь лес».

Адский отсвет Люцифера они не отличали от Фаворского, освещающего главный путь христианина – к обожению. Поразительное непонимание демонстрирует Вл. Соловьев: «Монахи святой горы Афона – эти истинные представители восточной Церкви в ее особенности – вот уже долгие века тратят все свои силы на молитву и созерцание несотворенного света Фаворского... Но можно ли допустить, чтобы это душевное занятие составляло все в христианской жизни?»

«Я Свет миру; кто последует за мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8, 12). Следуя Соловьеву, получается так: можно ли допустить, чтобы стремление к Богу составляло все в христианстве?

Прокатолическому каббалисту, ему, очевидно, неприятны были воспоминания о победе в Византии святителя Григория Паламы и афонских исихастов над латинствующими философами в споре о Нетварном Свете.

«Варлаам Калабрийский со своими последователями Анкиндином и Никифором Григорой, твердо держась платонической мысли о том, что способность воображения... является единственно возможной связью между Божеством и человеком, а соединение с Богом может быть только умственным или символическим, полагали, что Свет на Фаворе был чувственным или же воображаемым. Такое представление о природе этого Света замыкает человека в его собственном бытии и ограничивает познавательные возможности миром чувственных вещей, оставляя для познания Бога только образы, постигаемые движением ума. Тело и органы чувств человека остаются при этом безучастными и, соответственно, обожению не подлежат» [64].

Антипаламисты высказывали не просто мнение ученых. В их построениях сконцентрировалась суть западных представлений о святости. Если встретиться

со Всевышним можно только в воображении, то это качество и нужно развивать. Отсюда – католическая восторженная мечтательность. Неудивительными становятся воображаемые встречи со Спасителем истеричек и истериков, записанных католиками в святые. Вот по какому пути «богоискательста» могла пойти и Восточная церковь, не будь опытного свидетельства свт. Григория Паламы и его сторонников. Не будь их вовремя сказанных слов о многовековом афонском опыте боговидения и различения духов.

Как отмечает святитель Григорий Богослов в 40-м Слове, не всякий свет является Божественным, а один свет ведет человека к Богу, другой же «обманчив, любопытен и противоположен истинному свету: он выдает себя за истинный свет, чтобы обольстить своим внешним видом» [64].

«Сам сатана принимает вид Ангела света, а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды; но конец их будет по делам их» (2 Кор. 11: 14,15).

Обожженный адом

Бывает, когда человек своим покаянием сам нисходит в адский огонь. Преподобный Силуан свидетельствовал, что вокруг него «адское пламя гудело», где бы он ни был. И началось это после молитвы о нем, о готовившемся в монахи солдате, святого праведного Иоанна Кронштадтского. «Держи ум свой во аде и не отчаивайся», – так сказал старцу Силуану сам Спаситель, и его пребывание в пополающем вечном огне пременялось на осияние от этого же огня.

Ученик преподобного Силуана, старец Софроний пишет: «По воскресении Своем Христос является исключительно тем, кто был способен воспринять Его уже в обоженной и просветленной плоти, пребывая невидимым для прочих людей. Так Свет Нетварный, «вся наполняяй», пребывает незримым для тех, кто не взыскал познать Бога всем существом своим. И опять, любопытная аналогия со светом физическим: он тоже невидим, если не находит воспринимающего и отражающего его предмета. При свете земного солнца природа становится великолепною для глаза. Свет же Божий, осиявший человека, делает его чудным образом преображенным: лица, самые банальные, как бы изуродованные грехом, в покаянной молитве озаряются Светом и видятся молодыми и даже прекрасными» [76].

Святитель Григорий Палама утверждает: «Тот, кто причастен Божественной энергии... сам как бы становится светом – он соединен со Светом и вместе со Светом видит совершенно сознательно все то, что остается сокрытым для лишенных этого благодатного опыта...»

Именно так было века спустя в далекой русской глубинке. Н. А. Мотовилов свидетельствует о своем

разговоре с преподобным Серафимом. «Тогда он взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне: «Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божиим с тобой: что же Вы глаза опустили, что не смотрите на меня?» Я отвечал: «Не могу смотреть, потому что из глаз Ваших молнии сыпятся. Лицо Ваше светлее солнца сделалось, и у меня глаза ломит от боли». Он отвечал: «Не устрашайтесь, Ваше Боголюбие, и Вы теперь также светлы стали, Вы ведь и сами точно в таком же именно свете находитесь благодатном, а то и видеть Вам того на мне нельзя было»...

Человек способен обожиться. А может стать обожженным. Все зависит от того, как приближается к аду – спускается в его бездны своим покаянием или идет на занимательную экскурсию под ручку с Мефистофелем. Что случилось с потемневшим лицом еще одного поклонника соловьевской Софии – Александра Блока?!

Кто ты, зельями ночными
Опоившая меня?
Кто ты, Женственное Имя
В нимбе красного огня?

Действительно, кто ты? Для «посвященных» – это вопрос риторический. Блок и другие масоны знали, какой это там красный огонек горит в алтаре ложи. Свет Шехины!

«Любопытно, что в трудах И. В. Лопухина, сподвижника Н. И. Новикова, «масон» определяется то как любовник Софии, то как ищущий Софии... Говорится, что масон находится в девственном браке с Софией и что в масоне сама София возжигает светильник, «путь к

ней освещающий»... В то же время София называется Небесной девой, которая рождает чад Премудрости, то есть тех же масонов».

Не от этого ли «облучения» Шехины столь странно потемнело лицо поэта?! Инфернальный загар так удивлял окружающих его людей! Но демонический «Серебряный век» гнул свою интеллигентскую линию. Евгений Иванов размышлял так: «Представьте себе, если бы мы по-человечески всем сочувствовали, [...] впитывали бы в себя все скорби мира, как губка впитывает воду в себя, – представьте, как бы исказилось [...] наше лицо [...] и не стало ли бы оно лицом Демона. [...] Лицом Бого-человека, прошедшего ад, не сродни ли было лицу обожженного адом Демона?»

Булгаков удивительным образом видел подобные вещи. На балу у Сатаны Маргарита видит, что «кожу на лице Воланда как будто бы навеки сжег загар».

«Евангелие» от Воланда

Однако вернемся к произведению Мастера.

Характерно, что в «евангелии от Воланда» перевернуты все смыслы. «...Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут!» Воланд-Буллит как бы закрывает путь к молитве – вопреки всем известным словам Писания:

«Просите, и дано будет вам (...) ибо всякий просящий получает» (Мф. 7, 7-8).

Профессор А. Ужанков добавляет: «В Москве происходит не просто искажение (профанация) Нового Завета, но откровенное его выворачивание наизнанку. Мирю на главу Спасителя возлила *падшая* женщина. Анна – в переводе значит *благодать*.

Аннушка пролила масло, чтобы голова Берлиоза была отрезана. Здесь наблюдается явная аллюзия: голова Христа – голова Берлиоза. Помните, что Иисус Христос – агнец Божий; чаша (потир) с причастием есть символ агнца Божиего. Примечательно, что на балу у сатаны пить вино будут из кубка, сделанного из головы Берлиоза. Причем эта голова первоначально исчезнет из гроба и появится она только на балу у Воланда. Здесь видится еще одна аллюзия – с обретением главы Иоанна Предтечи.

Что происходит в пятницу вечером в Москве? Начинается бал у сатаны! То есть, когда Христа нет на земле, сатана правит бал, который обретает смысл черной мессы – антилитургии. При этом «нехорошая квартира» № 50 трансформируется в новое пространство, а одна небольшая ее комната, когда в нее вошла Маргарита, чтобы встретиться с Воландом, отчетливо напоминает алтарь в храме».

У Булгакова не только Иешуа, но и «Воланд становится фигурой, пародийною по отношению к Спасителю. Он так же имеет как бы двойную природу, он, как и Бог Сын, является в мир в образе человеческом, именно как человек психологически достоверен, наконец, подвержен вполне земному недугу: ревматической боли в колене. Растирание Геллой (а затем Маргаритою) этого колена заставляет вспомнить грешницу, помазавшую ноги Иисуса и отиравшую их власами (Лк. 7, 38)» [23].

В романе Булгакова даже фиглярство не хаотично, как может показаться на первый взгляд. Оно движется строго параллельно церковному бытию. «События в Москве разворачиваются (как и в Ершалаиме) на Страстной седмице, начинаясь в Великую Среду – по календарю 1 мая 1929 года... Так, в то время, когда в храмах читается евангельский текст о женщине, разбившей алавастровый сосуд с миром, чтобы возлить его на голову Христа (Мк. 14, 3), Аннушка, разбивши бутылку, разливает масло на рельсы, в результате чего оказывается отрезанной (отрубленной) голова Берлиоза... Похороны Берлиоза, вынос его тела (лишенного украденной головы!) происходит в пятницу в три часа пополудни, когда на богослужении совершаются вынос Плащаницы, символизирующей тело Христово».

...У Гоголя связь текста и сакрального времени тоже очевидна. Но она – принципиально иная. Николай Васильевич устраивал чтения глав «Мертвых душ» в пасхальные праздники. «Показательно... желание писателя «вмонтировать» свой текст в самую сердцевину пасхальных событий, поместить его в животворящее силовое поле Воскресения, что, вероятно, спровоцировалось нарастающим субъективным ощущением всеобщей мертвенности живой жизни». Подобное стремление Гоголя связано не только с одним

знаменитым романом. «К Пасхе он пытается приурочить премьеру «Ревизора» (что должно было, по его ощущениям, особенно сработать), до «праздника» просит Плетнева задержать выпуск очередного номера «Современника», в котором будет опубликована новая версия «Портрета»... Исследователь В. Глянц еще и дальше продолжает этот показательный список. И далее пишет: «Так, шестая глава «Мертвых душ» – рукописание и вымысел – была «инкрустирована» в Пасхальные события (автор читал ее у Аксаковых. – Ю.В.), переживаемые как реальность; профанное вклинено в сакральное. Гоголь в этом случае выступил в качестве и драматурга, и режиссера далеко за пределами собственного текста, в надежде связать текст (вымысел) и контекст (реальность) в некое новое целое. Для него характерно это желание сделать свой текст частью действительности, самой жизни (чем иным продиктованы «Выбранные места?»), быть не просто писателем – деятелем... «Ревизор» был именно такой попыткой действия – не только воздействия». Действительно, Гоголь хотел вывести перед публикой ревизора из Петербурга, как проекцию Ревизора небесного, который рано или поздно сочтет грехи каждого. И – вызвать забытое покаянное чувство.

У Булгакова все иначе. Самозванное «Евангелие» по логике вещей должно стремиться прийти на смену Истине. Помните? «Мастер, уже опьяненный будущей скачкой, выбросил с полки какую-то книгу на стол, вспушил ее листы в горячей скатерти, и книга вспыхнула веселым огнем». В данном случае не могу не согласиться с Андреем Кураевым: «Это не рукопись самого Мастера, а именно книга. В обоих случаях книга не названа. Однако, только одна книга в европейской традиции не нуждается в уточнении названия и называется просто Книгой. Библия. Вот она-то горит – в отличие от пришедшего ей на замену манускрипта».

«Вечный огонь» из примуса

На Патриарших прудах хотели было поставить памятник Воланду с гигантским примусом. Не получилось. Поставят где-нибудь в другом месте. И булгаковскому Мефистофелю, и его свите... Помните ее? Нахальный Бегемот с грибком на вилочке. Голая красотка с копной рыжих волос и шрамом на шее. Коровьев (он же Фагот) в клетчатом пиджаке и разбитом пенсне. Азazelло с бельмом и с кинжалом в руке...

Они вызывают смех. Исследователь пишет: «... Воланд и его свита – виртуозные шутники, «прикольщики». Для них смех – это способ искушения людей. Они профессионально занимаются искушением, проверяя на подлинность богоподобие человека. Человек бытийствует в своем богоподобии или играет роль верующего в Бога, действительно молится и старается жить по заповедям Господа или лицедействует, демонстрируя перед другими свою «святость»? Вот вопрос, на который многие люди отвечают в угодном для дьявола смысле. Они в душе своей признают несерьезность, лукавство своего духа, они выбрали уже не жизнь, а игру в жизнь. Если духовный выбор сделан, то тотчас в жизни человека появляются великие шутники, такие как Коровьев, кот Бегемот, и предлагают ему сыграть жизнь по сценарию Воланда... Смех – очень серьезное дело...

Воин, вооруженный оружием смеха, задает правила боя в свою пользу. Нарядясь в одежду шута, дурачка, он всем своим видом свидетельствует, что он несерьезный противник, что он вышел на поле боя пошутить, посмеяться, а не биться насмерть. Противник принимает эти правила, откладывает свои воинские доспехи и

соглашается посмеяться. И в результате добровольного разоружения, потери бдительности, терпит поражение».

Свита Воланда – сплошь шутники. Между прочим, славянское слово шут этимологически связано со словами бес и бешенство. Изначально шутить – беситься, бесноваться.

Да, есть «приколы», которые вводят небезопасные «дозы». Недаром в Страстной службе ад называется «всесмехливым». Ад всем смеющимся, несерьезным. Враг отвлекает не только грехом, но и пустяком. «Очень часто в ритуалах богохульства в качестве важнейшего инструмента используется смех. При этом осмеянию подвергаются, в первую очередь, те социальные институты, которые в наибольшей степени вызывают у сатанистов беспокойство или волнующие эмоции» (Сандулов Ю. Тайный мир сатанистов. СПб., 1997). Не случайно популярнейшим жанром нашего времени стала пародия. Слышите звучание этимологии? Этот жар направлен «против оды», торжественной песни, то есть против высокого.

Казалось бы, свита Воланда – всего лишь паноптикум узнаваемых персонажей: потасканная официантка из забегаловки, спившийся московский интеллигент, жиган из Майкопа... Однако помните, как в конце романа они сбрасывают шутовские наряды? «На месте того, кто в драной цирковой одежде покинул Воробьевы горы, под именем Коровьева-Фагота, теперь скакал, тихо звеня золотую цепью повода, темно-фиолетовый рыцарь с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом». Они улетают в свою поднебесную стихию. И – поразительная деталь! Увидевшая их фигуры кухарка бессознательно подносит руку ко лбу, чтобы перекреститься, но застывает, услышав вопль: «Не смей! Отрежу руку!» Дар Булгакова не мог не обнаружить: надутая гордость демона, считающего себя едва ли равным Богу, боится кухаркиного креста!

Воланд бросает взгляд на московский пейзаж и остается довольным увиденным: «Новый Иерусалим стал атеистическим, и в нем исчезают православные храмы! Однако и гости не смеют дольше задерживаться, ибо в полночь с субботы на воскресенье Иисус Христос воскреснет и будет Его торжество на земле!»

Да, и Абадонна, и Гелла, и Бегемот, и Фагот, и Азазель – имена демонов. У Булгакова, конечно, нет случайных имен. В том числе и Берлиоз, голову которого отрезал трамвай. «Берлиоз – автор знаменитого произведения «Осуждение Фауста», в котором есть музыкальное изображение скачки и низвержения в преисподнюю «Пандемониум» Фауста с Мефистофелем, где их встречает хор демонов бесовским гимном на тарабарском наречии «Ури-Мури Карабрао...» Именно Берлиоз открыл для музыки этот дьявольский мир. Влияние его на русскую музыку было очень велико, а именно под прямым воздействием Берлиоза создана, например, «Ночь на Лысой горе» Мусоргского. «Беснование» в Хованщине, подобные элементы у Римского-Корсакова...» [47].

Полуразложившаяся красotka Гелла похожа на погубительницу младенцев дьяволицу Лилит. Согласно другой версии, имя «Гелла» Булгаков почерпнул из статьи «Чародейство» Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, где отмечалось, что на Лесбосе этим именем называли безвременно погибших девушек, после смерти ставших вампирами.

Имя Абадонны явно перекликается с апокалиптическим Авадоном-губителем; Гелла – «повелительница ада»; Бегемота, беса сладострастия, авторы «Молота ведьм» считали звериной ипостасью самого верховного дьявола. (Это еще и демон желаний желудка. Отсюда его необычайное обжорство, особенно в Торгсине, когда он без разбора заглатывает всё съестное.) Что касается Азазеля, демона пустыни, то

именно ему в праздник Искупления иудеи отводили «козла отпущения». Цель ритуала состояла в том, чтобы избавиться от зла, отправив его к своему изначальному источнику.

А Фагот? Что зловещего в названии музыкального инструмента? Композитор Георгий Свиридов подметил: «Фагот – инструмент дьявола. У Босха есть изображение черта с носом в виде фагота... Фагот – музыкальный инструмент, в звучании которого, особенно в подвижной музыке, есть нечто от гротеска. «Юмористическое скерцо» Прокофьева, сочиненное в десятых годах нашего века, когда демоническое, сатанинское было в большой моде, написано для четырех фаготов соло» [47]. Так что «смешные» и динамичные похождения бесов в Москве, следовало бы сопровождать звучанием фагота.

Получается, из обещанного скульптором примуса впору запустить «вечный огонь». Или «огненного змея»? Чтобы «огнем природа обновилась».

Вот какая получается композиция! Памятник дьявольской обыденности, которая до поры до времени глумливо припрятывает свои inferнальные черты. У Гоголя было иначе. Внимательный взгляд, наоборот, мог увидеть inferнальное в том, что кажется до смешного повседневным. Черты мелкого беса (и даже антихриста, пришедшего во имя Ревизора) – в Хлестакове. Воплощение страстей в губернских чиновниках и обывателях. И, наконец, – неподвижность и бессильное молчание перед Судией-Ревизором в завершающей немой сцене.

Сам Гоголь, сжегший второй том «Мертвых душ» (считал его соблазном), перед смертью громко сказал: «Лестницу, поскорее давай лестницу!» (Подобное, умирая, произнес свт. Тихон Задонский). А Булгаков думал не о подъеме ввысь, не о небе. О романе. «Чтобы знали»... Увы, рукописи сгорают. Душа же вечна.

Да, в марте 1930 года Булгаков уничтожил рукопись первого варианта своего романа. Но как! Отрывал две трети, сжигал их, оставляя треть возле корешка тетради. При желании, роман можно было бы легко восстановить по началу фраз. Но ведь Бога не обманешь! Значит, не страх Божий, а другой страх двигал Михаилом Афанасьевичем! Очевидна параллель с самим Мастером, сжегшим рукопись, но признавшимся Маргарите, что он помнит ее наизусть. Тогда Воланд и заметил: «Рукописи не горят».

Булгаковское сжигание только внешне напоминает поступок его учителя в литературе. Гоголь, как мы помним, сжег второй том «Мертвых душ». Таково было чувство ответственности за высказанное слово: его духовный наставник отец Матфей Константиновский заметил как-то, что за каждое слово писатель ответит пред Богом на Страшном суде.

«Чего же испугался отказавшийся от Бога Булгаков? Для «уничтожения» романа были серьезные причины: его название 1929 года – «Консультант с копытом» и само описание персонажа. Дело в том, что в конце 1920-х годов по Москве стали распространяться слухи, будто бы у Сталина сросшиеся на ногах пальцы – то самое «копыто». Поэтому Булгаков, прежде всего, выдрал несколько страниц, где описывается консультант с копытом, чтобы не возникло никаких аллюзий со Сталиным, а потом уже сжег 2/3 своего романа».

...Не многие знают, как появилась Голгофа на могиле Булгакова. Досталась от Гоголя, когда прах великого писателя переносили в другое место. А креста там нет. Михаил Афанасьевич не хотел. Воланд отсоветовал? Нет, он отнюдь не бесстрастный судебный исполнитель.

Только после смерти тела душа Булгакова могла понять, что сатана как раз лично заинтересован в каждом.

«Я никак не могла найти того, что бы я хотела видеть на могиле Миши – достойного его, – вспоминала жена писателя. – И вот однажды, когда я по обыкновению зашла в мастерскую при кладбище Новодевичьем, – я увидела глубоко запрятавшуюся в яме какую-то глыбу гранитную. Директор мастерской, на мой вопрос, объяснил, что это – Голгофа с могилы Гоголя, снятая с могилы Гоголя, когда ему поставили новый памятник. По моей просьбе, при помощи экскаватора, подняли эту глыбу, подвезли к могиле Миши и водрузили. С большим трудом, так как этот гранит труден для обработки, как железо, рабочие вырубili площадочку для надписи: Писатель Михаил Афанасьевич Булгаков, 1891-1940 (четыре строчки. Золотыми буквами). Вы сами понимаете, как это подходит к Мишиной могиле – Голгофа с могилы его любимого писателя Гоголя... Эту глыбу – морской гранит – привез Аксаков специально для могилы Гоголя...» (Дневник Елены Булгаковой. М., 1990. Письмо Н. А. Булгакову, 16 января 1961 г.).

Помните, Михаил Афанасьевич, как написано было у любимого вами Николая Васильевича про смерть прокурора (в «Мертвых душах»)? «Только тогда с соболезнованием узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя он по скромности своей никогда ее не показывал».

Бумагия

«- Воробьевский! - завизжала Маргарита. - Воробьевский! Да ведь это же он! Это он погубил мастера...»

Переиначенная цитата, конечно, - шутка. Но я представляю себе, как завизжат нечто подобное околотелитературные ведьмы и критики с Лысой горы. Булгаков - культовая фигура и трогать ее нельзя.

- А почему нельзя?

- Потому что - великий талант.

- Согласен. Получил его от Бога. И от Господа же получил свободу воли. Сделал свой выбор в литературном творчестве.

- Да ему и в голову не приходили замыслы, которые приписывают ему и православные, и иудейские критики!

- Очень даже может быть. Булгаков порой писал то, чего не мог знать, и у него получались вторые планы, которые он не задумывал. Это и называется ментизм. Проще говоря, - подчиненность воли (хотя бы и частичная) миру зла. Этот мир как раз не свободу дает. Он - узурпатор. Всегда пытается присвоить дар Божий. Отсюда - рукопись «Театрального романа», написанная без единой помарки, как бы под диктовку. Отсюда и есенинская «Инония».

- Как, вы и Есенина не любите?!

- Я-то люблю. И не хочу верить, что богохульственные стихи он написал не в состоянии одержимости, а своей волей.

Напомнить?

Хрестоматийное воспоминание о нем гуляет в милом березовом ситчике, а ведь было и другое:

Проклинаю тебя я, Радонеж,
Твои пятки и все следы!»

А это:

Зреет час преображенья,
Он сойдет, наш светлый гость,
Из распятого терпенья
Вынуть выржавленный гвоздь.

Как? Что? Почему он написал такое? Спьяну? А что это значит – спьяну, не помня себя – в духовном смысле?! Ну, мы уже говорили об этом...

В четвертом издании известной книги «Отец Арсений» читаем воспоминания о Есенине: «От христианства, Иисуса Христа, Церкви, православия он отрекся еще в 1918 году, написав оскорбительно-кощунственное стихотворение, называемое «Инония», и никогда не считал написанное ошибкой...

Когда он писал стихи, на него нисходило озаряющее творческое вдохновение, даже не всегда понятное ему самому, но если стихи или поэма были уже написаны, он становился ограничен, беден, бессодержателен, тускл».

Итак, «Инония»:

...Время мое припело,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело,
Выплевываю изо рта.
Не хочу воспринять спасение
Через муки его и крест:
Я иное постиг учение
Прободающих вечность звезд (...)
Ныне ж бури воловьим голосом
Я кричу, сняв с Христа штаны:

Мойте руки свои и волосы
Из лоханки второй луны.

И далее, в тех же воспоминаниях, – очень характерно: «В нем как бы жили одновременно или по очереди несколько человек: 1) гениальный лирик, человек, пытающийся иметь свою собственную философию, но ничего в ней не понимающий, поэт нежных «персидских» мотивов, лирик природы и женщин, 2) «черный человек» и 3) человек, по воспитанию в церковно-приходской школе, – православный».

Понятно, сколь обидно и возмутительно читать все это поклоннику Есенина. Однако, если отместить версию его одержимости, получается, что ту же «Инонию» сочинил не бес, а он сам. (Как писал афонский старец Иероним, хулит Бога не сам человек, а всегда – бесы.)

Сам, своею, еще не поработанной волею, он писал другое:

Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов,
Я поверил от рожденья
В богородицын покров.

А потом удивительная прозрачность замутилась. Судя по стихам, за год-два до революции что-то произошло в борьбе за его душу. Кто-то постучал в нее, и он открыл дверь.

С каждым днем я становлюсь чужим
И себе, и жизнь кому велела.
Где-то в поле чистом, у межи,
Оторвал я тень свою от тела.

Со времени этого «раздвоения» его душа лишь иногда прорывается криком:

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

Но нет, его ждет другая смерть. Он сам писал об этом: «В зеленый вечер над окном на рукаве своем повешусь»... Провозвестник самоубийства вновь на пороге:

Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнусавя надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.
Черный человек,
Черный, черный!

Так загадка его повешения получает еще одну версию: а не повторил ли замечательный поэт судьбу доктора Фауста? «Народу присуще то воззрение, – пишет классик отечественной этнографии, – что человек не сам лишает себя жизни, а доводит его до самоубийства, иногда даже непосредственно убивает, топит черт, леший. Меланхолическое настроение перед самоубийством, душевное расстройство считаются дьявольским наваждением; раздвоение сознания, разговоры и препирательства с невидимым кем-то... народ понимает как борьбу с нечистой силой; когда же больной самовольно прекращает свое существование, народ выражается половицей: черту баран!» [70].

Нет, Фауст никуда не ушел со своим лукавым визави. В Россию, в ее XX век, Мефистофель явился вновь. Влетел на юбилейной волне – в 1899 году весь культурный мир отмечал 150-летие со дня рождения Гёте. Зыбкий демон утвердился в мраморе Антокольского. Грозовым хохотом Шаляпина полетел под сводами Большого театра: «Люди гибнут за металл,

/ Сатана там правит бал...» Но главное – уже позже – сделал для него Михаил Булгаков. Ради этих стараний диавол и отозвал от писателя демона самоубийства.

– Вот такие вы, «патриоты»! Французы, например, с каким-нибудь задрипанным Мопассаном до сих пор носятся как с писаной торбой, а ведь не чета гигантам русской литературы. То, чем вы занимаетесь – охаивание национальных святынь!

– Коли уж так, позволим себе отступление и о Мопассане.

Мурашки идут по коже от опыта, который имел каббалист Авраам Абулафия! Он-то знал, кто встречается на пути медитаций. И предостерегал своих последователей: «После многих движений и сосредоточения на буквах волосы на голове твоей встанут дыбом, кровь твоя вострепещет, все тело твое будет охвачено дрожью, и трепет падет на все члены твои, и ощутишь ты в себе некий новый дух, укрепляющий тебя...» [5]. Абулафия предупреждал учеников: перед вами может возникнуть астральный «двойник»... Что это за сущность, показывает судьба одного знаменитого гоя – совсем из другой эпохи.

...Мопассан любил шокировать публику. Мог, например, спросить: а пробовали ли вы человеческое мясо? И слизывал красным языком капли шампанского с торчащих усов. Дамы кокетливо пугались.

Писатель вообще немало потрудился, чтобы противоестественное стало нормой. Порой он даже сам не понимал, почему приходит в бешенство, когда речь заходит о том, что дано Богом. «Он становится насмешливо-злобным, когда при нем говорят, что материнство прекрасно... Мопассан не приемлет обычные человеческие отношения». (По образному выражению прп. Исаака Сирина, ум, увлекаясь чувствами, вместе с ними «ест звериную пищу»). Это

вызывает у публики оживленный интерес – никто еще не замечает в нем безумия. Эмиль Золя даже пишет: «Мопассан является выразителем здоровья и силы нашей расы. Ах, какое блаженство иметь право прославлять, наконец, одного из наших, человека с доброй, светлой и солидной головой, создателя прекрасных фраз, блестящих, как золото, и чистых, как бриллиант!»

Любитель тления Бодлер

Литературное окружение было Мопассану под стать. Но Бодлер, кстати, в отличие от Золя, понимал, что к чему: «Я всегда был одержим невозможностью объяснить некоторые импульсивные действия и мысли человека без гипотезы злой внешней силы». Это ему принадлежит знаменитая фраза «Дьявол стремится убедить нас в том, что его не существует». Но он – здесь:

Мой Демон – близ меня, – повсюду, ночью, днем,
Неосязаемый, как воздух, недоступный,
Он плавает вокруг, он входит в грудь огнем,
Он жаждой мучает, извечной и преступной.
Он, зная страсть мою к искусству, предстает
Мне в виде женщины, как божество, прекрасной
И, повод отыскав, вливает грубо в рот
Мне зелье мерзкое, напиток Зла ужасный.
И заманив меня, – так, чтоб не видел Бог, –
Усталого, без сил, скучнейшей из дорог
В безлюдье, в страшную пустыню Пресыщенья,
Бросает мне в глаза сквозь морок, сквозь туман
Одежды грязные и кровь открытых ран, –
И мир, охваченный безумством Разрушенья.

Было время, когда Мопассан, этот фатоватый позер (Максу Нордау он напоминал «вышедшего на легкие воскресные приключения унтер-офицера») изощрялся в атеистической иронии по поводу дьявола. Потом стало не до смеха. В его страшной судьбе inferнальное соавторство проявилось, может быть, в самой откровенной форме.

«Когда в 1889 году Мопассан работал над «Нашим сердцем», у него была галлюцинация, которую он описал в тот же вечер. Писатель сидит за рабочим столом. Дверь отворяется. Он оборачивается. Это входит он сам. Мопассан садится перед Мопассаном и берет его голову в руки. Ги с ужасом смотрит на того, другого. Не выпуская голову из своих рук, Двойник начинает диктовать. И Мопассан пишет. Когда он поднимает глаза, Двойника уже нет».

«Вот уже третий раз он прерывает мою работу. Сначала лицо его было расплывчатым и безразличным, как отражение портрета в зеркале. В тот раз он не заговорил со мной... Во второй раз этот призрак,

похожий на меня более чем брат, показался мне реальнее. Он действительно расхаживал по моему кабинету; я слышал его шаги. Затем он опустился в кресло. Движения его были непринужденны и естественны, словно бы он находился у себя дома: после его ухода я обнаружил, что он перекладывал мои книги с места на место... И только в третье его посещение я уловил, наконец, о чем думает мой «двойник». Его раздражает мое присутствие, он недоволен тем, что я существую. Он ненавидит и презирает меня – и знаешь почему? Да потому, что он считает, что только он один подлинный автор моих книг! И он обвиняет меня в том, что я его обкрадываю»... Тогда не было еще Юнга: он бы посоветовал «примириться» со своим темным двойником.

А вот еще мелькнула тень... Эрнст Теодор Амадей Гофман, писатель-романтик – то ли он сам, то ли кто-то на него похожий. «Через всю его жизнь – и одновременно через творчество – красной чертой проходит резко выраженная раздвоенность, расщепленность его личности, мыслей, эмоций, поведения. Гофман ведет двойной образ жизни, всегда любит одновременно двух женщин; охотно выставляет себя на обозрение, чтобы потом наглухо замкнуться в себе; он добродушен и язвителен, любвеобилен и равнодушен, элегантен и небрежно одет, пылок и холоден; он и бюргер, и представитель богемы, фантазер и рационалист.

Ощущая в себе это раздвоение личности и понимая, что это грозит безумием, Гофман изобретает – впервые в истории литературы! – особый литературный прием: он создает своего двойника. В ряде его рассказов у литературного героя появляется двойник в качестве его антипода. Особенно изощренно и виртуозно этот прием разработан в романе «Эликсир сатаны»... литературный

герой и его двойник непрестанно меняются местами, один заменяет другого, они переплетаются и т. п.

Создавая феномен двойника, Гофман как бы избавляется от своего раздвоения и облегчает свое психическое состояние. Стоит упомянуть о том, что в своих дневниках он прямо пишет о «двойнике» и о том, что он страдает раздвоением души... С легкой руки Гофмана идея «двойника» зашагала по страницам мировой литературы. Эдгар По – «Вильям Вильсон», Достоевский – «Двойник», Стивенсон «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» и др.» [10]. В какой-то мере это касается и Алисы (в стране чудес). Помните? Едва выпила из склянки, и тут же стала видеть себя со стороны.

По поводу Эдгара По психиатрии также остается только недоумевать или строить беспомощные догадки: «Интересно, что наряду с рассказами, густо пропитанными психопатологией (а таких у Эдгара По большинство), есть у него и ряд рассказов, поражающих не только литературным мастерством, но и железной логикой и ясностью мысли. Сюда относятся, в частности, детективные рассказы... Здесь невозможно сказать: то ли вторая категория рассказов была создана в периоды просветления в психиатрическом состоянии писателя, то ли раздвоение личности По – при его феноменальном интеллекте – позволяло ему творить в двух ипостасях» [10].

«Раздвоения» известны науке, но речь должна идти о вещах, гораздо более глубоких, чем психиатрическое понятие о шизофрении. В чем духовная подоплека феномена «двойника»? Бесы могут иметь видимость, но тела у них нет, нет рук и пальцев – нечем пером или кистью водить. По словам Антония Великого, мы сами становимся для демонов телами, принимая от них помышления.

Являться в виде «двойника» – давняя привычка дьявола. Современная каббалистика, хоть и пытается объяснить это едва ли не галлюцинациями, тем не менее, обнажает суть явления: «Понятие «двойник» или «Духовный водитель» (целем), стало устойчивым элементом каббалистического учения, несмотря на связанные с ним сомнительные ассоциации... Этот уровень медитации, на котором дыхание должно стать настолько глубоким и медленным, что его почти невозможно различить, Абулафия называл «Обиталищем духов» или «Третьей ступенью лестницы». Он соответствует той стадии медитации Меркабы («Колесницы» Иезекииля. – Ю.В.), на которой мистик встречает эфирную форму себя самого... Но если он не был достаточно осторожен, встреча с мысленной проекцией своего «я» могла причинить ему вред. Ангельские существа, проводники и помощники, могли в мгновение ока преобразиться в шедим – опасных демонов».

Читаем адептов еврейского оккультизма дальше: ««Двойник», которого каббалисты, работавшие с перестановкой букв в традиции Абулафии, воспринимали в состоянии сенсорной дезориентации, представлял собой возвышенное, более чистое подобие «я» самого мистика (то, что древнегреческие неоплатоники называли «даймоном»)...

Но среди тех, кто встал на путь Абулафии уже после его смерти, оказалось немало таких, кто в своих попытках призвать духовного водителя преследовал куда менее возвышенные цели. Повальное увлечение общением с небесными сущностями не ослабевало в каббалистических кругах с XVI по XVIII век. Провансальский каббалист Иаков из Марвежа даже составил руководство по «вопросам к небесным вестникам», а рабби Иосиф Тайтазак проводил коллективные вызывания духовных водителей». [5].

В жизни Мопассана функцию каббалистических медитаций, открывающих доступ к иному миру, сыграли сексуальные оргии, заработанный сифилис, наркотики. Сказалась, конечно, и наследственность. Мать писателя Лора признавалась: «Я стара и очень больна, и наркотики, которые я пью целыми стаканами, окончательно истощают мою память». Брат Мопассана Эрве умер в сумасшедшем доме.

И вот, ссылаясь на психиатров, пресса пишет: «Его мозг представляется ему самому лишенным мысли... Он сознает, что образовалась какая-то пустота».

И «пустота» изрыгает безумие: «Бог изрек во всеуслышанье на весь Париж с высоты Эйфелевой башни, что господин де Мопассан – сын бога и Иисуса Христа!»

«Люцифер убил себя мадерой. Все женщины мира были обещаны мною!»

«Я убью бога, заразив его черной оспой!»

«Бог, вы самый ничтожный из всех богов! Я запрещаю вам со мной разговаривать! Вы просто идиот! Дьявол, убейте бога!.. Люцифер, я кончил. Весь мир будет принадлежать мне!.. Вы же знаете, что языческие боги любят меня!»

Все это попадает в прессу, но отнюдь не снижает почитания Мопассана. Публика поклоняется ему как прежде. А ведь он свихнулся не от несчастного случая, не от того, что случайно ударился головой. Наследственное сумасшествие тлело в нем всю жизнь. Эта дьявольская эманация всегда влияла на творчество, так восхитившее безумный Париж, а за ним и весь безумный мир!

Конец жизни богохульника таков: блуждающий взгляд, разинутый рот. И последние слова: «Тьма! О тьма!» 6 июля 1893 года «двойник» поволок его в черное пламя.

Да, они любят хвалить себя. «Прекрасная Франция», «добрая старая Англия». А у нас – Святая Русь. Не потому что все святые. Потому что всегда был идеал святости. К нему стремились. И не могли не каяться в своих грехах. Есть соблазнительные грехи и у нашей великой литературы. Она ведь так воздействовала на реальность, что как бы становилась разновидностью магии. Точнее, бумаги... Не будем обсуждать, был ли прав В. Розанов, который писал, что именно литература погубила Россию, но грехи есть. И измена Христу – тоже. Поэтому давайте оценивать шедевры, исходя из высочайших идеалов Святости и Истины.

– Что такое истина? – скептически вопрошает Пилат.

Христос здесь безмолвствовал. Все уже было сказано, все возвещено. И что было говорить тому, кто стоял перед Истиной – и не видел ничего в духовной слепоте своей.

Иешуа же многословен чрезвычайно:

«– Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе даже трудно глядеть на меня. И сейчас я невольно являюсь твоим палачом, что меня огорчает. Ты не можешь даже и думать о чём-нибудь и мечтаешь, чтобы пришла твоя собака, единственное, по-видимому, существо, к которому ты привязан. Но мучения твои сейчас кончатся, голова пройдет».

Истина оказывается лишь отражением быстротекущего времени. Головная боль. Эта «истина» толчком разбудила Булгакова за несколько месяцев до смерти.

Жена записала: «1 октября 1939 г. Разбудил в семь часов – невозможная головная боль. Не верит ни во что. О револьвере. Слова: отказываюсь от романа. Отказываюсь от всего, отказываюсь от зрения, только чтобы не болела так голова».

Одно верно: царство абстрактной и туманной справедливости в трактовке Иешуа - это царство головной боли.

Пусть идолы молчат

Твардовский как-то написал о бездарных словах: им не сойти с бумаги. У Булгакова было, конечно, не так. Под его пером фантазии обрели такую «плоть и кровь», что как бы живыми сошли со страниц в наш мир.

Талант – дар Божий. Дарование – это то, что дается безвозмездно, но обязывает, призывает служить людям. Только в русском языке существует слово «призвание». Почти всегда призвание – подвиг. А в России чаще всего – крест. Нести его – ох как тяжело! На этом пути одаренные нередко становятся одержимыми.

Но ведь талант одержимых авторов создал и множество замечательных произведений! Порой – возносящих смысл их творений едва ли не к Престолу Божию! Разве нет удивительно высоких, духовных строк у Цветаевой, Лермонтова, Гёте? Конечно, есть. Но будем помнить: Спаситель заставил замолчать бесов, даже когда они называли Его Господом.

Род сей изгоняется постом и молитвой. Даже неофит сейчас знает это. А «великие», как боролись со злой силой они? И боролись ли вообще? Лютер считал, что рогатый бежит от насмешки, но когда страшный посетитель оказывался более остроумным, чем он сам и загонял его своими доводами в тупик, то в ярости бросал в него чернильницей... (Существует легенда, что в час смерти Лютера все демоны города Малина в Брабанте вышли из тел одержимых и исчезли, появившись вновь лишь на следующий день. Когда экзорцисты, вступая с ними в диалог, спрашивали, куда они отлучались, те отвечали: «Мы были, по приказу нашего князя, на похоронах Мартина Лютера, которого мы весьма почитаем». – Collin de Plancy J. Dictionnaire infernal. 6-me ed. Paris. 1863). С тех пор контактеры стали относиться к

бесам уважительнее. Подобной вольности себе не позволяют. Разве что в литературе. Помните, в «Братьях Карамазовых»? Иван запускает в беса стаканом с вином, но тот остается целым, даже вино не расплескалось – лукавый чаще всего не любит оставлять материальных следов своего присутствия. Впрочем, Есенин – спьяну – швырял в страшного посетителя чем ни попадя. И, похоже, не только в своей фантазии:

Черный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится».
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...

Нынешние контактеры толерантны. Добросовестно выполняют возложенную инфернальным миром задачу. И за это их ставят на постамент. Однако вспомним жития святых – как повергали они лгущих истуканов? Молитвой Господней!

Предание говорит нам, что при рождении Спасителя рассыпались многие кумиры и онемел Дельфийский оракул. Так же и в агиографической литературе. Например, о св. Георгии: «Святой, подойдя к идолу Аполлону и подняв к нему свою руку, спросил его, бездушного, как бы живого: «Ты ли это хочешь принять от меня жертву, как Бог?» Сказав это, святой осенил идола крестным знаменем. Бес же, живший в сем идоле, отвечал: «Нет, я не бог. Один только есть Бог, Которого проповедуешь ты, а мы же из ангелов, служащих ему, сделались отступниками и, одержимые завистью, прельщаем людей». Святой снова сказал ему:

«Как же ты смеешь пребывать здесь, когда пришел я, слугитель истины?» После этих слов некоторый плачевный голос исходил от идолов, и потом они вдруг все упали и разбились». Было это ровно 1700 лет назад. А вот – в наши дни: «Автору достоверно известен случай, происшедший в середине 1990-х гг. в Казанском соборе Санкт-Петербурга. В то время в соборе, бывшем в советские годы музеем религии и атеизма, уже совершались богослужения. Экспонаты музея частью были спрятаны в запасниках, самые громоздкие составили в одном из приделов собора. В этом приделе как раз и совершалось Таинство Крещения. Во время отречения от сатаны священник попросил всех повернуться на запад. Так получилось, что перед лицами повернувшихся на запад людей оказались поставленные в угол и накрытые материей статуи каких-то античных богов. «И дунь и плюнь на него...» – продолжал таинственное делание священник. Оглашаемые дунули, плюнули и повернулись обратно, лицом к священнику. В тишине храма послышался тихий треск, как будто что-то лопнуло, и через мгновение из-под материи, накрывавшей языческие статуи, вывалился и с грохотом упал на пол кусок головы одной из статуй... Впоследствии музейные работники обвиняли священнослужителей в порче музейного имущества».

Что видит взгляд визионера? Старинная обложка одной из книг Беме

«Имущество» же это, судя по его поведению, не было бездушной косной материей. Идолы десятилетиями выполняли богоборческую задачу а значит, служили прибежищем для беса неверия.

При возвращении Христа в наше сердце – пусть онемееет озвученная человеческими кумирами демоническая «классика». Пусть разрушатся и идолы, и навязанные ими идеалы.

Лев Толстой как зеркало троллей

На писательской дискуссии в «Доме Герцена» Булгаков как-то сравнил явление Толстого в русской литературе с явлением Христа народу для верующего христианина.

- Я, - добавил Михаил Афанасьевич, - требовал и требую, чтобы самый факт существования в нашей литературе Толстого был фактом, обязывающим любого писателя.

- Обязывающим к чему? - спросил кто-то из зала.

- К совершенной правде мысли и слова, - провозгласил Булгаков. - К искренности до дна. К тому, чтобы знать, чему, какому добру послужит то, что ты пишешь! К беспощадной нетерпимости ко всякой неправде в собственных сочинениях! Вот к чему нас обязывает то, что в России был Лев Толстой!

Что ж, возможно, Лев Николаевич и стремился быть искренним до дна. Только у греха, проповедником которого он был, дна нет. В духовном мире есть место, которое так и называется: бездна... Впрочем, поговорим об этом подробнее.

Когда я вспоминаю слова Ленина о том, что Толстой является зеркалом русской революции, я почему-то всегда вспоминаю фрагмент из сказки Андерсена «Снежная королева», который обычно опускают в детских изданиях. Итак, «Жил-был тролль, злой-презлой - сущий дьявол! Как-то раз он был в особенно хорошем настроении, потому что смастерил зеркало, отражаясь в котором все доброе и прекрасное почти исчезало, а все плохое и безобразное, напротив, бросалось в глаза и казалось еще отвратительней...

Ученики тролля, – а у него была своя школа, – рассказывали о зеркале, как о каком-то чуде.

– Только теперь, – говорили они, можно видеть людей, да и весь мир такими, какие они на самом деле!

И вот они принялись носиться по свету с этим зеркалом; и скоро не осталось ни страны, ни человека, которых оно не отразило бы в искаженном виде. Напоследок ученикам тролля захотелось добраться до неба, чтобы посмеяться над Ангелами и Господом Богом. И чем выше они поднимались, тем больше кривлялось и корчилось зеркало, строя рожи, – трудно было в руках его удерживать. Все выше и выше, все ближе к Богу и Ангелам летели ученики тролля, но вдруг зеркало так перекошилось и задрожало, что вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги... Некоторые осколки, крошечные, как песчинки, разлетаясь по белу свету, падали, случалось, в глаза людям, да так там и оставались. И вот человек с осколком в глазу начинал видеть все наыворот или замечать в каждой вещи одни лишь ее дурные стороны... Другим людям осколки проникали прямо в сердце, – и это было хуже всего: сердце тогда превращалось в кусок льда».

Только с осколком демонического зеркала в сердце можно было, например, восхвалять террористов, как делал это Толстой. Об убийцах Государя Александра II он отзывался так: «Лучшие, высоконравственные, самоотверженные, добрые люди, какими были Перовская, Осинская, Лизогуб и многие другие». И о «гонимом народе», в письме к В. Соловьеву, он писал о своем сознании «братской связи со всеми народами и тем боле с евреями, среди которых родился Христос и которые так много страдали и продолжают страдать от языческого невежества так называемых христиан». Отличная цитата для урока толерантности!

Лев Толстой, как и Булгаков, креста не носил. У него был медальон с изображением такого же морализатора,

склонного к вселенскому учительству, как и он сам – Руссо.

Его устами бездна провозглашала: «То, что я отвергаю непонятную троицу и... кощунственную теорию о боге, родившемся от девы, искупающем род человеческий, то это совершенно справедливо». «Посмотрите на деятельность духовенства в народе, и вы увидите, что проповедуется и усиленно внедряется одно идолопоклонство: поднятия икон, водосвятия, ношение по домам чудотворных икон, прославление мощей, ношение крестов и т. д.» Да, судя по этому перечню, Толстой был старательным учеником московского раввина Соломона Моисеевича Минора (который, кстати, отмечал, что граф знает и Талмуд).

Талмудическое мудрование – главное в отношении Льва Николаевича к священным текстам. И в этом, как мы убедимся позднее, у него есть нечто общее с Булгаковым. «Методика создания ереси прекрасно показана в статье Толстого «Как читать Евангелие». Он советует взять в руки сине-красный карандаш и синим вычеркивать места, с которыми ты не согласен, а красным подчеркивать те, что по душе. По составленному таким образом личному Евангелию и надлежит жить.

Сам Толстой обкорнал начало и конец Благовестия (Воплощение и Воскресение). И в середине Христос был понужден на каждое свое слово смиренно просить разрешения яснополянского учителя всего человечества... Чудеса Лев Николаевич Иисусу вообще запретил творить»... (Диакон Андрей Кураев. Традиция, Догмат. Обряд. Москва-Клин, 1995).

«Насколько серьезно было противостояние Церкви и Толстого, можно судить по дневниковым записям отца Иоанна Кронштадтского:

«6 сентября. Господи, не попусти Льву Толстому, еретику, превзошедшему всех еретиков, достигнуть до

праздника Рождества Пресвятой Богородицы, Которую он похулил ужасно и хулит. Возьми его с земли – этот труп зловонный, гордостью своею посмрадивший всю землю. Аминь».

Этот дневник Иоанна Кронштадтского не был предназначен для печати и впервые опубликован недавно. Запись от 6 сентября (накануне дня рождения и юбилея Толстого, которому 8 сентября 1908 года должно было исполниться 80 лет, это событие широко отмечали в России и во всем мире) сделана в 9 часов вечера...» (Басинский П. Горький. М., 2006, 107).

В письме к Александру III Победоносцев назвал Толстого: «фанатиком, заражающим своим безумием» тысячи наивных людей.

Какой же «проект» был поручен Толстому? Перекорезивание Евангелия? Писал же он весной 1889 года: «Созревает в мире новое мирозерцание и движение, и как будто от меня требуется участие – провозглашение его. Точно я для этого нарочно сделан тем, что я есмь с моей репутацией, – сделан колоколом». Поистине мессианские амбиции! Их развивал в Толстом некий голос. Вот запись от 25 мая того же года: «Ночью слышал ГОЛОС, требующий обличений заблуждений мира. Нынешней ночью ГОЛОС говорил мне, что настало время обличать зло мира...» Да, недаром Победоносцев писал о богостроительстве графа: словно бес овладел им.

Богохульник скакал по яспонополянским окрестностям на гнедом жеребце, которого назвал Бесом. А невидимый бес сидел за спиной графа. Как на древней печати рыцарей-храмовников – два всадника на одном коне. Что ж, давний предок писателя Анри де Монс и принадлежал к тамплиерскому роду. Шарахнувшись от костра инквизиции, в XIV веке прибыл на Русь. И страшный крик последнего Великого Магистра ордена Жака де Моле, его вопль из пламени:

«Отмщение, Адонаи, отмщение!», – через столетия зазвучал в душе тамплиерского потомка.

На интересные подробности графского герба Толстых обращает внимание исследователь Н. Ставров. Креста здесь нет, но есть косой крест – символ Шотландского масонства. Здесь же – еще в начале XIX века – была шестиконечная звезда...

Характерный эпизод из детства двухлетнего Лёвы. Однажды он увидел, как мать занесла руку, чтобы перекрестить сына, и в этот момент дико закричал и, извиваясь всем телом, стал вырываться из рук тех, кто хотел подвести его под благословение умирающей матери.

Как Толстой не открещивался всю свою жизнь от того, что принадлежит к области мистического, однако и ему, судя по одной сцене, описанной Чертковым в его статье о последних днях Толстого, пришлось все-таки коснуться этих жутких восприятий, пришлось их ощутить еще до перехода в мир иной, пришлось с ними встретиться по эту сторону смерти у самого ее порога».

Вот эта сцена, описанная г-ном Черковым, – сцена начинающихся предсмертных видений Толстого.

Говоря о том, что было с умиравшим Толстым 4 ноября, г-н Чертков, между прочим, пишет: «Глядя перед собой в постель, Лев Николаевич спросил Душана (доктора Маковицкого): «Что это?» Душан ответил: «Это одеяло». – Лев Николаевич: «А дальше что?» – «Кровать». – «Ну, вот теперь хорошо», – завершил Толстой с облегченным видом».

Итак, судя по этому чертковскому изложению, Толстой, оказывается, увидел здесь что-то, что его взволновало, но при опросе Маковицкого успокоился... Пронеслось перед Толстым что-то и исчезло – исчезло как только Толстой призвал на помощь Душана и подчинил себя своему мозгу, тренированному на

скептицизме» (Лодыженский М. Мистическая трилогия. Темная сила. М., 1998).

Впрочем, кошмарные приступы безотчетного страха нередко посещали Толстого: «Только улёгся, вдруг вскочил от ужаса. И тоска, и тоска – такая же душевная тоска, какая бывает перед рвотой, только духовная. Жутко, страшно... Жизнь и смерть сливалась в одно... Смерть... Страшно... Что-то раздирало мою душу на части... Ужас – красный, белый, квадратный. Мучительно, и мучительно сухо и злобно, ни капли доброты в себе не чувствовал, а только ровную спокойную злобу на себя и на То, что меня сделало»...

Еще характерная запись в дневнике от 22 апреля 1907 года (кстати, в день рождения Ленина): «Вчера странное состояние ночью... Точно кто-то на меня дунул. Почувствовал свежее дыхание, и поднялось бодрое настроение вместе с сознанием близкой смерти...» Были, были необъяснимые с рациональной точки зрения прорывы в жизнь Толстого. «Осенью 1902 года жена Толстого записала в своем дневнике: «С 10 сентября на 11-е у нас на чердаке был пожар. Сорели четыре балки, если бы я не усмотрела этого пожара, по какой-то счастливой случайности взглянув на чердак, сгорел бы дом, а, главное, потолок завалился бы на голову Льва Николаевича, который спит как раз в той комнате, над которой горело». Следует уточнить: пожар произошел именно в то самое время, когда Лев Толстой начал писать еще одно кощунственное сочинение – Обращение к духовенству» (Ставров Н. Вторая Мировая. Великая Отечественная. Т. III. С. 287).

И все же главную миссию Толстого искать надо не в «духовной публицистике», а в его художественном творчестве. Именно оно влияло на миллионы. Может быть, самоубийство Карениной должно было повторить «эффект Вертера»? Была ведь навязчивая идея суицида и у самого писателя. Недаром в Ясной Поляне он прятал

от себя ружьё и верёвки... Однако с Карениной что-то не сработало. Так что же оставалось делать, чтобы «откупиться от личного демона»?

Макс Нордау писал: «Какими бы достоинствами ни отличался художественный талант Толстого, своею мировую славою и влиянием на современников он обязан не ему. Его романы были признаны замечательнейшими произведениями литературы; и, тем не менее, в продолжении десятилетий «Война и мир» и «Анна Каренина» почти не имели читателей за пределами России, и критика восторгалась автором только с большими оговорками... Только появившаяся в 1889 году «Крейцера соната» разнесла его имя по всем углам земного шара; небольшой рассказ переведен был на все европейские языки, издан в сотнях тысяч экземпляров; миллионы людей страстно зачитывались им. Начиная с этого момента, общественное мнение Запада поставило его в первые ряды современных писателей; его имя было у всех на устах... «Крейцера соната», как художественное произведение, далеко ниже большей части его романов и рассказов; тем не менее, славу, не дававшуюся так долго автору «Войны и мира», «Казаков» и «Анны Карениной», она завоевала одним ударом...»

В чем же загадка этой «Крейцеровой сонаты»? Там муж убивает жену якобы из ревности к любовнику. Но этот рассказ стоит во всех справочниках психопатологии как яркий пример латентного или подавленного гомосексуализма. Кстати, жена Толстого терпеть не могла этот рассказ, как ненавидела и Черткова, с которым старого графа связали странные, мягко говоря, отношения. Во всяком случае, Софья Андреевна прямо обвиняла их в педерастии. Кстати, портрет Черткова, которому в сентябре 1909 года Толстой завещал все права на свои сочинения, таков: «Неподвижное лицо,

очень черный брюнет, синие очки и кривой глаз». Просто Аззелло какой-то!

«Существенным пунктом учения Толстого о нравственности является умерщвление плоти. Всякое сношение с женщиной нечисто; брак – такое же греховное дело, как и свободное сожителство между двумя полами. «Крейцера соната» воспроизводит это учение в художественных образах. Убийца из ревности Позднышев говорит: «Медовый месяц! Ведь название-то одно какое подлое!.. Это нечто вроде того, что я испытывал, когда приучался курить, когда меня тянуло рвать и текли слюны, а я глотал их и делал вид, что мне приятно».

Толстой в своем дневнике от 29 ноября 1851 года, в возрасте 23 лет, пишет следующее: «Я никогда не любил женщин... но я довольно часто влюблялся в мужчин... Я влюбился в мужчину, еще не зная, что такое педерастия... Например, Дьяков – я хотел задушить его поцелуями и плакать». Это опубликовано во многих биографиях Толстого.

Все это – не копание в грязном белье. Все это – важный аспект нашей темы. А именно разговор о том, что «всемирно известными» писатели становятся отнюдь не за свои реальные литературные заслуги.

...Могила Толстого стала местом поклонения. Обнаружила все признаки культового памятника. Вскоре после смерти графа, 28 августа 1911 года, приехал сюда его верный ученик Бирюков с товарищами. Возложили цветы. Десятилетний сын Бирюкова нагнулся, чтобы поправить их и вдруг громко вскрикнул. Отец с ужасом увидел, что правая рука ребенка обвита укусившей его гадюкой... Гадюки в здешних местах не замечены, установило расследование, и появлении серой змеи в три четверти аршина длиной является загадкой. Тогда же была обнаружена змеиная норма в могиле писателя.

Пресмыкающаяся «мудрость» этого грешника еще долго будет жалить и из гроба.

...Высоко вознесли тролли кривое зеркало по имени Толстой. Разбившись, оно поранило многих.

Поступь бес-культурыя

Эта книга, как вы поняли, не только о Булгакове и не столько о нем. Он – лишь один из наиболее ярких примеров того, как значительную часть мировой культуры стала демоническим «проектом». У этого «проекта» много целей: внушение идей самоубийства, наркотизация, отмена христианской морали и так далее...

А, может быть, все же нескромно обличать признанных авторитетов? Такой вопрос нередко возникает, но он неточный. Неправильно грызть брошенный в тебя камень, надо видеть, какая рука его бросила. Надеюсь, внимательный читатель увидит в этой книге не очернение национальной культуры, а попытку обличения незримых бесов. И задумается о сути их личин, скрытых под – порой привлекательными – масками человеческой плоти.

Но для этого нужен православный взгляд. Такой, как был у К. Н. Леонтьева. Он писал: «А знаете, кого я всей душой теперь ненавижу? Не угадаете. Гёте. Да, от него заразились и все наши поэты и мыслители, на чтении которых я имел горькое несчастье воспитываться и которые и в жизни меня столько руководили! «Рассудочный блуд, гордая потребность развития какой-то моей личности»... и т. д. Это ужасно! Нет, тут нет середины! Направо или налево! Или христианство и страх Божий, или весь этот эстетический смрад блестящего порока!..»

Леонтьев ведь застал юбилейные восторги по поводу Гёте. Как не возмутиться было хотя бы такому выводу либерального литературоведения: «...Фауст – каждый из нас в те минуты, когда мы перестаем быть рабами мелочей жизни и становимся людьми из титулярных

советников, коммерсантов и пр., потому что и Гёте – один из нас, только лучший». Это еще что! Потом Фауста и его автора стали записывать в различные политические партии. Легальные марксисты восторгались: как нужны человечеству фаустовские грезы о счастье на земле! Луначарский назвал финал «Фауста» социалистическим. Наконец, уже в 1937 году руководитель гитлеровской молодежи Б. фон Ширах разглагольствовал «о любви Гёте к военной униформе и о «вечной юности» этого безбожника, чей дух был вызван из небытия великим фюрером». Интересно, что носители всех наиболее мощных дьявольских идей в политике принимали Фауста за своего. И в этом они были правы.

Ладно с ним, с Гёте. Особенно больно узнавать страшные вещи про «наших», любимых со школьной скамьи. Революционно-либеральная, а позже советская школа не способна была дать духовную картину их творчества. Это непонимание и есть материал, из которого отлит колосс наподобие Родосского; он присвоил себе имя «русской культуры». Русская ли она? «По паспорту» – да. Но ведь русский – значит, православный!

Литература убила Россию – если и преувеличил Розанов после трагедии 1917 года, то не так уж сильно.

Можно ли было безнаказанно – десятилетиями и даже веками – возвращать плевелы? Любовь – в стиле охальных стишков Баркова. Надежду – в светлое будущее по Чернышевскому. Веру – в себя. Как заключил Есенин «Инонию»:

Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера – в силе.
Наша правда – в нас!

Демон искусительной литературы красноречив!

Нельзя не согласиться: «Россия стала читающей страной, и уже с середины XIX века возникло глубокое противоречие. Русский человек читал художественную книгу, как текст Откровения, а писатель-то писал уже во многом как Андре Жид...

В. В. Розанов упрекнул русскую литературу за безответственность. Но писатели XIX века еще не знали взрывной силы слова в культуре традиционного общества.

...В русских людях жива еще старая вера в то, что высокое художественное Слово, дар Ученого или любой другой талант обладают святостью, благодатью. Через них не может приходить зло. А значит, носителям таланта, если они что-то заявляют в поворотные моменты народной судьбы, следует верить. Так и верили – академикам, певцам, актерам. И особенно – писателям.

Сами писатели не предупредили, что эта вера ложна, в ней много от идолопоклонства. Предупредить было нетрудно, требовалась лишь гражданская совесть. Достаточно было сказать, что по одному и тому же вопросу противоположные позиции занимали равно близкие нам и дорогие Бунин и Блок (или Бунин и Есенин) – это видно из дневников самого Бунина. Значит, вовсе не связан талант с истиной...» [30].

В мире нигде больше такого нет. Трудно себе представить, то где-то еще вокруг литературного произведения, его автора или героев создавался бы религиозный культ. Меж тем в справочнике деструктивных сект, изданных Московской Патриархией, есть и бажовцы, и ефремовцы. Есть и булгаковцы. И их кумиром является, конечно, не Иешуа Га-Ноцри. Они с глупой смелостью заглядывают в глаза персонажа, встречаться взглядом с которым опасно: правый глаз – «с золотой искрой на дне», а левый – «пустой и черный... как вход в бездонный колодец всякой тьмы и теней».

Вы никогда не обращали внимания: на старинных иконах «Тайная вечеря» Иуда всегда повернут в профиль. Точно так же изображают на святых образах и бесов – в сценах Страшного Суда или житийных сюжетах. Это делается нарочито. Чтобы молящийся не встретился с адским исчадием взглядом.

Как тут не вспомнить смертоносных взглядов василиска, Вия, Медузы-Горгоны. Подобные сюжеты есть в мифологии народов едва ли не всех континентов.

Помните, как в «Вие»: «Сквозь сеть волос глядели страшно два глаза... Все глядели на него, искали...» Этот зрительный мотив – главный в повести: философу кажется, будто все обратило на него очи, но нечистая сила не может увидеть его, пока не появится ее предводитель, с железным лицом и опущенными до земли веками. Как только Хома, не выдержав, взглянул на Вия, тот сразу же увидел его и уставил на него свой железный палец. Сам взгляд Хома открывает его чудовищу – тот, кто смотрит на зло, сам делается зримым.

А в гоголевском «Портрете»? Взгляд, словно вырывающийся из полотна, выдает демоническую природу портрета, купленного художником Чартковым.

«Он опять подошел к портрету, с тем чтобы рассмотреть эти чудные глаза, и с ужасом заметил, что они точно глядят на него. Это уже не была копия с натуры, это была та странная живость, которою бы озарилось лицо мертвеца, вставшего из могилы». «Два страшные глаза прямо вперились в него, как бы готовясь сожрать его...» «Глаза еще страшнее, еще значительно вперились в него и, казалось, не хотели ни на что другое глядеть, как только на него».

Нераскаянный Иуда и ему подобные родственны демонам. Существует целая галерея портретов «видимых бесов», писать которые следует лишь в профиль.

А если встретиться с каждым из них взглядом? Как бы обаяние зла не соблазнило тогда своими лукавыми резонами. С некоторыми это и произошло.

Так что только из чувства осторожности писали мы портреты великих писателей и прежде всего Михаила Булгакова именно в соответствии с иконографической традицией. Взяли в основном одну сторону его личности – инфермальную. Другую, человеческую,

несчастную и по-своему обаятельную, затрагивать не стали.

Да, портрет может показаться однобоким. Но, во-первых, такова духовная техника безопасности. А во-вторых, желающий легко может «наложить» скрытый профиль писателя на привычный, ставший хрестоматийным.

Да, наша литература имела и имеет даже сейчас особое влияние на русские души. Может быть, потому, что создается на языке, который стоит ближе всех к последнему избранному языку – церковно-славянскому? Православные всегда чтили пророков, которые от Бога. «Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Святым Духом» (2 Пет. 1:21).

Но кто стал на место пророков? Побежденные демонами гордыни, сребролюбия, блуда и высокоумия – всем бесовским легионом. Какие ценности передавали и передают они в умы и души народа?! Не о таких ли сказано: «Произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении. Обещают им свободу, будучи сами рабы тления; ибо кто кем побежден, тот тому и раб» (2 Пет. 2: 18,19).

И эти несчастные начинают пророчествовать на основании бесовских видений! Поистине: «Так говорит Господь: не слушайте слов пророков, пророчествующих вам: они обманывают вас, рассказывают мечты сердца своего, а не от уст Господних... Я не посылал пророков сих, а они сами побежали; Я не говорил им, а они пророчествовали. Я слышал, что говорят пророки, Моим именем пророчествующие ложь. Они говорят: «мне снилось, мне снилось». Думают ли они довести род Мой до забвения имени Моего посредством снов своих, которые они пересказывают друг другу? Посему вот Я – на пророков, которые действуют своим языком, а

говорят: «Он сказал». Вот, Я – на пророков ложных снов» (Иер. 23, 16–32).

Наша литература – не томик хрестоматии. Она там, где есть Отец – потому и отечественная, – в самом высоком смысле этого слова.

Русская культура – не сверкающий славою идол, это часть лестницы к Богу. И гнилые, источенные червями греха ступеньки для нее не годятся.

А колосс, что же делать с ним? Когда Родосский исполин был повержен, караваны еврейских купцов растащили металл по всей эйкумене. Пусть американоподобные постановщики и посыпанные перхотью «литературоведы», игривые интерпретаторы и носатые пародисты растаскивают по карманам позеленевшую медь неоязыческой культуры – на гонорары. При нашем богатстве – не жалко.

С Божией помощью можно и нужно остановить дальнейшую поступь бес-культурия. Но для этого надо знать его главные источники. Понимать страшную глубину входа «в бездонный колодец всякой тьмы и теней».

Цитируемая литература

1. Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. Ростов-на-Дону, 2000.

2. Аттиас Жан-Кристоф, Бенбасса Эстер. Еврейская цивилизация. Энциклопедический словарь. М., 2000.

3. Афанасьев Александр. Мифы, поверья и суеверия славян. М. – СПб., 2002.

4. Бауер Вольфганг, Дюмоц Ирмтрауд, Головин Сергиус. Энциклопедия символов. М., 1995.

5. Бессерман Перли. Каббала и еврейский мистицизм. М., 2002.

6. Брокгауз и Эфрон. Энциклопедический словарь. Биографии. М., 1993.

7. Булгаков С. В. Православие. Ереси, секты. Западные вероисповедания. Соборы. М., 1994.

8. Вавилон и Иерусалим. Ближневосточный конфликт в свете Библии. М. – Иерусалим. 2002.

9. Вебстер Неста. Всемирная революция. Заговор против цивилизации. Киев, 2001.

10. Виленский О. Г. Психиатрия. Социальные аспекты. М., 2002.

10-2. Воробьевский Ю. Иудиада. М., 2010.

10-3. Воробьевский Ю. Наступить на аспида. М., 2006.

10-4. Воробьевский Ю. Орден Иуды. М., 2011.

11. Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый Ангел вострубил. М., 2003.

11-2. Воробьевский. Русский голем. М., 2005.

12. Воробьевский Ю. Стук в Золотые врата. М., 2003.

12-2. Воробьевский Ю. Террорист номер 0. М., 2011.

13. Воробьевский Ю. Шаг змеи. М., 2002.

14. Гиляров Кирилл. Тайна Таньи. М., 1999.

15. Гиляровский В. А. Учение о галлюцинациях. М., 2003.
16. Глубоковский Н. Н. Благовестие св. Апостола Павла и иудейско-раввинское богословие. 1998.
17. Гностики или о «лжеименном знании». Киев, 1997.
18. Гонсалес-Уиплер Миген. Каббала для современного мира. М., 2000.
19. Даймонт М. Евреи, Бог и история. М., 1994.
20. Данилин Александр. LSD. Галлюциногены, психоделия и феномен зависимости. М., 2001.
21. Дьявол, его нынешние лжечудеса и лжепророки. Житомир, 2002.
22. Дубнов С. М. Краткая история евреев. М., 1996.
23. Журавель О. Д. Сюжет о договоре с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск, 1996.
24. Иванов В. Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. М., 1997.
25. Святитель Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти. Минск, 1999.
26. Йонас Ганс. Гностицизм. С.-Пб., 1998.
- 27....И даны будут жене два крыла. М., 2002.
28. Как защитить вашего ребенка? М., 2002.
29. Кандинский В. Х. О псевдогаллюцинациях. М., - Н. Новгород, 2001.
30. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием в России сегодня. М., 2001.
31. Священник Николай Карасев. Путь оккультизма. Историко-богословские исследования. М., 2003.
32. Колеман Джон. Комитет 300. М., 2000.
33. Крафт Чарльз. Свобода от мрака теней. Н. Новгород, 2000.
34. Крыленко А. К. Денежная держава. Тайные механизмы истории. М., 2002.
35. Диакон Андрей Кураев. Кто послал Блаватскую. М., 2000.

36. Диакон Андрей Кураев. Сатанизм для интеллигенции. (О Рерихах и Православии). Т. I, II. М., 1997.
37. Лайтман Михаэль. Кабала. Тайное еврейское учение. Новосибирск. 1993.
38. Лайтман Михаэль. Наука каббала. М., 2001.
39. Лану Арман. Мопассан. М., 1971.
40. Леманн А. Иллюстрированная история суеверий и волшебства. Киев, 1993.
41. Лесны И. О недугах сильных мира сего. Ростов-на-Дону, 1998.
42. Игумен Марк. Злые духи и их влияние на людей. М., 2002.
43. Махзор на Йом-Кипур. М., 2001.
44. Медведев Жорес. Сталин и еврейская проблема. М., 2003.
45. Медведева И., Шишова Т. Логика глобализма. М., 2002.
46. Священник Михаил. Православный взгляд на творчество. М., 1997.
47. Игумен Н. От чего нас хотят «спасти». М., 2001.
48. Назаров Михаил. Закон об экстремизме и «Шулхан арух». М., 2002.
49. Натаф Анре. Мэтры оккультизма. СПб., 2002.
50. Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера. Справочник. Том 1. Сатанизм. Автор-составитель И. Куликов. М., 1999.
51. Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера. Справочник. Том 4. Восточно-мистические группы. Часть 1. Автор-составитель И. Куликов. М., 2002.
52. Нордау Макс. Вырождение. М., 1995.
53. Нострадамус Мишель. Центурии. М., 1991.
54. Острецов Виктор. Масонство, культура и русская история. М., 1998.

55. О психологии К. Юнга и прозе Г. Гессе. Пермь, 2001.
56. Священник Константин Пархоменко. Вселение и изгнание дьявола. С.-Пб. – М., 2002.
57. Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. М., 2003.
58. Петишка Эдуард. Голем. Прага, 1997.
59. Платонов О. А. Терновый венец России. Тайная история масонства. Документы и материалы. Том I. М., 2000.
60. Платонов О. А. Терновый венец России. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против Христианской цивилизации. М., 1998.
61. Попов А. Чрево. Религия мнимого дела. М., 1996.
62. Правила Святых Апостолов и Святых Отец с толкованиями. М., 2000.
63. Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 2000.
64. Преподобный Силуан и его ученик архимандрит Софроний. Клин, 2001.
65. Проблемы современной православной семьи. СПб., 2003.
66. Рассел Джеффри Бартон. Мефистофель. Дьявол в современном мире. СПб., 2002.
67. Архимандрит Рафаил (Карелин). В аду на земле. М., 2001.
68. Архимандрит Рафаил (Карелин). Векторы духовности. М., 2003.
69. Роббинс Рассел Хоуп. Энциклопедия колдовства и демонологии. М., 1996.
70. Русское колдовство. М. – СПб., 2002.
71. Русская расовая теория до 1917 года. М., 2002.
72. Сидоров Валентин. Людмила и Вангелия. М., 1992.
73. Сидоров Валентин. Против течения. М., 1992.

74. Солженицын А. И. Двести лет вместе. Т. 1. М., 2001.
75. Соловьев Вс. С. Современная жрица Изиды. М., 1994.
76. Архимандрит Софроний (Сахаров). Видеть Бога как Он есть. М., 2000.
77. Стоянова Красимира. Ванга. М., 2003.
78. Тайны ясновидения великой Ванги. Минск, 1999.
79. Теуш В. Л. О духовной истории еврейского народа. М., 1998.
80. Тихомиров Лев. Религиозно-философские основы истории. М., 1997.
81. Раби Йозеф Телушкин. Еврейский мир. М. – Иерусалим, 1998.
82. Фауст и Заратустра. СПб., 2001.
83. Федоров И. Владимир Соловьев и православие. М., 2000.
84. Фрэзер Джеймс Джордж. Золотая ветвь. М., 1983.
85. Харитонов В. И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян. М., 1999.
86. Хасидская мудрость. Сост. В. В. Лавский. М., 1999.
87. Ходос Эдуард. Еврейский синдром. Харьков, 2001.
88. Ходос Эдуард. Еврейский синдром 3. Киев, 2002.
89. Холл Мэнли П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Т. II. Новосибирск, 1992.
90. Честертон Гилберт К. Вечный человек. М., 2003.
91. Шафаревич. И. Р. Трехтысячелетняя загадка. История еврейства из перспективы современной России. СПб., 2002.
92. Штрак Г. Л. Кровь в верованиях и суевериях человечества. СПб., 1995.
93. Цвейг Стефан. Борьба с демоном. М., 1992.
94. Раби Шимон. Фрагменты из книги Зогар. М., 1994.

95. Элиаде Мирча. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М. – СПб., 1999.

96. Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. М., 1998.

97. Эфроимсон В. П. Биосоциальные факторы повышения умственной активности. М., 1982.

---

notes

Примечания

1

Свт. Игнатий (Брянчанинов) писал на это счет так: «Демон, имея доступ к душам нашим во время бодрствования нашего, имеют его и во время сна. В то время сна они искушают нас грехом, примешивая к нашему мечтанию свое мечтание. Также, усмотрев в нас внимание к снам, они стараются придать нашим снам занимательность, а в нас пробудить к этим бредням большее внимание, ввести нас мало-помалу в доверие к ним». Это многое объясняет, в том числе и в «творческой кухне», мы еще убедимся.

2

То же самое произошло, например, во время «оранжевой революции» в Киеве.

3

См. Синописис свт. Димитрия Ростовского. Кстати, не случайно в знаменитом романе Булгакова именно Азazelло дает Маргарите волшебный крем.

«Ритуал посвящения включает символическую смерть посвящаемого, который вводится... в особое состояние, подобное анабиозу или летаргическому сну с помощью специальных магических заклинаний, ритуальной музыки и психоактивных веществ. Символическая смерть посвящаемого означает его разрыв с миром людей, для которых он как бы умирает, а значит, перестает быть человеком. В этом состоянии, как считают жрецы, душа покидает тело и совершает путешествие в «астральном» мире, встречается с «богами», получает от них тайные знания и силы, а также заручается поддержкой некоторых конкретных духов». (Игумен Н. Об одном древнем страхе. М., 2007.)

См. роман Р. Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда».

Цит. по: Махов А. Е. Сад демонов. Словарь
инфернальной мифологии Средневековья и
Возрождения. 1998.

Макс Нордау поставил Ницше свой диагноз и одновременно раскрыл его, сугубо диавольский метод – из всякой мысли творить перевертыш: «Вот ключ к оригинальности Ницше. Она заключается в том, что Ницше берет разумную мысль и забавляется, как ребенок переворачиванием ее наизнанку... Это объяснение происхождения (оригинальной) нравственной философии Ницше приводит нас к диагнозу, бросающемуся в глаза даже самому близорукому человеку: система Ницше – исчадие мании противоречия, составлявшей буйную форму того же помешательства, меланхолическая форма которого выражается в мании сомнения и отрицания».

Антропология духовного зрения вот в чем. «Ум человеческий, – пишет свт. Игнатий (Брянчанинов), – не в состоянии отличить добро от зла; замаскированное зло почти всегда обманывает его. И это очень естественно: ум человеческий юн, а борющиеся его злыми помыслами имеют более чем семитысячелетнюю опытность в борьбе, в лукавстве, в ловитве душ человеческих. Различать добро от зла принадлежит сердцу – его дело». То же и у Григория Паламы: «Мы точно знаем, что наша мыслительная способность находится в сердце, как в органе; мы научились этому не от человека, но от Самого Создавшего человека, Который говорит в Евангелии: от сердца исходят помышления» (Мр. 7, 21).

9

Подробнее о наведении одержимости во время инициации – в моей книге «Пятый Ангел вострубил»

10

«Гёте говорил, что для поэта необходимо известное мозговое раздражение и что он сам сочинял многие из своих песен, находясь как бы в припадке сомнамбулизма» [49-2, с. 7].

11

Впрочем, inferнальный мир все равно «отыгрывается» потом на потомстве своих агентов, в том числе – реформаторов и революционеров. Достаточно вспомнить раннюю смерть сына Горького. В этом же ряду – «суициды среди потомков Маркса, Троцкого, Бакунина» [13-2, с. 210]. Подробнее – в моей книге «Русский голем».

Подробнее – в моей книге «Черный снег на белом поле».

13

Между прочим, Буллит был пациентом и даже соавтором Зигмунда Фрейда.